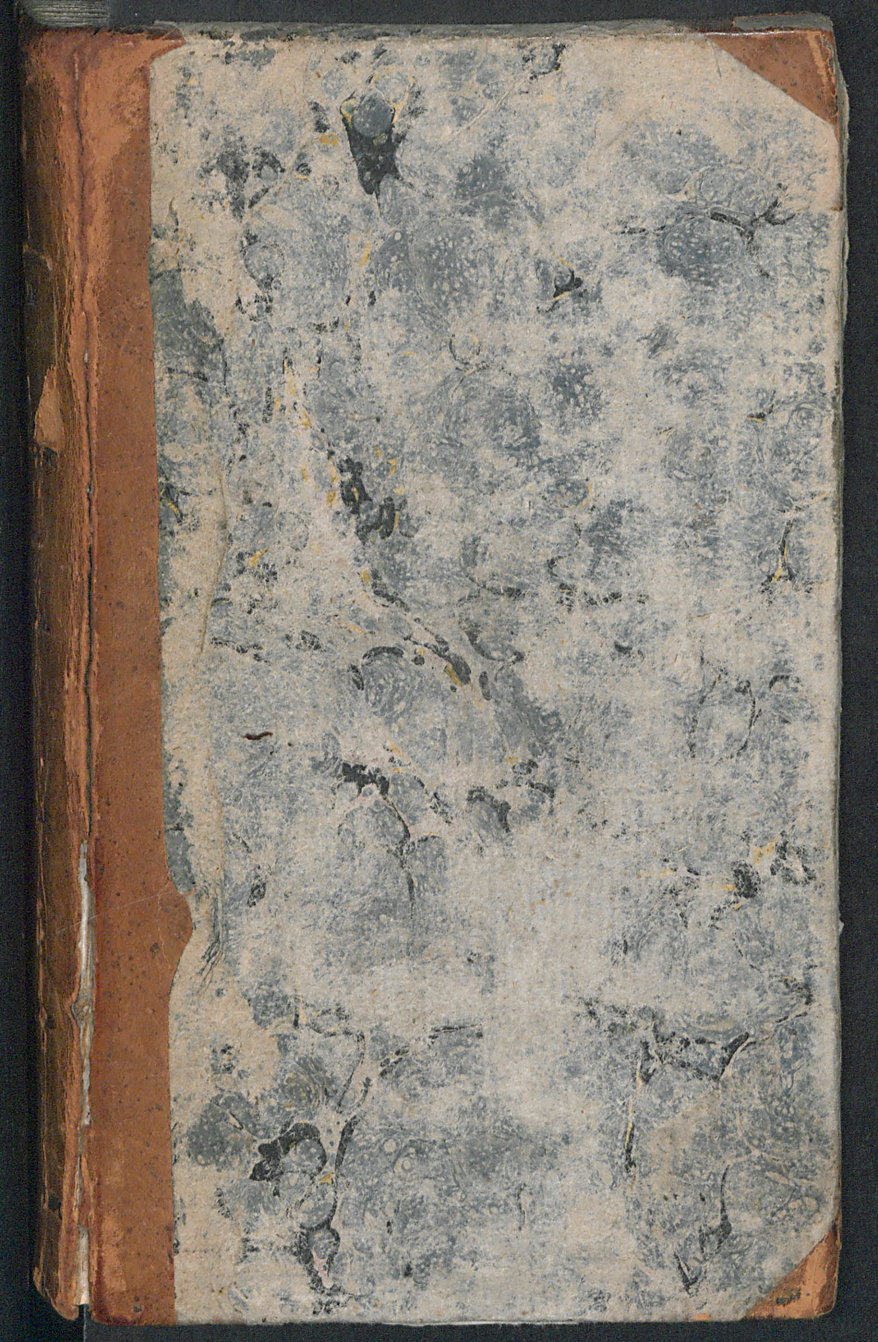
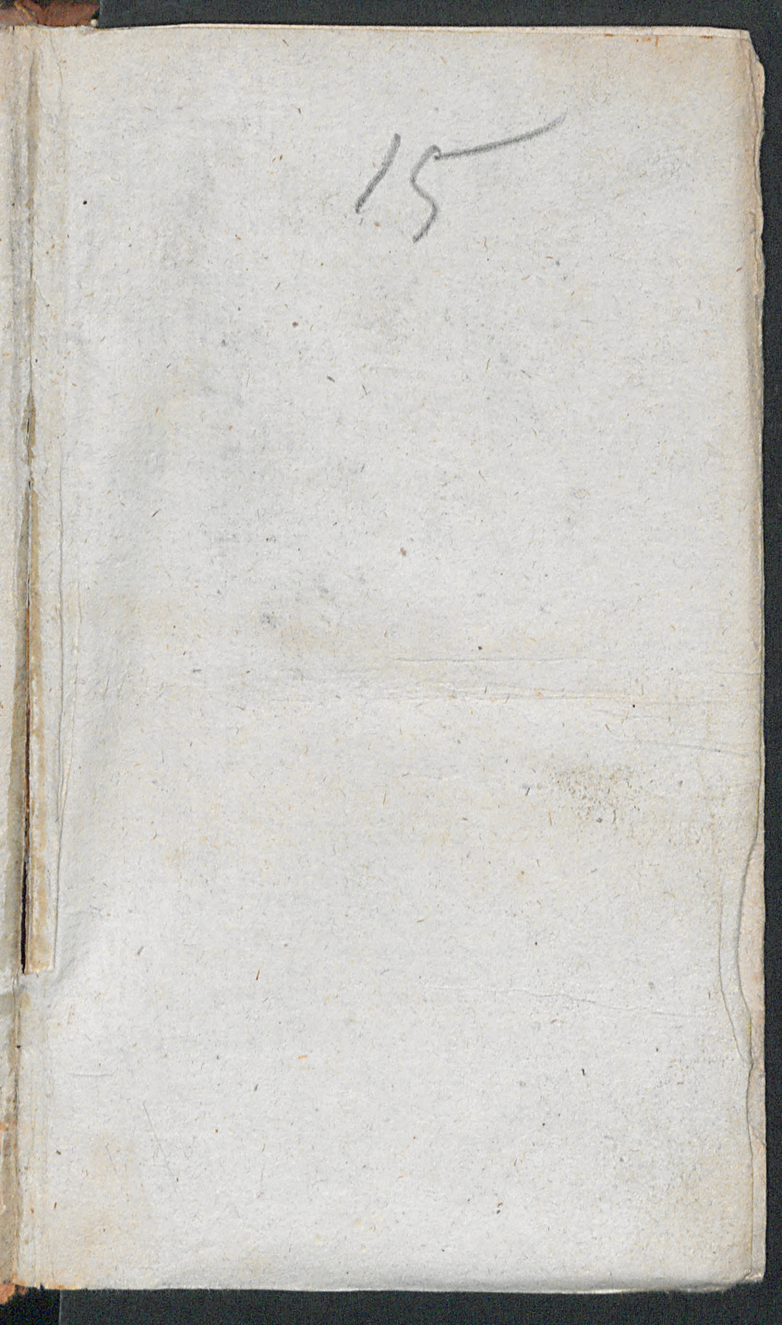

15

НОВЫЯ

ПУТЕШЕСТВІЯ

ВЪ

ЗАПАДНУЮ ИНДІЮ,

Содержащія въ себѣ описаніе разныхъ народовъ, живущихъ въ окружностяхъ большей рѣки Сентъ-Луи, обыкновенно называемой Мисисипи; ихъ законы, правленіе, нравы, войны и отправленія торговли,

писанныя

Господиномъ БОСЕЮ.

Часть первая.

Переведено съ Французскаго языка.

Иждивеніемъ Н. Новикова и Компаніи.

ВЪ МОСКВѢ,
Въ Университетской Типографіи,
у Н. Новикова, 1783 года.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ, я читалъ книгу подъ заглавіемъ: Новыя путешествія въ Западную Индію, *и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. Коллежскій Совѣтникъ, Краснорѣчія Профессоръ и Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,*

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Авторъ сея книги, проѣхавъ въ 12 лѣтъ разныя земли, населенныя дикими народами, и желая ихъ гораздо доброжелательнѣе сдѣлать къ Французамъ, выучился ихъ языку для подробнаго извѣданія ихъ нравовъ и свойства и для выспрашиванія ихъ о томъ, что ему могло быть нужно для его службы. Посему можно ручаться за исправность его примѣчаній.

Онъ писалъ совсѣмъ просто къ нѣкоторому знатному офицеру, съ которымъ онъ имѣлъ переписку, и который любопытствовалъ знать образъ жизни жителей другой гемисферы. Авторъ старался обнаружить самыя тайныя ихъ мысли. Онъ съ удивленіемъ примѣтилъ порядокъ ораторическій и дарованія, находящіяся въ рѣчахъ людей, называемыхъ нами *дикими*. Такова изъ оныхъ есть рѣчь, говоренная Тамаше-Минго,

начальникомЪ поколѣнія *Алибамонопь*, при случаѣ вопроса о томЪ, что должно ли содержать мирЪ между воюющими народами. Она находится вЪ 15 письмѣ.

Историческія письма, составляющія сію книгу, ведутЪ читателя кЪ связи удивительныхЪ дѣлЪ. Они точно достойны любопытства; они пріятны по разности и свойству своихЪ предметовЪ; нравоучительныя и политическія разсужденія, не будучи превосходны штилемЪ, природны; тамЪ повсюду видны справедливость и вѣрность, управлявшія авторомЪ во всѣхЪ его дѣлахЪ, похваленныхЪ и одобренныхЪ толь справедливо вЪ достовѣрныхЪ писаніяхЪ, помѣщенныхЪ вЪ семЪ сочиненіи, вЪ которомЪ все справедливо какЪ вЪ разсужденіи топографіи, такЪ и всеобщей исторіи западной Индіи, которой онЪ слѣдовалЪ, упоминая о лучшихЪ журналахЪ.

Сіе повѣствованіе содержитЪ вЪ себѣ главныя произшествія, касающіяся

щіяся до сей земли и разсказанныя по порядку временЪ, вЪ которыя оныя приключились отЪ самаго ея открытія (*) вЪ 1512 году до 1762.

АвторЪ, увѣренЪ будучи, что истинна можетЪ больше сдѣлать впечатлѣнія безЪ украшенія, нежели все удивительное, коимЪ бы можно было оную украсить, пишетЪ то, что онЪ видѣлЪ и узналЪ вЪ тѣхЪ мѣстахЪ. ОнЪ бы могЪ говорить пространнѣе, но онЪ ограничилЪ себя, разсказывая самыя пріятныя произшествія, дабы не наскучить.

Хотя сіе описаніе содержитЪ столько же пріятности, сколько и пользы, однако можно увѣрить,

 что

(*) *Луизіана называлася сперва Флоридою. Ее открылЪ ЖанЪ-ПонсЪ де ЛеонЪ 27 Марта, 1512 года, вЪ день Пасхи, и конечно по причинѣ хорошаго ея вида отЪ множества зелени и цвѣтущихЪ полей назвали ее Флоридою.*

что оное не имѣетъ въ себѣ романическаго штиля большей части путешественниковъ, которые выдумываютъ странныя исторіи, чтобы болѣе себя возвысить, и которые при помощи пріятнаго штиля представляютъ иногда замысловатыя басни за истинну; другіе путешественники не имѣютъ журналовъ, касающихся до обыкновенія народовъ, коихъ не льзя узнать хорошенько, не живъ съ ними долгое время.

Всѣ приключенія, писанныя авторомъ въ сей книгѣ, показались бы выдуманными, естьли бы во Франціи не было множества отличныхъ людей, сотовариществовавшихъ ему въ его путешествіяхъ, кои могутъ оныя подтвердить.

Сіе сочиненіе умножено историческими, географическими и другими примѣчаніями для изъясненія нѣкоторыхъ изреченій, употребляемыхъ дикими въ своихъ рѣчахъ.

Сей

Сей офицерЪ сЪ чрезмѣрною неохотою говоритЪ мимоходомЪ о нѣкоторыхЪ собственныхЪ своихЪ приключенiяхЪ. ОнЪ принужденЪ былЪ кЪ тому связью матерiй; но главный его предметЪ, предлагая предЪ глаза своихЪ соотечественниковЪ добродѣтели и пороки чужестранныхЪ земель, былЪ вперять отвращенiе кЪ злымЪ и почтенiе кЪ добродѣтельнымЪ.

ОГЛА-

ОГЛАВЛЕНІЕ

Писемъ, содержащихся въ первой части сея книги.

Стран.

Письмо I. Отъѣздъ автора въ Америку, описаніе города Капъ-Франсе, жестокости Испанцевъ къ жителямъ острова Сентъ-Доминга, рудокопныя работы, настоящее происхожденіе Французской болѣзни. 1.

Письмо II. Сочинитель отъѣзжаетъ изъ Капъ-Франсе въ Луизіану. Краткое описаніе Гаваны и славнаго Мексиканскаго залива. 22.

Письмо III. Описаніе духовныхъ обрядовъ, отправляемыхъ нѣкоторыми народами, живущими на берегахъ рѣки Мисисипи. Заговоръ Натшезовъ противъ Французовъ. 36.

Письмо IV. Прибытіе автора къ Акансасамъ. Бѣдственной конецъ войска Фердинанда Сото. Разсужденіе о глупости людей, искавшихъ золотой горы. Происхожденіе славнаго Дорадо. Плачевное повѣствованіе о смерти господина де ла Саля. 86.

Письмо V. Описаніе нравовъ Акансаскаго народа, ихъ законовъ, обыкновенія въ произведеніи войны, доброты и плодородія земли. 118.

Письмо

Страк.

Письмо VI. Повѣствованіе о томъ, что приключилося автору во время его путешествія отъ Акансасовъ къ Иллинесамъ. Разбитіе Королевскаго судна С. Лудовика, на которомъ онъ находился. Онъ въѣзжаетъ въ Мисисипи. Одинъ Акансасъ спасаетъ его жизнь. 138.

Письмо VII. Описаніе войны, производимой народомъ лисицъ съ Иллинесами, коея самъ сочинитель былъ свидѣтелемъ. Какъ Французы поселились между сими народами. 156.

Письмо VIII. Авторъ отправляется изъ Иллинесской страны въ новый Орлеанъ. Прибытіе господина Керлерека. Отъѣздъ Маркиза Водреля. Второе путешествіе автора къ Иллинесамъ. Героическое повѣствованіе объ отцѣ, избавившемъ сына своего отъ смерти пожертвованіемъ своея жизни. - 189.

Письмо IX. Отъѣздъ сочинителя отъ Коакіасовъ въ Шартрезскую крѣпость. Примѣчанія его о населеніи Америки. Описаніе слоновъ, пришедшихъ къ окружностямъ рѣки Оіо. 209.

Письмо X. Авторъ оставляетъ Иллинесовъ. Путешествіе его по Мисисипи. Онъ располагается на острове,

Стран.
ровѣ, окруженномъ сею рѣкою. Солдаты его поздравляютъ Губернаторомъ сего острова. —— - 233

Письмо XI. Авторъ отправляется въ Европу. На дорогѣ сражается съ Аглинскимъ каперомъ, садится въ Капъ-Франсе на корабль изъ флота, состоящаго изъ 25 купеческихъ кораблей, которые почти всѣ при его глазахъ взяты каперами. Взятіе небольшаго непріятельскаго корабля и прибытіе сочинителя въ Брестъ. —— - - - 248

НОВЫЯ

НОВЫЯ ПУТЕШЕСТВІЯ ВЪ ЗАПАДНУЮ ИНДІЮ.

Письмо I.

къ Г. Маркизу де Лестрадъ.

Отъѣздъ Автора въ Америку, описаніе города Капъ-Франсе, жестокости Испанцевъ къ жителямъ острова Сентъ-Доминга, рудокопныя работы, настоящее происхожденіе Французской болѣзни.

Государь мой!

При прощаніи моемъ съ вами, вы мнѣ наказывали писать къ вамъ о всемъ томъ, что мнѣ покажется достойнымъ примѣчанія въ семъ новомъ свѣтѣ. Сверхъ того вы требовали, что бы я сдѣлалъ подробное описаніе тому, что на пути моемъ найду примѣчательнаго; я употребляю те-

перь со всевозможнымЪ стараніемЪ вЪ пользу пребываніе мое вЪ КапЪ-Франсе, для исполненія обѣщаній, которыя для меня пріятны, для того что они вамЪ угодны.

Я былЪ вЪ 1750 году вЪ Бель-илѣ; КавалерЪ де Гроссоль тамошній КомендантЪ вручилЪ мнѣ письмо отЪ Графа Дарженсона, вЪ которомЪ онЪ писалЪ что Его Величество пожаловалЪ меня ПоручикомЪ морскихЪ войскЪ и чтобы я безЪ отсрочки пріѣзжалЪ вЪ РошефортЪ; вЪ слѣдствіе чего я сѣлЪ на первую шлюбку, назначенную для перевоза вЪ Рошель сардеповЪ; коихЪ часто ловятЪ на БретанскихЪ берегахЪ, и кои составляютЪ главный доходЪ БельильскихЪ жителей.

ВЪ Ноябрѣ мѣсяцѣ мы поравнялись передЪ Пале (имя города вЪ семЪ островѣ); вЪ первую ночь претерпѣли мы такую жестокую бурю на высотѣ березовЪ Пуату, что всякую минуту думали, что

малое

малое наше судно ударяемое, гонимое и окружаемое волнами будетЪ ими поглощено. Людей на судиѢ было 4 человѢка, а имянно: одинЪ кормчїй и три матроза, уроженцы изЪ Нижней Бретанїи, коихЪ обыкновенно называютЪ *морскими полками*; они такЪ привыкли кЪ сей стихїи, что небоятся оныя вЪ жесточайшїя непогоды. КакЪ вѢтрЪ умножился, то мы принуждены были отступить кЪ острову Лиль-Дїе, лежащему между Пуату и землею ОнисЪ, и пробыли тамЪ 8 дней, по окончанїи которыхЪ море утишилось, и мы тотчасЪ пустились вЪ путь, и продолжали оной кЪ острову Ре, оттуда переѢхалЪ я состоящей изЪ 3 миль рукавЪ морской отдѢляющїй островЪ отЪ матерой земли при дорогѢ вЪ Рошель. На другой день я прибылЪ вЪ РошефортЪ, и явился кЪ Интенданту морскаго департамента господину Норману Мези; которой сказалЪ мнѢ, чтобы я запасшись всемЪ нужнымЪ кЪ путешествїю ѢхалЪ вЪ

Рошель, и сѣлъ тамъ на корабль называемой Поншаршрень. Господинъ Норманъ нанялъ корабль сей на щетъ Королевской для перевозу четырехъ ротъ морскихъ солдатъ, взятыхъ нами въ цитадели острова Ре, и назначеныхъ къ усиленію гарнизона въ Новомъ Орлеанѣ.

Мы отправились изъ Рошеля 26 Декабря, вѣтеръ былъ намъ противенъ болѣе 15 дней, мы хотѣли отступить къ Корунѣ, дабы укрыться въ ее берегахъ, но по щастію вѣтеръ вдругъ перемѣнился, и въ концѣ Генваря мѣсяца мы находились въ виду Мадеры. (*) Сей островъ по причинѣ плодоносія и доброты земли своей на-

---

(*) *Африканской островъ въ западномъ Океанѣ, лежащій къ сѣверу отъ Кенарскихъ острововъ; сіи послѣдніе открыты были въ 1417 году Нормандскимъ дворяниномъ называемымъ Жанъ-Бентен-куртъ, которой имѣлъ титулъ Короля Кенарскихъ острововъ, и помогъ Испанцамъ оные завоевать, которымъ они теперь принадлежатъ.*

называется королевою всѣхъ острововъ; и простирается на дватцать миль.

Мадера производитъ изрядныя вина и плоды прiятные видомъ и вкусомъ.

Февраля 15 дня мы находились подъ тропикомъ рака. 16 препровождено въ нѣкоторыхъ весьма смѣшныхъ обрядахъ, которымъ принужденны слѣдовать тѣ кои никогда не проѣзжали сей линiи, ихъ крестятъ морскою водою, но можно избавиться отъ сего излишняго и безпокойнаго окропленiя посредствомъ небольшихъ подарковъ матросамъ. Наконецъ чрезъ два мѣсяца послѣ отъѣзда нашего изъ Рошеля, мы благополучно прибыли въ Капъ-Франсе, берегъ и островъ Сен-доминга, на которомъ Испанцы построили первые свои города и крѣпости.

Мысъ находится при подошвѣ горы, и защищается крѣпостью находящеюся при входѣ въ гавань. Сiя крѣпость

довольно снабденая артилеріею, простирается въ моръ и дѣлаетъ въ ономъ мысъ, отъ сего городъ (*) и получилъ свое наименованіе, онъ населенъ торгующими Европейцами, Креолами и Неграми, изъ коихъ сіи послѣдніе употребляются на обработованіе сахару, кофе, какао, хлопчатой бумаги, табаку и проч.

Испанцы и Французы раздѣляютъ сію землю, сіи послѣдніе занимаютъ часть лежащую ближе къ западу, Сандоминго тамъ столичный городъ и пребываніе Епископа.

Сей островъ учинился знаменитымъ по происхожденію французской болѣзни, о которой говорятъ толь не согласно и разно, что я за долгъ себѣ поставляю, васъ точно о семъ увѣдомить.

Николай де Обандо былъ Губернаторомъ въ сей странѣ, въ концѣ пятагонадесять вѣка, въ царствованіе Фердинанда Аррагонскаго, и Иза-

(*) Капъ значитъ мысъ.

Изабеллы Кастильской; ему нарочно наказано было старашься о обращещеніи покоренныхЪ ИндейцевЪ; но онЪ роздалЪ ихЪ КастиліанцамЪ, давая каждому по сту, и по пятидесяти человѣкЪ, и назвалЪ сіе дѣйствіе раздѣленіемЪ. Вы я думаю, согласитесь государь мой со мной, что ето странной способЪ обращать вЪ вѣру, и что такія поступки весьма противны истинному разуму Христіанства (*).

Сіи жадные ко злату Испанцы, принудили сихЪ нещастныхЪ Индѣй-

 цевЪ

(*) *Король ДонЪ-ФердинандЪ увѣдомившись о сихЪ безпорядкахЪ, старался онымЪ помочь, старанія его особливо касались до ИндѣйцевЪ, коихЪ онЪ хотѣлЪ покровительствовать и обратить кЪ вѣрѣ, вЪ чемЪ состояло главное намѣреніе КатолицкихЪ Королей; онЪ учинилЪ многія повелѣнія и обнародовалЪ законы о томЪ, что бы ихЪ научали тихостію, примѣромЪ и безкорыстностію; но всѣ употребляемыя имЪ средства теряли отЪ дальности свою силу, равно какЪ вдали пущенная стрѣла падаетЪ приподножіи цѣли.*

Антоній де СолисЪ.

цевъ роботать въ рудокопныхъ заводахъ, и быть по восьми или по девяти мѣсяцевъ погребенными во внутренности земли. Сія трудная работа, сѣрные пары выходящіе непрестанно изъ земли, и голодъ такъ испортили ихъ кровь, что лице ихъ пожелтѣло, и по всѣмъ частямъ тѣла выступили нѣкоторые роды болячекъ причиняющихъ имъ несносную боль. Скоро они заразили сею болѣзнію своихъ женъ, и слѣдовательно своихъ непріятелей, и всѣ погибали за неимѣніемъ лѣкарства.

Отчаянные Испанцы надѣялись, что сія зараза не послѣдуетъ за ними въ Европу, въ которую они переѣхали для перемѣны воздуха; но они обманулись въ своей надеждѣ, и по своемъ возвращеніи сообщили Европейцамъ болѣзнь полученную ими отъ Американцевъ. Однакоже Господь умилосердился надъ сими нещастными островскими жителями. Одна Ик-

Индѣянка жена Кастиліанца, нашла чрезъ нѣсколько времяни одно дерево называемое гуаяканъ, которое облѣгчало ихъ болѣзнь.

Весьма справедливо, государь мой, то, что зло ничего кромѣ зла не производитъ. Испанцы побили въ новомъ свѣтѣ миліоны людей, и раззорили пространныя земли для похищенія у Индѣйцевъ злата; но какъ весьма хорошо говоритъ одинъ славной стихотворецъ:

Хотя Америка законы наши чтитъ,
Оружіемъ преодоленна;
Но язвы злость ея и насъ равно губитъ.
И такъ Америка отмщенна.

ВОЛТЕРЪ.

Золото и серебро столькоже наносятъ труда и работы достающимъ оное изъ земли, сколько доставляютъ удовольствія и радости обладающимъ оными.

Потребно было, говорилъ мнѣ одинъ Испанской Инженеръ; дватцать девять лѣтъ, дабы сыскать въ Потози жилу Крузеро, имѣю-

щую двести пятдесятъ саженъ глубины. Толь трудна, государь мой, работа, которую власть и сребролюбіе заставляютъ дѣлать, а нужда и рабство исполняютъ! Для извлѣченія злата изъ нѣдръ земныхъ нещастные работники употребляемые къ тому лишаются воздуха нашея атмосферы и сіянія солнца, погребшись въ глубокія, зараженные и замерзлые пропасти земнаго шара. Выходящіе изъ оныхъ пары толь не здоровы, что причиняютъ внезапныя сердечныя болѣзни и оглушенія при самомъ ихъ туда входѣ. Они употребляютъ свѣчи для освѣщенія сихъ мрачныхъ подземельныхъ мѣстъ; металлъ тамъ обыкновенно бываетъ твердъ; они разбивши его молотомъ, кладутъ на плеча и несутъ по лѣсницамъ въ три ряда, такъ что въ самое то время, когда восходятъ съ одной стороны, то сходятъ съ другой; они длиною въ десять стадій, всякой человѣкъ несетъ обыкно-

кновенно по двѣ аробы (*) сего метала завернутаго въ полотно, идущей напереди имѣетъ свѣчу привязанную къ большему его пальцу, и всѣ держася обѣими руками за лѣсницы, взлѣзаютъ на двести пятьдесятъ футовъ въ вышину.

Всеобщая исторія западной Индіи увѣдомляетъ насъ, что жители Флориды мѣшки съ серебромъ кидали какъ безполезныя вещи. Мексиканцы же уважали золото; вотъ что говоритъ о томъ Іосифъ Дакоста въ своей всеобщей исторіи о Индѣйцахъ: „ Ихъ скупость, „ не дошла до такого степени какъ „ наша, и хотя они были идоло„ поклонники; но никогда не отдавали „ такой божеской чести злату и се„ ребру, какъ нѣкоторые худые Хри„ стіане учинившія величайшія пре„ ступленія для сего метала. „

Тотъ же Авторъ упоминаетъ объ одной исторіи отличающей совершен-

(*) *Ароба вѣситъ двадцать пять фунтовъ.*

шенію удивительную скупость человѣческую, вотъ содержаніе оныя: одинъ Испанской монахъ, разсматривая высокую и славную огнедышущую Гватимальскую гору подумалъ, что виденное имъ пламенеющееся не иное что было, какъ слитокъ золота, потому что съ толикихъ вѣковъ онъ горелъ не истлѣвши. Утвердившись въ сей ложной мысли онъ выдумалъ нѣкотораго рода цѣпи, и другіе инструменты для извлеченія сего мнимаго растопившагося золота; но раззорительной огонь обманулъ его въ семъ предпріятіи, ибо едва онъ приближилъ цѣпи, къ сему адскому отверстію, то они тотчасъ и растопились. Однако же, говоритъ Авторъ, сей монахъ еще упорствовалъ и дѣлалъ другія вымыслы для изчерпанія сего золота, но подошедши весьма близко лишился жизни отъ паровъ сея горы, въ самое то время когда онъ думалъ успѣть въ своемъ странномъ и химерическомъ

намѣреніи. Такъ ослѣпленные смертные спѣшатъ сами къ своей погибели желая быть щасливѣе.

Но возвратимся Г. М. къ Индѣйцамъ Сандоминга, исторія сея земли увѣдомляетъ насъ, что одинъ Касикъ называемой Понкра претерпѣвая многія утѣсненія отъ Испанцевъ вознамѣрился бѣжать изъ своей деревни совсѣми своими подданными, непріятели нашли въ оной 3000 марокъ золота. Васко Нунецъ де Балбоа преемникъ Николая де Обандо послалъ своихъ людей сказать сему Касику, чтобъ онъ не опасаяся возвратился въ свою деревню, ибо онъ будетъ его другомъ, естьли же не возвратится, то онъ его сыщетъ и отдастъ на съѣденіе собакамъ. (*) Понкра устрашен-

(1) *Испанцы привезли съ собою цѣпныхъ Собакъ, коихъ они научили гонять за Индѣйцами; когда ихъ пускали на сихъ нещастныхъ, то они имъ вырывали внутренную и пожирали*

шенный сими угрозами, не осмѣлился ослушаться. Онъ привелъ съ собою трехъ другихъ знатныхъ своихъ подданныхъ; Нунецъ де Балбоа тщетно употреблялъ всѣ средства дабы узнать отъ него откуда извлекали золото въ сей землѣ, которая славилась изобиліемъ онаго, ни ласками, ни мученіями не могли извлечь изъ него сей тайны, которой онъ и самъ можетъ быть не зналъ. Въ

рали оную. Между прочими находилася одна называемая Баромель, которая была очень страшна въ островѣ. И хотя она была покрыта щитомъ, для избавленія отъ стрѣлъ Индѣйцовъ, но они ее убили выколовъ ей копьями глаза, и сіе было для нихъ причиною торжества.

Антонъ д' Эрера повѣствуетъ, что сіе ужасное животное, которое имѣло отмѣнное природное побужденіе (instinct) стерегло одинъ проходъ въ Сандомингѣ, и что нѣкогда одна Индѣянка желая пройти чрезъ оной, говорила къ ней слѣдующія слова: госпожа собака не кусай меня я несу письмо къ Христіанамъ, онъ прибавляетъ, что сабака обнюхавъ обоссала ее (ето собственныя его слова) и пропустила безъ всякаго вреда.

въ разсужденіи трехъ тысячь найденныхъ марокъ золота, онъ отвѣчалъ, что собравшіе ихъ померли съ давняго времени, и что они не почли золото достойнымъ того, чтобъ искать вновь, не имѣя въ ономъ никакой нужды. Но не взирая на то сей нещастный Касикъ преданъ былъ лютости собакъ, кои пожрали его и съ тремя товарищами.

Чрезъ нѣсколько времени, потомъ одинъ Испанецъ попался въ руки къ Индѣйцамъ подданнымъ нещастнаго Понкра, они упрекали его въ чрезмѣрной жадности, которую его народъ имѣлъ къ золоту и въ несправедливостяхъ, которыя оно заставляла ихъ дѣлать. Оно единое говорили они вызываетъ васъ изъ своего отечества, приводитъ въ сей островъ чрезъ толикія опасности и моря и заставляетъ мучить народы жившіе спокойно въ своихъ хижинахъ подъ покровительствомъ великаго духа (*). По-

(*) *Дикіе такъ называютъ вышнее существо.*

Послѣ сей короткой рѣчи они розтопивъ золото и налили ему онаго въ уши и въ ротъ говоря ему: ,, собака, когда ты столько жаденъ ,, къ оному, то насыться.,,

Однако же должно согласиться государь мой что какъ Мексиканская исторія описываетъ только ужасныя дѣла, то Сендомингская за то снабдѣваетъ насъ великодушными.

Въ одно весьма голодное время одинъ Индѣецъ принесъ двѣ живыя горлицы къ донъ Педру де Магарати, прежде бывшему здѣсь отъ Короля Испанскаго Комендanту. Сей Генералъ заплативши за нихъ Индѣйцу весьма щедро взялъ ихъ и просилъ часть гарнизона взойтить съ нимъ на возвышеннѣйшее мѣсто города, пришедши туда, ,, государи мои, сказалъ ,, онъ имъ, держа въ рукахъ сихъ ,, птичекъ, я сожалею, что мнѣ не ,, принесли чѣмъ бы я могъ удо- ,, вольствовать всѣхъ, но васъ не хочу ,, удовлетворять и свой апетитъ, ко-

гда

„тда вы томимы гладомъ. „ Оконча сіи слова онъ, выпустилъ изъ рукъ обѣихъ птицъ.

Можно бы къ сему присовокупить множество другихъ примѣровъ, кои не менѣе дѣлаютъ чести жителямъ сего острова. Много такихъ, кои заслуживаютъ, чтобъ исторія о нихъ упомянула; между прочими разсказыванными мнѣ я не могу отказаться отъ удовольствія разсказать вамъ слѣдующее повѣствованіе. Одинъ старой житель Сен-Доминга пріобрѣлъ торговлею, трудами и прилѣжностію знатное имѣніе. Онъ отъ того ни мало не перемѣнилъ своего нрава и поведенія; ибо онъ почиталъ богатство токмо средствомъ къ тому, чтобъ дѣлать добро.

Какъ скоро пріѣзжалъ изъ Франціи корабль, то онъ ходилъ на берегъ смотрѣть выгружающихся пасажировъ и всегда водилъ ихъ къ себѣ. Онъ увидѣлъ нѣкогда многихъ молодыхъ людей, кои думали, что

по прибытіи своемЪ будутЪ щастливы; для того что имѣли сЪ собою одобрительныя письма, на которыя они такЪ надѣялись, что не обращали своего вниманія на добраго поселянина, приглашавшаго ихЪ кЪ себѣ; онЪ оставилЪ ихЪ, желая имЪ всякаго благополучія. Но чрезЪ нѣсколько времени увидѣлЪ ихЪ весьма печальными и недовольными пріемомЪ, который имЪ учинили. Государи мои, сказалЪ онЪ имЪ! вы мнѣ точно не препоручены, вы на меня не надѣялись; но я человѣкЪ, а вы имѣете нужду вЪ помощи; пожалуйте ко мнѣ, вы у меня найдете обыкновенной столЪ и домЪ, а между тѣмЪ можетЪ быть вамЪ представится что нибудь для васЪ приличное. Обрадовавшіеся молодые люди приняли сіе предложеніе и слѣдовали за нимЪ кЪ его жилищу; они нашли тамЪ столЪ приготовленной для двадцати человѣкЪ, за которымЪ стояло столько же черныхЪ невольниковЪ. ОдинЪ изЪ

новопріѢзжихЪ спрашивалЪ, не на свадьбу ли ихЪ привели, и весьма удивился узнавЪ, что то былЪ обыкновенной столЪ. ХозяинЪ дома продержалЪ ихЪ нѢсколько времени у себя, и его совѢты и старанія доставили имЪ выгодныя мѢста.

Вы можете посудить, государь мой, что господинЪ, имѢющій такое доброе сердце, былЪ любимЪ и почитаемЪ всѢми своими невольниками, считавшими его своимЪ отцемЪ. Сей житель весьма отдаленЪ былЪ отЪ варварской жадности нѢкоторыхЪ КолонистовЪ, принуждающихЪ сихЪ нещастныхЪ кЪ такимЪ ужаснымЪ работамЪ, что они не хотятЪ жениться, чтобы не произвесть на свѢтЪ, какЪ говорятЪ они, невольниковЪ такимЪ господамЪ, которые сЪ ними поступаютЪ во время ихЪ старости и болѢзни хуже, нежели сЪ лошадьми и собаками. (*)

 Жи-

(*) *Я видѢлЪ одного жителя, называемаго ШаперонЪ, которой посадилЪ своего*

Жители Французскихъ островъ въ Америкѣ очень ласковы къ иностранцамъ; можно путешествовать во внутренности земель не истративъ ни копѣйки, довольно только имѣть откровенный, не подлый и честность показывающій видъ, чтобъ быть вездѣ приняту.

Во Франціи по справедливости даютъ титулъ благородства Креоламъ; они совершенно тому соотвѣтствуютъ своими отличными чувствованіями и способностями какъ къ военному званію, такъ и другимъ художествамъ, въ коихъ они съ успѣхомъ упражняются.

Чело-

своего Негра въ затопленную печь, гдѣ сей нещастный и умеръ; и какъ челюсти у него осунулись, то жестокой Шаперонъ сказалъ: мнѣ кажется, что онъ еще смѣется, и взявъ кочергу, началъ его оной бить. Сей житель сдѣлался наконецъ страшилищемъ невольниковъ: когда они провинялися предъ своими господами, то имъ угрожали продать ихъ Шаперону.

Человѣкъ повсюду одинаковъ; онъ равно способенъ къ добру и злу. Воспитаніе исправляетъ его пороки, но не даетъ ему добродѣтелей. Одинъ Творецъ дикаго и просвѣщеннаго человѣка создалъ и одарилъ ихъ равными качествами; вы сіе увидите, государь мой, чрезъ продолженіе моей переписки. Естьли я не могу сдѣлать ее увеселительною пріятностію слога, то по крайней мѣрѣ сдѣлаю ее достойною примѣчанія отмѣнностію приключеній, кои я вамъ опишу.

Имѣю честь быть, и проч.

Капъ-Франсе, 15 Февраля, 1751.

Письмо II.

КЪ томуже

Сочинитель отЪЕзжаетЪ изЪ КапЪ-Франсе вЪ Луизіану. Краткое описаніе Гаваны и славнаго Мексиканскаго залива.

Государь мой!

Марта 8 дня приготовились мы Ѣхать вЪ назначенное намЪ мѢсто, а 15 находилися мы вЪ виду острова Кубы, которой есть умѢреннѢйшій изЪ всѢхЪ Антильских острововЪ. Гавана есть магазеинЪ Американских богатствЪ по причинѢ своего мѢстоположенія, пространства и способности своея пристани, которая защищается тремя крѢпостьми и можетЪ вЪ себѢ умѢстить болѢе тысячи кораблей; вЪ ней обыкновенно сбираются Испанскіе флоты, когда они возвращаются вЪ Европу.

Куба имѢетЪ 200 миль длины, и отЪ 25 до 30 ширины; цѢлыя 16 лѢтЪ по открытіи ея не извѢстно было, островЪ ли она,

она, или твердая земля; положенiе ея въ тропикѣ рака подъ 23 градусомъ сѣверной широты. Почти въ срединѣ острова видно множество небольшихъ острововъ, въ весьма близкомъ разстоянiи одинъ отъ другаго; они простираются далѣе къ югу, ихъ называютъ Королевинымъ садомъ.

Мы претерпѣли во время равноденствiя жестокую бурю между мысомъ Капошь и мысомъ святаго Антонiя. Сей послѣднiй, которой мы удвоили 23 числа сего мѣсяца, находится на западной сторонѣ острова Кубы.

Не будучи въ дальныхъ путешествiяхъ, я очень былъ обезпокоенъ морскою болѣзнiю; но желанiе служить своему отечеству въ сей новой землѣ услаждало всѣ трудности, случавшiяся въ пути. Вѣтры перемѣнились, море утишилось, и чрезъ нѣсколько дней послѣ сего мы взошли въ славной Мексиканской заливъ, гдѣ намъ встрѣтилось ужасное множество плывущихъ лѣсовъ, кои шли изъ Луизiаны по рѣкѣ Ми-

сисипи, изъ коихъ находятся нѣкоторые болѣе 200 миль въ ширину, они служили намъ путеводителями во время тумановъ для сысканія устья сея рѣки, котораго проходъ весьма труденъ по причинѣ каменныхъ горъ и мѣлей при ея берегахъ.

Въ первыя числа Апрѣля мы увидѣли Бализу,(*) крѣпость, построенную при устьѣ рѣки Мисисипи.

Господинъ ле Муань д' Ибервиль, Канадской дворянинъ, открылъ въ 1698 году, сіе устье, которое господинъ де ла Саль миновалъ въ 1684.

Судно наше стало на мѣль; мы выпалили изъ пушки для призванія на помощь, въ самое то время Капитанъ выгрузилъ корабельную артиллерію и двѣсти человѣкъ регулярнаго войска, назначеннаго для службы въ Луизіанскомъ селеніи. Сіе

(*) *Отъ сей крѣпости щитается 30 миль до новаго Орлеана, по причинѣ излучинъ рѣки.*

Сіе облегчило корабль и онъ поплылъ.

Четвертаго Апрѣля мы вышли на берегъ и отправились въ Бализу, въ которой Комендантомъ былъ господинъ де Антилли. Онъ угощалъ насъ сколько возможно лучше во время пребыванія нашего въ семъ пустомъ мѣстѣ, окруженномъ болотами, наполненными змѣями и крокодилами,

Господинъ Маркизъ де Водрейль, Губернаторъ новаго Орлеана, увѣдомившись о нашемъ пріѣздѣ, прислалъ къ намъ многія суда съ съѣстными припасами; мы посадили на оныя своихъ солдатъ, и распуствъ парусы и гребя веслами, прибыли въ день пасхи въ новой Орлеанъ.

Маркизъ де Водрейль долженъ получить въ Луизіану двадцать четыре роты морскихъ войскъ; сіи войска пріѣдутъ на купеческихъ корабляхъ, нанятыхъ на Королевской щетъ. Во Франціи

учинены также и наборы дѣвокъ для населенія сихъ странъ. Трудолюбивымъ солдатамъ, желающимъ на нихъ жениться, даютъ отставку. Король жалуетъ имъ для пашни нѣсколько десятинъ земли, содержитъ ихъ цѣлые три года на своемъ иждивеніи и даетъ имъ ружье, по полуфунту пороху и по два фунта дроби на мѣсяцъ, топоръ, заступъ и чѣмъ засѣвать свои земли, притомъ быка, корову, куръ, пѣтуха, и проч.

Маркизъ де Водрейль раздѣлилъ двадцать четыре роты въ разныя мѣста сего селенія безъ всякаго лицепріятія, дабы всякой участвовалъ какъ въ добрѣ, такъ и злѣ. Что касается до деташемента Иллинесовъ, мѣста отдаленнаго 500 милями отъ новаго Орлеана, объ ономъ кинули жребій и досталось той ротѣ, въ которой я нахожусь.

Я имѣю честь быть изъ числа Офицеровъ, одобренныхъ господину де Водрейль господиномъ Руилле, министромъ морскихъ дѣлъ, и

чув-

чувствую всю цѣну такого одобренія; ибо столъ сего Генерала мнѣ весьма полезенъ въ теперешнихъ обстоятельствахъ, такъ какъ и всѣмъ новоприбывшимъ, не ставшимъ еще на непремѣнныхъ квартирахъ.

Я еще такъ не давно сюда пріѣхалъ, что не могу описать нравовъ народовъ, обитающихъ въ окружностяхъ рѣки Мисисипи; однакожъ увѣдомлю васъ одною исторіею о свойствѣ Шитимахасовъ, живущихъ у рѣки того же имени, въ западной сторонѣ отъ новаго Орлеана и не сомнѣваюсь, чтобъ сей анекдотъ не былъ вамъ пріятенъ, хотя сіи народы почти совсѣмъ раззорены.

Въ 1720 году одинъ дикой изъ сего народа убилъ Игумна Св. Космы, миссіонера сего селенія. Господинъ де Біеньвилъ, бывшій тогда Губернаторомъ, отмстилъ за то всему народу; а для сбереженія своихъ войскъ онъ напалъ на нихъ съ многими народами, союзниками нашими.

Сіи

Сіи дикіе обращены были въ бѣгство; потеря лучшихъ воиновъ ихъ принудила просить мира. Губернаторъ согласился на то съ тѣмъ уговоромъ, чтобы они ему принесли голову убійцы, въ чемъ точно его и удовольствовали; потомъ принесли господину де Біеньвиль калюметъ (*) мира.

Вотъ что узналъ я здѣсь о церемоніи сего торжественнаго посольства.

Они пріѣхали въ новый Орлеанъ, поя пѣснь калюмета, которымъ трясли по воздуху, не теряя мѣры въ пѣньѣ и ступая въ такту для изъ-

(*) *Калюметъ есть большая трубка краснаго, бѣлаго, или чернаго мрамора, у которой чубукъ сдѣланъ изъ тростниковой палки въ два съ половиною, или въ три фута длиною; дикіе посылаютъ оные чрезъ Депутатовъ къ тѣмъ народамъ, съ коими они хотятъ заключить, или возобновить союзъ. Она убрана бѣлыми орлиными перьями, и есть у нихъ знакъ мира и дружбы; всюду можно итти безъ опасности съ симъ калюметомъ; ибо у сихъ народовъ ничего нѣтъ священнѣе.*

изъявленія своего посольства; въ таковыхъ случаяхъ рядятся они въ самое лучшее убранство.

Главный изъ сихъ Депутатовъ говорилъ господину де Біеньвиль слѣдующее: „Очень я доволенъ видя себя „предъ тобою; давно уже ты сердитъ на нашъ народъ. Мы, увѣдомившись о томъ, что говоритъ твое „сердце, съ радостію узнали, что „оно желаетъ намъ дать ясные „дни.„

Потомъ сѣли всѣ на землю и лицемъ оперлись на руки; предводитель безъ сомнѣнія для того, чтобъ собраться съ мыслями и отдохнуть прежде начатія рѣчи, а другіе чтобъ сохранить молчаніе; между тѣмъ сказано было, чтобъ мы во время рѣчи не смѣялися и не говорили; ибо они то почлибъ себѣ за обиду.

Главной чрезъ нѣсколько минутъ всталъ съ двумя другими: одинъ насыпалъ тобаку въ калюметъ, а другой принесъ огонь, и зажегъ трубку; предводитель поку-

покуривши обтерЪ оную и подалЪ господину де Біеньвиль для того же употребленія. ГубернаторЪ курилЪ и всѣ Офицеры, составляющіе его штатЪ, курили одинЪ послѣ другаго, по ихЪ чину; по окончаніи сея церемоніи престарѣлый ОраторЪ взялЪ назадЪ трубку, отдалЪ оную господину де Біеньвиль, сЪ тѣмЪ, чтобЪ онЪ ее у себя оставилЪ. Тогда другіе посланники сѣли, одинЪ только ОраторЪ стоялЪ подлѣ подарка, принесеннаго Губернатору; оный состоялЪ изЪ козьихЪ кожЪ и нѣкоторыхЪ другихЪ выбѣленыхЪ мѣховЪ вЪ знакЪ мира.

ОраторЪ, или канцлерЪ, былЪ вЪ платьѣ, сшитомЪ изЪ многихЪ куньихЪ кожЪ, которое, будучи привязано на правомЪ плечѣ, шло подЪ лѣвое; обернувшись онымЪ онЪ началЪ свою рѣчь сЪ величественнымЪ видомЪ, говоря Губернатору слѣдующее: ,,Сердце мое смѣется сЪ радости, видя ,, себя предЪ тобою; мы всѣ слышали ,, слово мира, которое ты кЪ намЪ

,, велѣлЪ

„ велѣлъ принесть. Сердце всего на-
„ рода смѣется о томъ съ радости
„ даже до хохотанія; жены, забыв-
„ ши въ тотъ часъ все прошед-
„ шее, уже плясали, дѣти скакали
„ какъ молодые дикіе козлята.
„ Твое слово никогда не позабудется;
„ наши сердца и уши онымъ напол-
„ нены и потомки наши до тѣхъ
„ поръ станутъ оное хранить, по-
„ куда продолжится древнее слово.
„ (*) Какъ война сдѣлала насъ бѣд-
„ ными, то мы принуждены были
„ учинить общую ловлю, для при-
„ несенія тебѣ мѣховъ; но мы не
„ осмѣливались далеко пойти, опа-
„ саясь, что можетъ быть другіе
„ народы не слыхали твоего слова; мы
„ и по дорогѣ къ тебѣ шли трепеща,
„ до тѣхъ поръ, пока не увидѣли тво-
„ его лица.

„ О какъ мое сердце и глаза
„ довольны видя тебя нынѣ! Дары
„ наши малы, но сердца наши ве-
„ лики

(*) *Дикіе такъ называютъ преданіе.*

„ лики для послушанія твоему слову.
„ Когда ты намъ что прикажешь,
„ то ты увидишь, что наши ноги
„ побѣгутъ и поскачутъ какъ олени
„ для исполненія твоея воли.„

При сихъ словахъ Ораторъ остановился; потомъ, возвыся голосъ, началъ опять свою рѣчь съ важностію:

„ Ахъ какъ солнце ясно нынѣ
„ въ сравненіи съ тѣмъ, каково
„ было оно тогда, какъ ты былъ на
„ насъ сердитъ! Какъ злой человѣкъ
„ опасенъ! ты знаешь, что одинъ
„ человѣкъ убилъ начальника молит-
„ вы, (*) коего смерть причинила
„ паденіе нашихъ лучшихъ воиновъ;
„ у насъ осталися только старики,
„ женщины и малыя дѣти, которыя
„ простираютъ къ тебѣ руки свои,
„ какъ къ отцу. Желчь, наполняю-
„ щая сперва сердце твое, уступаетъ
„ мѣсто меду. Великой духъ не
„ раз-

(*) *Они такъ называютъ миссіонеровъ.*

„ раздраженъ болѣе на нашъ народъ;
„ ты потребовалъ головы злаго чело-
„ вѣка для заключенія мира, мы ее
„ къ тебѣ послали.

„ Сперва солнце было кроваво,
„ дороги наполнены были терновыми
„ иглами, облака были мрачны, вода
„ мутна и смѣшана съ нашею кровію,
„ жены наши безпрестанно плакали
„ о смерти своихъ родственниковъ
„ и боялись ходить за дровами
„ для приготовленія намъ пищи,
„ дѣти наши со страху кричали, при
„ малѣйшемъ крикѣ ночныхъ птицъ
„ всѣ воины наши вставали и спали
„ съ оружіями въ рукахъ, хижины
„ наши были брошены, поля запу-
„ щены, мы всѣ отощали и лица
„ наши осунулись, дичина отъ насъ
„ удалялась, змѣи свистали со злости,
„ выпуская жало, птицы, садящіяся
„ возлѣ нашихъ жилищъ, пѣли пе-
„ чальнымъ голосомъ, кажется, однѣ
„ токмо пѣсни, смерть возвѣщающія.

„ Сего дня солнце блистаетъ,
„ небо ясно, облака сокрылися, доро-

„ги покрыты розами, сады и поля „наши будутъ обработаны, мы при„несемъ великому духу первые ихъ „плоды; вода стала такъ чи„ста, что мы въ ней видимъ „самихъ себя, змѣи насъ убѣгаютъ, „или лучше сказать, перемѣнилися „въ угри, птицы насъ плѣняютъ „пріятностію и согласіемъ своего „пѣнія, жены и дочери наши пля„шутъ, забывши даже о пищѣ и „о питьѣ, сердце всего народа съ „радости приходитъ въ восхищеніе, „видя, что мы идемъ по той же „дорогѣ, по коей твои Французы „ходятъ; одно солнце насъ бу„детъ освѣщать, одна у насъ „будетъ рѣчь, одно сердце; кто „убьетъ Француза, того мы убь„емъ, воины наши пойдутъ на „ловлю для доставленія имъ пищи, „мы всѣ вмѣстѣ будемъ ѣсть; витъ „это все хорошо будетъ. Что ты „о семъ скажешь, отецъ мой?„

На сію рѣчь, говоренную твердымъ и надежнымъ голосомъ, со всею

прі-

пріятностію и благопристойностію, да и естьли можно сказать, со всевозможною важностію, господинЪ де БіеньвилЪ отвѣчалЪ вЪ короткихЪ словахЪ, что онЪ радЪ тому, что ихЪ народЪ пришелЪ опять вЪ разумЪ; потомЪ посадилЪ ихЪ сЪ собою за столЪ, вЪ знакЪ дружбы взялЪ у Канцлера руку, далЪ ему свою и отпустилЪ ихЪ довольными. СЪ сего времени они сохраняютЪ ненарушимую вѣрность кЪ ФранцузамЪ, и снабдѣваютЪ новый ОрлеанЪ дичиною.

Третіе мое письмо будетЪ достойнѣе вниманія. До сихЪ порЪ я думаю, что я исполнилЪ свое намѣреніе, увѣряя васЪ, государь мой, и проч.

Нопой ОрлеанЪ, 1751, *Іюля* 1.

Письмо III.

Къ тому же.

Описаніе духовныхъ обрядовъ, отправляемыхъ нѣкоторыми народами, живущими на берегахъ рѣки Мисисипи. Заговоръ Натшезовъ противъ Французовъ.

Государь мой!

Я уже пріѣхалъ на то мѣсто, гдѣ жили нѣкогда славные Натшезы, о коихъ толь много писали въ публичныхъ вѣдомостяхъ; увѣряютъ, что сей ужасный народъ приводилъ въ страхъ другіе народы. Земля ихъ простиралася отъ рѣки Менгаки, находящейся за 50 миль отъ моря, до рѣки Гои, текущей за 460 миль отъ онаго.

Мы отправились изъ новаго Орлеана 20 Августа къ Илинесамъ на шести судахъ, на коихъ посажены были тѣ четыре роты, о которыхъ я уже вамъ писалъ въ прежнемъ моемъ письмѣ; они состоятъ

подъ

подъ командою господина Макарти. Мы плыли противъ теченія рѣки Мисисипи въ греблю по причинѣ излучинъ сея рѣки, текущей между двумя пространными и высокими лѣсами, коихъ дерева кажутся столь же стары, какъ и самый свѣтъ.

Вопервыхъ встрѣчаются на семъ водяномъ пути двѣ Нѣмецкія деревни, которыя суть остатки позволенія, данпаго Королемъ въ 1720 году господину Лаву. Сіе селеніе должно было состоять изъ Нѣмцовъ и Прованцовъ, коихъ число простиралось до тысячи пяти сотъ человѣкъ; имъ назначено было поселиться у одного народа, называемаго Акансазы, коихъ земля простиралася до 4 квадратныхъ миль и была названа герцогствомъ. Туда перевезли вооруженія для роты драгуновъ и товаровъ болѣе, нежели на миліонъ. Но Лавъ, обманувши Вестъ-Индскую компанію, находящуюся тогда въ Луизіанѣ, завладѣлъ всѣми товарами.

Нѣмцы поселилися въ десяти миляхъ выше новаго Орлеана, а прочіе отдѣлилися. Сіи Нѣмцы весьма трудолюбивы; ихъ почитаютъ за подрядчиковъ новаго Орлеана. Обѣ деревни управляются Капитаномъ Шведской націи. (*)

За двѣ мили подалѣе живутъ Колописасы, народы, отличающіеся дружбою своею къ Французамъ; число ихъ нынѣ весьма уменьшилось. Настоящее ихъ имя Акелонъ Писсасъ, то есть народъ слышащихъ и видящихъ людей.

Потомъ встрѣчаются Умасы, обожатели солнца. Сей народъ, такъ какъ почти и всѣ Американскіе народы, думаетъ, что вышнее Существо имѣетъ свое пребываніе въ солнцѣ, и ему угодно, чтобы его

(*) *Въ то время былъ господинъ Аренсбургъ, находившійся при Полтавской баталіи въ 1709 году съ Карломъ XII Сей престарѣлой офицеръ есть начальникъ многочисленной семьи, хорошо живущей въ Луизіанскомъ селеніи.*

его обожали въ семъ оживотворяющемъ свѣтилѣ, какъ Создателя природы. Они говорятъ, что нѣтъ ничего здѣсь на свѣтѣ ему подобнаго, и что сіе удивительное свѣтило, освѣщая вселенную, изливаетъ на оную радость и изобиліе. На сихъ основаніяхъ отдаютъ ему божескую честь, какъ изображенію, чувствующему величество и славу Бога, удостоевающаго сообщать оныя людямъ, изливая на нихъ свои благодѣянія.

За пятнатцать миль отъ Умасовъ земля весьма плодовита и наполнена плодоносными деревьями; тамъ находится много Французовъ, которые упражняются въ приготовленіи табаку, хлопчатой бумаги, сарацинскаго пшена и другихъ съѣстныхъ припасовъ, и производятъ торгъ строевымъ лѣсомъ, которой они пригоняютъ плотами въ новой Орлеанъ.

На лѣвомъ берегу сея рѣки въ нѣкоторомъ разстояніи отъ сего

мѣста видна деревня, обитаемая Тоникасами, дикими народами, которые всегда вѣрны были Французамъ. Начальники ихъ всегда ходили съ нами на войну; послѣдней изъ нихъ, будучи весьма храбръ, опасно былъ раненъ въ походѣ противъ Натшезовъ. Король, увѣдомившись о семъ, пожаловалъ его въ Индѣйскомъ войскѣ Бригадиромъ, и сверьхъ того прислалъ ему голубую ленту, на которой висѣла серебреная медаль, изображающая городъ Парижъ; онъ также получилъ цитронную трость.

По разбитіи Французовъ Натшезами, о чемъ я намѣренъ васъ увѣдомить, нѣкоторая часть сего народа притворилась, будто хочетъ заключить миръ съ главнымъ начальникомъ Тоникасовъ; оный увѣдомилъ о томъ Французскаго Генерала, къ кому онъ весьма былъ привязанъ; но Натшезы, не дождавшись отвѣта, побили ихъ всѣхъ, начиная съ главнаго начальника. Опасаясь нашихъ

совѣ-

совѣтовъ и устрашася нашихъ силъ, они поспѣшили истребить знатное число сихъ дикихъ. Мы не престанемъ сожалѣть съ сими дикими о ихъ начальникѣ, котораго качества сдѣлали бы честь и просвѣщенному человѣку.

Переплывши 80 миль отъ столичнаго города Луизіаны, мы пріѣхали въ крѣпость Натшезовъ. За двадцать лѣтъ у нихъ тамъ было знатное селеніе, но нынѣ оно ничего не значитъ.

Оная крѣпость лежитъ на возвышеніи, повелѣвающемъ рѣкою Мисисипи, отъ которой она разстояніемъ на пушечной выстрѣлъ. Сія высокая земля была бы самая плодороднѣйшая, естьли бы ее обработывали; тобакъ, хлопчатая бумага и маисъ, растутъ тамъ съ великимъ успѣхомъ.

Я прожилъ нѣсколько времени въ сей крѣпости, состоящей подъ

командою Кавалера Оргона, побочнаго сына Принца де ЛамбескЪ, происходящаго изЪ Лоренскаго дому.

Жившіе тамЪ сперва Натшезы составляли знатной народЪ, раздѣленный на многія деревни, управляемыя особливыми начальниками, которые сами повиновалися главному надЪ всѣмЪ народомЪ.

Всѣ сіи Князья назывались Солнцами; ихЪ было до 500, и всѣ союзники великаго Солнца, ихЪ общаго Государя, который носилЪ на своей груди изображеніе сего свѣтила, отЪ коего онЪ почиталЪ себя произшедшимЪ, и которое было обожаемо подЪ именемЪ Суахиля, что значитЪ величайшій, или высочайшій огонь.

ОбрядЪ служенія, отдаваемаго ему Натшезами, имѣлЪ нѣчто величественнаго. Главный жрецЪ шелЪ прежде восхожденія солнца передЪ народомЪ важною выступкою, имѣя вЪ рукахЪ калюметЪ мира, изЪ котораго онЪ курилЪ вЪ честь солнцу, и дулЪ на оное первый дымЪ изЪ трубки. КакЪ скоро

сіе

сіе небесное свѣтило начало показываться, то присутствующіе попеременно выли въ честь его, смотря на оное съ воздѣтыми къ небу руками; потомъ падали ницъ на землю. Матери приводили своихъ дѣтей и заставляли ихъ стоять благоговѣйно.

Во время ихъ жатвы, производимой ими въ Іюлѣ, они отправляли весьма великой праздникъ, начинаемый ими черненіемъ себѣ лицъ. Въ сей день ѣли они уже въ три часа по полудни, очистившись банями; послѣ чего самый старшій изъ всего народа приносилъ Богу первые плоды и произрастѣнія.

У нихъ былъ храмъ, въ коемъ сохранялся вѣчный огонь; жрецы прилагали великое раченіе къ сбереженію онаго. Для сего могли употребляться дрова изъ одного только дерева; когда по нещастію оной погасалъ, то народъ приходилъ въ уныніе и нерадивые жрецы наказывалися смертію; но сіе весьма

рѣдко

рѣдко случалося. Хранители могли оной безъ труда вновь разводить, принося себѣ обыкновеннаго огня для зажженія своей трубки; ибо имъ было запрещено употреблять на сіе священной огонь.

Государь по смерти своей провождаемъ былъ въ царство духовъ своими женами и многими подданными. Малые Солнцы старалися слѣдовать такому же обыкновенію. Законъ осуждалъ на смерть всякаго Натшеза, женившагося на дѣвицѣ, происходящей отъ крови Солнца, когда оная умирала. Я вамъ разскажу на сей случай повѣсть ободномъ дикомъ, невосхотѣвшемъ покориться сему закону:

Онъ былъ женатъ на сродницѣ Солнца, но сія честь имѣла для него печальныя слѣдствія. Жена его занемогла; лишь только онъ примѣтилъ, что она опасна, то ушелъ въ новой Орлеанъ и отдался въ покровитель-

ство

ство Губернатору, коего должность отправлялъ тогда господинъ де Біеньвиль, предлагая служить у него охотникомъ. Губернаторъ принялъ его къ себѣ въ службу и выпросилъ ему прощеніе у Натшезовъ, кои обьявили, что ему нечего болѣе опасаться; ибо обрядъ похоронъ окончился; и какъ тогда его тамъ не было, то они его уже не тронутъ.

Положась на такое обѣщаніе Етеактеаль, осмѣлился возвратиться въ свой народъ, не оставаяся тамъ жить. Онъ много разъ туда ѣздилъ; ему случилося быть тамъ въ то время, какъ Солнце, *уязвленной змій*, братъ великаго Солнца, умеръ; и какъ онъ былъ родня покойной Етеактеалевой женѣ, то и осудили его заплатить долгъ свой. Господинъ де Біеньвиль отозванъ былъ во Францію; обладатель Натшезовъ, думая, что отсутствіе покровителя уничтожало прощеніе, учиненное защищаемому, велѣлъ его арестовать. Сей, увидя себя въ та-

шалашѣ главнаго начальника войны съ другими жертвами, предался крайнему отчаянію. Любимая покойникова жена, которой также должно было умереть, смотря съ твердымъ духомъ на приготовленія къ своей смерти и показывая нетерпѣливое желаніе соединиться съ своимъ супругомъ, будучи свидѣтелемъ Етеактеалевыхъ стенаній, сказала ему: „Не воинъ ли ты? Такъ, отвѣчалъ „онъ. Однакожъ, говорила она, „ты плачешь, жизнь тебѣ пріятна. „Когда такъ, то ты недостоинъ „быть вмѣстѣ съ нами; поди „къ бабамъ. Етеактеаль отвѣ„чалъ: конечно жизнь мнѣ пріятна; „хорошо, естьли бы я еще нѣсколько „времени походилъ по землѣ до „смерти великаго Солнца, и тогда „бы я умеръ съ нимъ. Вонъ поди, „говорю я тебѣ, сказала она; это „не хорошо, чтобъ ты умеръ съ „нами, и чтобъ твое сердце оста„лося позади тебя на землѣ; еще

„гово-

„ говорю, удалися отсюда, чтобы „ я тебя болѣе не видала. „

Етеактеалъ, не заставя ее повторить сіе повелѣніе, сокрылся отъ глазъ ея подобно молніи. На его мѣсто вызвались умереть три старухи, изъ коихъ двѣ были его сродницы. Старость и болѣзнь ихъ сдѣлали имъ жизнь противною: у нихъ у всѣхъ отнялись давно уже ноги. У обѣихъ Етеактеалевыхъ сродницъ волосы были не сѣдѣе такихъ, какіе во Франціи женщины по 55 лѣтъ имѣютъ; но у третей старухи, которая была 120 лѣтъ, волосы были весьма сѣды, что очень рѣдко бываетъ у дикихъ; ни у которой изъ нихъ кожа совсѣмъ не сморщилася. Онѣ были въ тотъ же вечеръ отправлены на тотъ свѣтъ: одна предъ дверьми покойника, а другія двѣ на площади передъ храмомъ (*).

Велико-

(*) *Имъ надѣли на шею веревку съ петлею, и восемь родственниковъ ихъ задавили: четверо*

Великодушіе сихъ женщинъ избавило отъ смерти воина Ешеакшеаля, и пріобрѣло ему степень знатнаго, то есть оно ему возобновило его честь, которую онъ помрачилъ, боясь смерти. Съ сего времени онъ жилъ спокойно, и пользуясь просвѣщеніемъ, пріобрѣтеннымъ во время пребыванія своего у Французовъ, онъ сдѣлался обаятелемъ, (*) и употреблялъ свои знанія на обманъ своихъ соотчичей.

На другой день послѣ сего приготовилися къ похоронамъ. Какъ пришло то время, въ которое должно было оныя отправлять, то Цере-

четверо съ одной, да четверо съ другой стороны, хотя бы ихъ столько и не нужно было; но какъ они чрезъ сіе получаютъ благородство, то для сего приходитъ ихъ болѣе, нежели сколько надобно. Сіе дѣйствіе производится въ одинъ мигъ.

(*) *Обаятели у нихъ отправляютъ должность жрецовъ, лѣкарей и отгадчиковъ, а особливо стараются прослыть колдунами.*

Церемонійместеръ явился у дверей онаго шалаша въ одеждѣ, приличной его чину. Жертвы, долженствовавшія провождать Князя въ царство духовъ, вышли изъ шалаша. Сіи жертвы состояли изъ любимой и еще другой его жены Канцлера, лѣкаря, перваго его служителя и нѣкоторыхъ старухъ, согласившихся на то изъ доброй воли.

Любимица пришла къ великому Солнцу, у котораго было много Французовъ, чтобъ проститься съ ними. Она велѣла къ себѣ привести дѣтей своихъ, къ коимъ говорила слѣдующее:

„Вотъ день, любезныя мои дѣти, „въ которой мнѣ должно изторгнуться изъ объятій вашихъ, и „слѣдовать по стезямъ вашего „отца, ожидающаго меня въ цар„ствѣ духовъ. Я бы обезславила „должность и любовь свою къ нему, „естьли бы сжалилася на ваши слезы. „Я довольно для васъ сдѣлала, „нося васъ въ своей утробѣ и пи-

„ тая своею грудью. Родясь отъ
„ его крови и вскормлены будучи мо-
„ имъ млекомъ, должны ли вы про-
„ ливать слезы? Веселитеся тѣмъ,
„ что вы Солнцы и воины; вы дол-
„ жны быть всему народу примѣрами
„ твердости и мужества. Оставай-
„ тесь, любезные мои; я предупре-
„ дила ваши нужды, доставивъ
„ вамъ друзей. Друзья вашего отца
„ и мои должны быть вашими; я
„ васъ оставляю посреди ихъ; это
„ Французы: они имѣютъ нѣжное и
„ великодушное сердце; старайтесь
„ быть достойными ихъ почтенія,
„ не обезчещивая своего поколѣнія.
„ Поступайте съ ними безъ обмана,
„ не просите у нихъ никогда помо-
„ щи съ подлостью. А вы, Францу-
„ зы, прибавила она къ тому, обо-
„ ротясь къ нашимъ офицерамъ; я
„ препоручаю вамъ своихъ дѣтей,
„ оставляемыхъ мною сиротами: они
„ васъ будутъ почитать своими
„ отцами, вы должны ихъ покрови-
„ тельствовать. „

По-

Потомъ она встала, и будучи препровождаема своею свитою, возвратилась въ шалашъ своего мужа съ весьма удивительною твердостію духа.

Въ число жертвъ присоединилась изъ доброй воли одна благородная женщина, побуждаемая дружбою къ покойнику соединиться съ нимъ на другомъ свѣтѣ. Европейцы называли ее *статною* по гордой ея выступкѣ и величественному виду и по тому, что она имѣла знакомство только съ знатными Французами. Они весьма о ней сожалѣли; она знала силу многихъ травъ, коими спасала жизнь многихъ больныхъ. Сіе плачевное зрѣлище наполняло Французовъ печалію и ужасомъ. Любимая покойникова жена, вставши говорила къ нимъ слѣдующее съ веселымъ видомъ: „Я безъ страха умираю, печаль „не отравляетъ ядомъ послѣднихъ „дней моея жизни; я препоручаю „вамъ своихъ дѣтей. Когда вы

„ ихъ увидите, благородные Фран-
„ цузы, то вспомните, что вы лю-
„ били виновника ихъ жизни, и что
„ онъ по самой гробъ былъ истин-
„ ный и искренній другъ вашего на-
„ рода, которой онъ любилъ болѣе
„ самаго себя. Великому духу уго-
„ дно было призвать его къ
„ себѣ, и въ скоромъ времени я съ
„ нимъ соединюся. Я скажу ему,
„ что я видѣла, что сердца ваши
„ обременялися печалію, смотря на
„ мертвое его тѣло, утѣшьтеся, мы
„ долѣе пробудемъ друзьями въ цар-
„ ствѣ духовъ; ибо тамъ уже бо-
„ лѣе не умираютъ (*). „

Сіи печальныя слова извлекли сле-зы у всѣхъ Французовъ. Они всяче-ски старались воспрепятствовать ве-ликому Солнцу умертвить себя; ибо онъ

(*) *Въ назначенной для церемоніи часъ жертвамъ дали проглотить табаку, дабы ихъ привесть въ безпамятство; послѣ чего задавивъ, положили ихъ на рогожи; любимую по правую, другую жену по лѣвую, а прочихъ по ихъ чину.*

онъ былъ неутѣшимъ о смерти своего браша, на котораго онъ слагалъ бремя правленія. (*) Сей Государь приходилъ въ бѣшенство отъ чинимаго ему сопротивленія; онъ схватилъ свое ружье, но наслѣдный солнце оное вырвалъ у него. Шалашъ былъ наполненъ солнцами, благородными и знатными (**). Всѣ дрожали со страху, но Французы ихъ успокоили: они велѣли спряташь всѣ его оружія, и наполнили дуло его ружья водою, дабы онъ не воспользовался онымъ при способномъ случаѣ.

(*) *Уязвленный змѣй былъ главный военачальникъ у Натшезовъ.*

(**) *Между сими дикими уставлено было различіе: Солнцы, сродники великаго Солнца, составляли первый классъ, благородные вторый, а по нихъ знатные, и наконецъ подлый народъ, который былъ въ великомъ презрѣніи. У нихъ по женамъ давалось благородство, что не мало способствовало къ умноженію онаго.*

Солнцы, увидя, что жизнь ихЪ обладателя была вЪ безопасности, благодарили за то ФранцузовЪ, сжимая имЪ руки, но не говоря ни слова. Глубочайшее молчаніе царствовало, печаль и почтеніе обладали присутствующими.

Во все сіе время жена великаго Солнца объята была ужасомЪ. Ее спрашивали, не больна ли она? Она громко отвѣчала, что больна. ПотомЪ прибавила кЪ тому, говоря потише прежняго: „Естьли вы, Французы, „отсюда уйдете, то мужЪ мой „умретЪ и всѣ Натшезы умрутЪ. „Останьтесь же храбрые Французы; „слова ваши имѣютЪ силу стрѣлЪ; „впрочемЪ кто бы осмѣлился сдѣ„лать то, что вы учинили? Но „вы истинные ему и брату его „друзья.„ ЗаконЪ принуждалЪ великую Солнцшу слѣдовать во гробЪ за своимЪ супругомЪ; сіе безЪ сомнѣнія было главною причиною ея страха и благодарности кЪ ФранцузамЪ, старавшимся о сохраненіи его жизни.

Великій Солнце, подавъ руку офицерамъ, сказалъ имъ: „Друзья „мои! сердце мое такъ стѣснено, „что глаза мои хотя и открыты „были, но не видали, что вы сто- „ите; уста мои не отверзалися „сказать, чтобъ вы сѣли; простите „меня въ чрезмѣрной моей печали.„

Французы ему отвѣчали, что это ихъ не утруждаетъ, и чтобы онъ о семъ не безпокоился; но что они не будутъ болѣе его друзьями, естьли онъ не велитъ зажечь огней, (*) и не пойдутъ отъ него до тѣхъ поръ, пока не погребенъ будетъ его братъ.

Онъ взялъ руку у всѣхъ Французовъ и сказалъ имъ: „Когда всѣ „начальники и благородные офицеры „хотятъ, чтобы я остался на зе- „млѣ, то я не умерщвлю себя; пу- „скай сей часъ зажгутъ огни, я „подожду, покуда смерть меня со-

 „еди-

(*) *Великій солнце приказалъ погасить всѣ огни, что бываетъ только при смерти самихъ Государей.*

„единитъ съ моимъ братомъ; при
„томъ же я уже и старъ, и
„похожу пока съ Французами; безъ
„нихъ я бы отправился съ моимъ
„братомъ, дороги покрылись бы
„мертвыми тѣлами.„

Сей Государь прожилъ только одинъ годъ послѣ смерти уязвленнаго змія. Его племянникъ принялъ послѣ него царствованіе, которое было весьма пагубно для нашего селенія. Вы увидите чрезъ продолженіе сего письма, что оное обязано своимъ спасеніемъ одной только матери сего Государя, которая вывѣдала изъ него тайну о общемъ заговорѣ противъ нашего народа, которой она весьма любила.

Въ семъ случаѣ надобно оправдать дикихъ; ибо предпріятое ими намѣреніе истребить всѣхъ Французовъ внушено имъ было ни непостоянствомъ, ни легкомысленностію, но худое поведеніе одного офицера, оскорблявшаго сей народъ, которой бы онъ долженствовалъ щадить,

воспламенило ихъ ярость. Будучи вольны и живя спокойно въ странахъ, предками ихъ населенныхъ, они не могли снести утѣсненія отъ иностранцовъ, коихъ они изъ милости къ себѣ приняли. Господинъ Шепаръ, Комендантъ Натшезской крѣпости, пренебрегалъ дружбу Французовъ и дикихъ, препорученныхъ его попеченію; поступалъ худо со всѣми, не соглашающимися на его злодѣйскія намѣренія, и ввѣрялъ важнѣйшія дѣла преданнымъ ему капраламъ и сержантамъ. Вы чувствуете, государь мой, что предпочтенія такого рода, столь противныя подчиненности, опровергали порядокъ и правило военной службы.

Тщетно порутчикъ господинъ Дюмонъ приносилъ на то жалобы: имъ ни мало не внимали, и отвѣчали только скованіемъ его въ желѣзы. Лишь только онъ освободился, то и поѣхалъ въ столицу для принесенія жалобы господину Періеру, бывшему тогда Луизіанскимъ Губернаторомъ.

 Госпо-

Господинъ Шепаръ былъ отозванъ для отчета въ своемъ поведенiи. Его должно было колесовать, но его происки и покровительства ему помогли: онъ опять получилъ свой чинъ и отосланъ былъ опять въ свою крѣпость Комендантомъ.

Сiе его ни мало не исправило; онъ поступалъ по прежнему и сдѣлался несноснымъ какъ Французамъ, такъ и дикимъ. Онъ раздражилъ сихъ послѣднихъ и довелъ ихъ до ужаснѣйшей крайности. Желая скорѣе обогатиться, велѣлъ Солнцу деревни, называемой Яблоко, вытти изъ оной съ своими подданными и оставить свою землю, на которой господинъ Шепаръ хотѣлъ самъ поселиться. Сей Касикъ говорилъ, что кости его предковъ тамъ покоятся. Отговорка сiя была безполезна: Комендантъ велѣлъ великому Солнцу оставить деревню, да и угрожалъ его отослать, оковавши руки и ноги, въ Орлеанъ, естьли онъ не скоро послушается. Сей

сфи-

офицерЪ думалЪ можетЪ быть, что онЪ имѣетЪ власть поступать сЪ симЪ владѣтелемЪ такЪ, какЪ сЪ невольникомЪ, не разсудивЪ того, что онЪ приказывалЪ человѣку, привыкшему повелѣвать, и коего власть надЪ подданными была деспотическая.

Великій Солнце, выслушавЪ его слова, вышелЪ отЪ него безЪ всякаго гнѣву. СобралЪ свой совѣтЪ, вЪ которомЪ положено было сказать господину Шепару, что должно сдѣлать распоряженіе новой деревни прежде уступленія сея, и что сіе требовало двухЪ мѣсяцовЪ.

По принятіи сего намѣренія, послали о томЪ сЪ увѣдомленіемЪ кЪ Комендантту, которой прогналЪ посланныхЪ и угрожалЪ ихЪ жесточайшими наказаніями, естьли не отдадутЪ деревни Яблоко чрезЪ самое короткое время. Сей отвѣтЪ былЪ донесенЪ совѣту; политика стариковЪ рѣшила, что должно получить срокЪ, во время котораго бы

мо-

можно было подумать о средствахЪ кЪ освобожденію себя отЪ сихЪ безпокойныхЪ гостей, дѣлающихся ихЪ тиранами. Зная, что господинЪ ШепарЪ весьма корыстолюбивЪ, они вознамѣрилися выпросить у него сроку на нѣсколько мѣсяцовЪ, вЪ продолженіи котораго каждый шалашЪ будетЪ платить ему подать ИндѣйскимЪ хлѣбомЪ, дичиною и мѣхомЪ. Жадность Комендантова причинила его паденіе вЪ разставленныя на него сѣти. ОнЪ принялЪ сіе предложеніе, однакожЪ притворяясь, будто онЪ это сдѣлалЪ изЪ любви кЪ сему народу за всегдашнюю его дружбу кЪ ФранцузамЪ.

Солнце, не обманываяся сею ложною безкорыстностію, опять собралЪ свой совѣтЪ, вЪ которомЪ объявилЪ, что желанный срокЪ полученЪ, что должно оной употребить вЪ пользу и думать о средствахЪ кЪ освобожденію отЪ сея тягостной подати, а особливо отЪ мучительной власти ФранцузовЪ.

При

Притомъ сказалъ онъ имъ, что сіе предпріятіе требовало великой тайности твердаго намѣренія, а болѣе всего политики; онъ велѣлъ имъ въ сіе время удвоивать знаки довѣренности и дружбы къ Французамъ, думать о томъ, что надлежитъ дѣлать, и приходить опять въ совѣтъ, какъ скоро кто выдумаетъ какое либо намѣреніе, коего успѣхъ можетъ быть надеженъ.

Цѣлые пять, или шесть дней благородные старики совѣтовали между собою и собралися опять въ единодушномъ намѣреніи истребить всѣхъ Французовъ. Старѣйшій изъ всего совѣта, поклонившися своему начальнику, началъ говорить слѣдующее:

„Давно уже мы примѣтили, „что Французы причиняютъ намъ „болѣе вреда, нежели пользы. Мы, ста„рики, это видимъ, но молодые люди „того не видятъ. Европейскіе то„вары увеселяютъ ихъ младость; „но въ самомъ дѣлѣ къ чему они

„слу-

„служатъ? Къ прельщенію нашихъ
„женъ, къ развращенію нравовъ
„всего народа, къ приведенію въ
„невоздержность нашихъ дѣвицъ,
„къ сдѣланію ихъ гордыми и лѣни-
„выми. Юноши въ такомъ же состоя-
„ніи. Женатые должны умереть съ
„работы, для удовольствованія ро-
„скоши своихъ женъ. Прежде при-
„бытія ихъ въ наши земли мы
„были мужчины; мы смѣло ходили
„по всѣмъ дорогамъ; ибо тогда
„мы сами были своими обладателя-
„ми; но нынѣ ходимъ мы съ тре-
„петомъ, опасаясь, чтобъ не насту-
„пить на дорогѣ на терновыя иглы;
„ходимъ какъ невольники, да и
„скоро оными будемъ, для того
„что они поступаютъ съ нами
„такъ, какъ бы мы оными уже
„были. Когда они будутъ довольно
„сильны, то не будутъ болѣе насъ
„щадить; они насъ окуютъ желѣ-
„зами; не угрожалъ ли начальникъ
„ихъ нашему сдѣлать сіе безчестіе,

„а

„ а развѣ не должно смерть предпочесть неволѣ (*)? „

Ораторъ при сихъ словахъ остановился; потомъ, собравшися съ силами, началъ опять продолжать свою рѣчь слѣдующимъ образомъ:

„ Чегожъ мы ожидаемъ? развѣ „ допустить Французовъ такъ умножиться, что мы уже не въ состоянiи будемъ противиться имъ? „ Что тогда скажутъ другiе народы? Мы считаемся разумнѣйшими „ изъ всѣхъ красныхъ людей. (**) „ Они по справедливости тогда скажутъ, что мы разума имѣемъ „ менѣе другихъ народовъ; чегожъ „ болѣе ожидать? Освободимся и покажемъ, что мы настоящiе мужчины. Начнемъ съ сего дня къ „ сему приготовляться: велимъ при-

„ гото-

(*) *Единая природа научила сiи народы почитать своего Государя и любить вольность.*

(**) *Такъ называются сiи дикiе для отличенiя себя отъ Европейцевъ, которые бѣлы, и отъ Африканцевъ, которые черны.*

„ готовить женамъ своимъ съѣстныхъ
„ припасовъ, не сказавъ имъ для
„ чего. Понесемъ калюметъ мира
„ ко всѣмъ народамъ сея страны.
„ Дадимъ имъ знать, что Францу-
„ зы помышляютъ только о завла-
„ дѣніи нашей земли, и что какъ
„ они въ нашемъ сосѣдствѣ сильнѣе,
„ нежели въ другомъ мѣстѣ, то мы
„ первые получимъ ихъ оковы; но
„ когда они будутъ довольно силь-
„ ны, то подвергнутъ такой же уча-
„ сти и всѣ народы. Покажемъ,
„ сколько имъ нужно предупредить
„ сіе несчастіе; что не можно въ
„ томъ успѣть иначе, какъ истребя
„ ихъ. Всѣ народы да соединятся
„ съ нами для исполненія сего на-
„ мѣренія, да истребятся Францу-
„ зы повсюду въ одинъ день и въ
„ одинъ часъ, да будетъ время
„ побоища тотъ день, въ которой
„ кончится срокъ, полученной нами
„ отъ ихъ начальника. Такимъ-то
„ образомъ мы можемъ освободиться
„ отъ наложенной на насъ пошлины;
„ чрезъ

„ чрезъ сіе принесенные имъ нами
„ съѣстные припасы достанутся
„ опять намъ; въ сей великой день
„ вольности воины наши будутъ
„ снабдѣны огнестрѣльными ору-
„ жіями, Натшезы разсыплются
„ между Французами; во всякомъ
„ домѣ будетъ по четыре, или по
„ пяти изъ нашихъ противу одного
„ изъ сего народа; они займутъ у
„ нихъ огнестрѣльныхъ оружій и воен-
„ ныхъ снарядовъ подъ видомъ об-
„ щей ловли, въ случаѣ какого ни-
„ будь великаго торжества, и бу-
„ дутъ обѣщать имъ принесть за
„ то дичины. Ружейные выстрѣлы,
„ учиненные у Коменданта крѣпо-
„ сти, будутъ знакомъ, по которо-
„ му они всѣ нападутъ на Францу-
„ зовъ. Для полученія въ семъ успѣ-
„ ха намъ нужна помощь другихъ
„ народовъ; надобно, чтобы въ тоже
„ самое время они дѣлали у себя та-
„ кое же убійство; для успѣха въ
„ томъ должно приготовить пучки
„ палочекъ равныхъ числомъ, и дать

„ по одному пучку каждому народу,
„ оставить у себя такой же; они
„ покажут число дней, всякое утро
„ будет брошено по палочкѣ в огонь;
„ когда останется только одна, то на-
„ ступит время побоища; оное
„ начнется в четверть дня (т. е.
„ в девять часов поутру). Мы всѣ
„ вдруг нападем на своих тиран-
„ нов; со всѣх сторон они будут
„ поражаемы. Когда же они однаж-
„ ды будут истреблены, то легко
„ можно будет воспрепятствовать
„ прїѣхавшим из старой земли по
„ большому озеру поселиться у нас.
„ Болѣе всего надобно наказывать
„ другим народам, чтоб точно
„ вынимали всякой день по палочкѣ;
„ самая малая ошибка может
„ имѣть опасныя слѣдствїя; мы по-
„ ложимся в том на умнаго чело-
„ вѣка и присовѣтуем сосѣдним на-
„ родам подражать нам.„

При сих словах Оратор замолчал, старики его одобрили; а особливо Солнце Яблока похвалял сей

совѣт;

совѣтъ; ибо онъ болѣе всѣхъ оскорбленъ былъ несправедливостію господина Шепара. Солнце, опасаяся неудачи, велѣлъ совѣту остерегаться слѣдствій нескромности и вознамѣрился скрывать сей заговоръ отъ Солнцшъ; (*) надлежало, чтобы оной былъ одобренъ главнымъ начальникомъ Натшезовъ, которому сколько ни хотѣлось освободиться отъ Французовъ, однакожъ сіе предпріятіе казалося жестокимъ. Солнце Яблока, почитаемой за свой здравой разсудокъ и проницательной разумъ, взялъ на себя его къ тому склонить, въ чемъ онъ и успѣлъ, давъ почувствовать великому Солнцу необходимость сего предпріятія, показывая ему то, чего онъ самъ долженъ былъ опасаться, и что Комендантъ угрожалъ его скоро выгнать изъ его деревни. Великой Солнце былъ молодъ, слѣдовательно и слабъ, а говорившій ему былъ хитръ; и такъ намѣреніе было одобрено.

(*) *Сіе слово у сихъ народовъ имѣетъ два рода: они говорятъ Солнце и Солнцша.*

На другой день, когда Солнцы пришли на поклонЪ кЪ своему Государю, имЪ приказано было быть вЪ деревню Яблоко, подЪ видомЪ нѣкотораго дѣла, чтобЪ не навесть подозрѣнія, что они туда пришли вЪ слѣдствіе какого нибудь приказанія. Сіе было исполнено по желанію; вкрадчивой разумЪ Солнца деревни Яблоко привлекЪ ихЪ всѣхЪ на свою сторону; они обѣщалися вступить вЪ заговорЪ. ТотчасЪ составили совѣтЪ изЪ СолнцевЪ и благородныхЪ стариковЪ; предпріятіе снова было предложено, и принято общимЪ согласіемЪ. НѣкоторыхЪ стариковЪ назначили начальниками посольства кЪ другимЪ народамЪ, дали имЪ для препровожденія ихЪ воиновЪ и запрещено было подЪ лишеніемЪ жизни сказывать о семЪ кому нибудь. Они потчасЪ отправились всѣ вдругЪ безЪ вѣдома ФранцузовЪ.

Не смотря на глубокое таинство, сохраняемое у НатшезовЪ, совѣтЪ СолнцевЪ и благородныхЪ стариковЪ при-

привелъ народъ въ безпокойство. Не новое во всѣхъ государствахъ видѣть подданныхъ, старающихся проникнуть тайность Двора. Однакожъ любопытство народа не могло быть удовольствовано. Единыя Солнцши, или Княгини, имѣли право въ семъ народѣ спрашивать, для чего скрывалися отъ нихъ. Молодая великая Солнцша, не имѣя болѣе 18 лѣтъ отъ роду, ни мало въ сіе не вступала. Одна только Солнцша, называемая уязвленная рука, мать Государева, весьма разумная женщина [что ей не безъизвѣстно было], принимала въ худую сторону то, что отъ нее скрывалися. Въ самомъ дѣлѣ она оказывала о томъ неудовольствіе своему сыну, которой отвѣчалъ ей, что посольства сіи отправлялися для возобновленія союза съ другими народами, у коихъ давно уже не были съ калюметомъ и кои почитали сіе презрѣніемъ къ себѣ. Сіе притворное извиненіе казалось утишило Солнцшу; но оно же избавило ее

отъ безпокойствъ; напротивъ того они умножилися, когда она увидѣла, что по возвращенiи пословъ Солнцы собралися тайно съ оными, дабы узнать отъ нихъ, какъ ихъ приняли, вмѣсто того, что сiе обыкновенно дѣлалось публично.

Сiя Княгиня была тѣмъ весьма раздражена. Какъ, говорила она сама въ себѣ, отъ всего народа скрываютъ то, что онъ долженъ знать! да и отъ меня скрываютъ! Гнѣвъ ея тотчасъ бы оказался, естьли бы благоразумiе ее не удержало. По счастiю Французовъ она почитала себя обиженною, и не безъ причины опасалася умножить глубокость тайности, не узнавши ничего, естьли не скроетъ своего огорченiя. Хитрость ея выдумала ей вѣрное средство къ удовольствованiю своего любопытства: она, попросивъ великаго Солнца, сына своего, сходить съ нею къ одной сродницѣ, живущей въ деревнѣ Яблоко, о которой ей сказали, что она была очень больна, повела

его по самой дальней дорогѣ, подъ видомъ, что она была лучшая, но въ самомъ дѣлѣ для того, что по оной менѣе людей ходило. Будучи проницательна, догадалася она, что причина сея тайности происходила отъ того, что помышляли что нибудь худое противъ Французовъ; движенія Солнца деревни Яблоко подтверждали ея догадки. Увидѣвъ себя съ сыномъ въ уединенномъ мѣстѣ, она говорила ему слѣдующее:

„ Сядемъ здѣсь; я устала, да „ и нѣчто имѣю тебѣ сказать. Внемли словамъ моимъ: я никогда „ не учила тебя лгать; всегда тебѣ говаривала, что всякой лжецъ „ недостоинъ почитаться человѣкомъ, и что Солнце лжецъ достоинъ чрезмѣрнаго презрѣнія даже и отъ самыхъ женщинъ, и „ такъ я надѣюсь, что ты мнѣ „ скажешь правду. Отвѣчай же мнѣ: „ не всѣ ли Солнцы и Солнцши братья „ между собою? Однако же всѣ Солнцы

 „ скры-

„скрываются отъ меня, какъ буд-
„то бы губы у меня обрѣзаны и
„какъ бы я не могла удерживать
„словъ своихъ. Не уже ли ты меня
„почитаешь женщиною, и во снѣ
„говорящею? Я въ отчаяніи, видя
„себя презрѣнною отъ своихъ братьевъ.
„евъ. да и еще отъ тебя. Не
„изъ моей ли ты вышелъ утробы?
„Не ты ли сосалъ мою грудь? Развѣ
„не тебя я питала чистѣйшею ча-
„стію моея крови? Не сія ли самая
„кровь течетъ въ твоихъ жилахъ?
„Былъ ли бы ты Солнцемъ, естьли
„бы не былъ моимъ сыномъ? Ра-
„звѣ ты уже позабылъ, что безъ
„моего попеченія ты уже бы давно
„умеръ? Всѣ тебѣ говорили, да и
„сама я тебѣ сказывала, что ты
„сынъ одного Француза (*); но соб-
„ствен-

(*) *Сія Княгиня любила долгое время одного Французскаго офицера; никто не сомнѣвался, чтобъ не онъ былъ отецъ великаго Солнца, но сіе ни мало не отнимало къ нему почтенія его подданныхъ. Жены у нихъ давали благо-*

„ственная моя кровь мнѣ гораздо
„ милѣе, нежели кровь чужестранца.
„ Я бѣгаю теперь возлѣ тебя, какъ
„ собака , а ты и не смотришь
„ на меня.

„ Я удивляюсь , что ты меня
„ не оттехнешь ногой ; мнѣ неуди-
„ вительно теперь , что другіе отъ
„ меня скрываются ; но ты, будучи
„ моимъ сыномъ , можешь ли сіе
„ сдѣлать ? Видалъ ли ты когда
„ нибудь въ нашемъ народѣ сына ,
„ не имѣющаго довѣренности къ
„ своей матери ? ты одинъ такого
„ свойства. Какъ ! въ народѣ про-
„ исходитъ такое волненіе , а я, бу-
„ дучи старая Солнцша, не знаю тому
„ причины ! развѣ ты боишься , что-
„ бы я тебя не обманула и не сдѣ-
„ лала невольникомъ Французовъ ,
„ противъ которыхъ вы дѣйствуете?
„ Ахъ ! какъ мнѣ несносно быть въ

 „ та-

благородство , какъ я сперва о семъ сказалъ ; имъ надобно было только знать о матери какого нибудь человѣка ; они не думали о его отцѣ.

„ шакомъ презрѣніи и ходишь съ
„ людьми неблагодарными.„

Сынъ сея Солнцши, будучи чувствительно тронутъ сею рѣчью, пролилъ слезы и слушалъ сіи выговоры съ тихостію, свойственною Американцамъ, и съ почтеніемъ, должнымъ матери и Княгинѣ; потомъ отвѣчалъ ей въ сихъ словахъ:

„ Упреки твои для меня стрѣлы,
„ пронзающіе мое сердце. Я не
„ думалъ презирать тебя; но слы-
„ хала ли ты когда нибудь, что
„ должно открывать то, что старики
„ опредѣляютъ въ совѣтѣ; содержа-
„ ніе тайны есть должность всѣхъ
„ людей. А я, будучи Государь, не
„ долженъ ли собою подавать всему
„ народу примѣра? Я и отъ великой
„ Солнцши скрываю сію тайну, такъ
„ какъ и отъ тебя. Хотя знаютъ, что
„ я сынъ Француза, однакожъ на
„ меня надѣются. Весьма опасались,
„ чтобы твой великой разумъ не
„ проникъ тайны совѣта; но скры-
„ вши онную отъ великой Солнцши,

„ моей

„ моей супруги, прилично ли было
„ тебя о томЪ увѣдомить? Но какЪ ты
„ угадала все то, чего тебѣ хочется
„ отЪ меня узнать? Ты столько же
„ о томЪ знаешь, сколько и я;
„ удерживай языкЪ свой. „

„ Меня не безпокоило то,
„ сказала она, противЪ кого вы бе-
„ рете такія предосторожности; но
„ какЪ это противЪ ФранцузовЪ,
„ то я опасаюся, что вы нехорошо
„ приняли свои мѣры для нападенія
„ на нихЪ; ибо я знаю, что они
„ имѣютЪ много разума, хотя здѣ-
„ шній КомендантЪ и потерялЪ свой;
„ они храбры, имѣютЪ довольно то-
„ варовЪ, помощію которыхЪ мо-
„ гутЪ вооружить противЪ насЪ
„ другіе народы. Естьли бы вы хо-
„ тѣли сіе учинить противЪ крас-
„ ныхЪ людей, то бы я спала спо-
„ койнѣе; я уже не молода (*),
„ а жизнь старой женщины ничего не
„ стоитЪ; но твоя мнѣ дорога.

„ Естьли

(*) *Ея любовникЪ давно уже умерЪ.*

„Естьли старики наши думаютъ,
„что столько же легко побѣдить
„Французовъ, какъ и красныхъ лю-
„дей, то они глупо обманываются.
„Французы имѣютъ средства, ко-
„ихъ мы не имѣемъ; ты знаешь,
„что у нихъ есть говорящее
„тканье.„ (*)

Сынъ ея отвѣчалъ ей, что нечего было опасаться въ предпринятыхъ ими мѣрахъ. Сказавъ ей все вышеупомянутое мною, онъ увѣдомилъ ее, что палочки лежатъ въ храмѣ на столѣ.

Сія Княгиня, вывѣдавши все хорошенько, притворилася, будто одобряетъ сіе намѣреніе, и оставя потомъ своего сына въ покоѣ, выдумывала средства къ опровերженію сего жестокаго предпріятія. Время было коротко и назначенной для убійства день былъ уже близокъ.

Желая избавить Французовъ отъ погибели, вознамѣрилася ихъ увѣ-

(*) *Они такъ называютъ бумагу.*

увѣдомить, чтобъ они остерегалися. Она употребила къ сему нѣкоторыхъ дикихъ дѣвушекъ, любившихъ Французовъ, притомъ строго запретивъ имъ сказывать, что они сіе дѣлали по ея повелѣнію.

Господинъ Масе, поручикъ гарнизона Натшезской крѣпости, получилъ нѣкоторыя извѣстія о семъ заговорѣ отъ молодой дикой дѣвушки, коею онъ былъ любимъ; она со слезами сказала ему, что Натшезы побьютъ всѣхъ Французовъ. Господинъ Масе, приведенный въ удивленіе сею рѣчью, разспрашивалъ свою любовницу; простые и чистосердечные отвѣты и нѣжный ея страхъ удостовѣрили его въ истиннѣ заговора; онъ тотчасъ пошелъ увѣдомить о томъ Шепара, которой велѣлъ его арестовать за то, что будто онъ хотѣлъ произвести ложную тревогу. Семь человѣкъ жителей, увѣдомившіеся о томъ такимъ же способомъ, пришедши просить у него позволенія вооружиться для избѣжанія несча-

стія въ случаѣ нечаяннаго нападенія, были скованы. Комендантъ почиталъ ихъ трусами, и сердился за то, что внушали ему недовѣрчивость къ такому народу, которой показывалъ къ нему великую привязанность. Исправность, съ какою дикіе платили пошлину, подтвердила его безопасность; онъ не подозрѣвалъ ихъ въ политикѣ; презрѣніе, которое онъ къ нимъ имѣлъ, его ослѣпляло; онъ не думалъ, чтобъ сіи люди способны были къ такой хитрости.

Солнцша уязвленная рука, видя съ прискорбностію, что ея старанія къ сохраненію Французовъ были тщетны, вознамѣрилася имъ служить противъ ихъ воли; будучи не въ состояніи всѣхъ ихъ сохранить, она по крайней мѣрѣ старалася уменьшить число нещастныхъ: пришедъ тихонько въ храмъ, (*) вышта-

(*) *Изъ женщинъ однѣ Солнцши только имѣли право туда входить.*

тащила искусно безъ вѣдома жрецовъ нѣсколько палочекъ изъ бѣдственнаго пучка; намѣреніе ея было ускорить временемъ, назначенным для исполненія заговора. Она знала, что убійство, учиненное Натшезами, въ скоромъ времени могло бы распространиться далѣе; но послѣ сего Французы, живущіе между другими народами, о томъ могли увѣдомиться и взять предосторожность. Ей другаго не оставалось средства, и сіе имѣло желаемый успѣхъ. Натшезы видѣли уже послѣднюю палочку, не примѣтя того, что они были обмануты, и смѣло начали предпринятое ими кровопролитіе, будучи увѣрены, что и союзники ихъ въ самое то время будутъ дѣйствовать.

1723 году, 28 Декабря, въ восемь часовъ поутру дикіе разсѣялися между Французами; въ воротахъ господина Шепара данъ былъ сигналъ ружейными выстрѣлами; по-

слѣ

слѣ чего они тотчасъ начали кровопролитіе повсюду въ одно время.

Господа Колли, главные начальники Вестъ-Индской компаніи, первые были убиты. Одинъ токмо домъ господина де ла Луаръ Дезюрсенъ учинилъ нѣкоторое сопротивленіе; его слуги убили восемь Натшезовъ. Господинъ Дезюрсенъ, выѣхавши изъ своего дому и услышавъ первой ружейной выстрѣлъ, воротился домой, но толпа дикихъ его остановила. Онъ храбро защищался, убилъ изъ нихъ четверыхъ и палъ мертвъ, будучи весь израненъ. Почти сего токмо имъ и стоило сіе нападеніе; они убили близъ двухъ тысячь человѣкъ, изъ коихъ спаслось токмо двадцать человѣкъ и пять, или шесть Негровъ; но большая часть изъ нихъ была ранена. Они взяли въ плѣнъ 150 младенцовъ, 90 женщинъ и столько же Негровъ, надѣясь продать ихъ Каролинскимъ Агличанамъ.

Во

Во время сего побоища Солнце, или главной начальникЪ, сидЂлЪ спокойно вЪ сараЂ, принадлежащемЪ ВестЪ Индской компанiи. Ему сперва принесли голову Комендашта, потомЪ головы первыхЪ ФранцузовЪ, которыя онЪ разстановилЪ около первой. ВсЂ другiя были складены вЪ кучу, трупы осталися не погребены и учинилися добычею хищнымЪ птицамЪ. Дикiе разрЂзывали животЪ беременнымЪ женщинамЪ и убивали почти всЂхЪ грудныхЪ младенцевЪ, для того что они имЪ скучали своимЪ крикомЪ и слезами. ПрочихЪ учинивЪ невольниками, поступали сЪ ними сЪ крайнею жестокостiю.

НЂкоторые сказываютЪ, что господинЪ ШепарЪ имЂлЪ несчастiе погибнуть послЂ всЂхЪ, и быть зрителемЪ сего ужаснаго кровопролитiя; онЪ узналЪ тогда, но уже очень поздно, пользу подаваемыхЪ ему совЂтовЪ. Дикiе сказали ему, что такая собака, какЪ онЪ, недостойна умереть отЪ рукЪ воиновЪ.

Онъ отданъ былъ *понючимъ* (*), кои, изранивъ его стрѣлами, отрубили ему голову.

Таковъ былъ конецъ человѣка, непринимавшаго ни чьихъ совѣтовъ, повиновавшагося токмо своему корыстолюбію и своей надмѣнности. Какъ ни одинъ Французъ не избѣжалъ отъ побоища Натшезовъ, то не можно точно знать родъ смерти, постигшей сего офицера; довольно того, что онъ имѣлъ дѣло съ народами, отъ природы жестокими, и что онъ ихъ раздражилъ.

Хорошее отправленіе дѣлъ привязало бы ихъ къ Французамъ, кои получали отъ нихъ великую пользу. Не рѣдко случается, что пороки одного человѣка причиняютъ раззореніе цѣлому селенію; не льзя довольно предостеречься въ выборѣ посылаемыхъ начальниками въ сіи земли. Дикихъ не всегда такъ способно управлять, какъ

(*) *Подлой народъ называется на Натшезскомъ языкѣ Мише - Мишенипи, что значитъ вонючій.*

какъ мы думаемъ; для пріобрѣтенія ихъ любви нужны политика и разумъ; ихъ не льзя оскорбить, не получивъ за то наказанія. Сія исторія служитъ сему доказательствомъ. Безъ сомнѣнія мы обязаны великою благодарностію Солнцѣ *уязвленной рукѣ*, но не совсѣмъ извѣстно, какъ ей за то заплатили.

Народы, бывшіе въ заговорѣ съ Натшезами, не зная хитрости, предускорившей сіе кровопролитіе, почли себя измѣненными. Народъ Шакта думалъ, что Натшезы не захотѣли раздѣлить съ ними добычи; и чтобъ доказать Французамъ, что они не имѣли участія въ семъ заговорѣ, присоединились къ нимъ для наказанія Натшезовъ, которые сперва возвратили Французскихъ женщинъ и Негровъ, полоненныхъ ими; чрезъ нѣсколько же времени потомъ напали на нихъ въ ихъ укрѣпленіяхъ, но они помощію бури спаслися и оставили сію землю. Ихъ взяли около тысячи въ плѣнъ и отвели въ

новой ОрлеанЪ, а потомЪ продали вЪ СентЪ - ДомингѢ. ИзЪ числа оныхЪ плѣнниковЪ былЪ великой Солнце, жена его и мать, отЪ коихЪ мы узнали обЪ обстоятельствахЪ сего заговора. Великой Солнце говорилЪ, что онЪ не виновенЪ вЪ семЪ побоищѢ; потому что народЪ употребилЪ во зло его младость вЪ произведеніи сего заговора; что онЪ всегда любилЪ ФранцузовЪ, и что ихЪ начальникЪ принудилЪ кЪ сему отчаянному предпріятію, утѣсняя вольной народЪ. Французы довольны были его признаніемЪ, и поступали сЪ нимЪ весьма ласково, такЪ какЪ сЪ его женою и матерью; но они, не могши возвратиться кЪ своему народу, скоро умерли сЪ печали. СЪ сего времени страна сія никѣмЪ необитаема. Натшезы, гонимые Французами, будучи не вЪ состояніи имЪ противиться, отдались вЪ покровительство ТшикашатамЪ, кои приняли ихЪ кЪ себѣ.

У насЪ и теперь здѣсь находится крѣпость, но селеніе не знатно; осталось средство опять оное возстановить, призвавЪ другихЪ дикихЪ.

ВотЪ, государь мой, все то, что я могЪ вамЪ разсказать достойнѣйшаго примѣчанія о сей землѣ; я скоро отъѣжжаю изЪ оной для продолженія моего путешествія, и оканчиваю сіе письмо, увѣряя васЪ вновь о моемЪ кЪ вамЪ почтеніи.

Я есмь и проч.

Вь Натшезахь, 10 Сентября, 1751 году.

Письмо IV.

К тому же.

Прибытіе автора къ Акансасамъ. Бѣдственной конецъ войска Фердинанда Сото. Разсужденіе о глупости людей, искавшихъ золотой горы. Происхожденіе славнаго Дорадо. Плачевное повѣствованіе о смерти господина де ла Саля.

Государь мой!

Проѣхавъ по Мисисипи около 120 верстъ къ сѣверу отъ Натшезовъ и не встрѣтивъ на пути никакого селенія, мы пріѣхали къ народу, славному по всегдашней его преданности къ Французамъ, и по извѣстному давно походу Фердинанда Сота. Я говорилъ съ однимъ старымъ дикимъ, начальникомъ сея земли. Онъ сказалъ мнѣ, что видѣлъ здѣсь господина де ла Саля въ 1682 году, когда онъ открылъ великую рѣку С. Лудовика, извѣстную подъ именемъ Мисисипи, а дикими называемую *Мешасепи*, что значитъ *псѣ рѣки*, или *большая рѣка.*

Госпо-

Господинъ де ла Саль пріѣхалъ къ сему народу, проѣжжая внизъ рѣки. Онъ свелъ дружбу съ сими народами, и завладѣлъ ихъ землею на имя великаго Людовика. Поставивъ въ землю крестъ и Французской гербъ, онъ слѣдовалъ теченію Мисисипи, впадающей въ славной Мексиканской заливъ. Вступивъ въ ея устье, поѣхалъ онъ вверьхъ по оной; наконецъ доѣхалъ ею до рѣки Иллинесовъ, откуда отправился въ Канаду, а оттуда во Францію.

По прибытіи своемъ ко Двору, онъ увѣдомилъ о учиненномъ имъ открытіи господина Колберта и Сенеле, кои выпросили ему отъ Короля указъ, по которому всѣ тѣ земли, которыя онъ откроетъ отъ новой Бискаіи до Иллинесовъ, и всѣ живущіе тамъ народы, какъ Французы, такъ и дикіе, долженствовали быть въ его повелѣніяхъ.

Къ сему же самому народу, называемому Акансасы, пріѣхалъ господинъ Жутель, когда онъ отправился въ путь по смерти господина де ла Саля съ его

проводниками для сысканія Мисисипи. Одинъ только сей офицеръ оставилъ извѣстіе, на которое можно положиться. Я думаю, что не наскучу вамъ, разсказавъ кратко все сіе; вы тутъ увидите исторію господина де ла Саля, и какой былъ конецъ несчастнаго его похода.

Что касается до путешествія Фердинанда Сота, я васъ увѣдомлю о томъ въ весьма немногихъ словахъ. Американская исторія насъ увѣдомляетъ, что сей великой Генералъ, надмѣнный и обогащенный завоеваніемъ Перу, обагривши кровожаждущія свои руки въ крови злополучной фамиліи Инковъ, хотѣлъ войти въ сію страну съ храбрѣйшими своими солдатами для покоренія народовъ, живущихъ около рѣки Мисисипи, которой я хочу сдѣлать вамъ описаніе. Но ему неизвѣстна была внутренность сея пространныя земли; онъ думалъ можетъ быть найти тамъ толь же слабыхъ народовъ, какъ въ полуденной Америкѣ,

рикѣ, но онъ обманулся въ своемъ мнѣніи: дикіе большую часть его людей побили дубинами, и содравъ кожи съ главныхъ офицеровъ его арміи, повѣсили оныя въ дверяхъ своего храма. Сіе такъ устрашило Испанцевъ, что они тотчасъ возвратилися въ Европу.

Фердинандъ Сото умеръ со стыда, говоритъ историкъ, по причинѣ худаго успѣха въ своемъ предпріятіи, въ 1543 году, и отъ сего времени до 1682 года сія прекрасная страна необитаема была ни однимъ Европейцемъ.

Судьба господина де ла Саля не счастливѣе была судьбы Фердинанда Сото.

Нѣтъ такой добродѣтели, которая бы не смѣшана была съ какимъ либо недостаткомъ; такова есть обыкновенная участь человѣческаго рода, и сіе самое приводитъ насъ на высочайшій степень униженія, что самыя великія добродѣтели часто бываютъ сопровождаемы

величайшими пороками. Вы это легко примѣтите, государь мой, чрезъ сіе краткое повѣствованіе, выписанное изъ журнала господина Жутеля.

Господинъ Робертъ Кавеліе де ла Саль отправился изъ Рошеля 24 Іюля, 1684 года, на эскадрѣ, состоящей изъ четырехъ кораблей, подъ командою капитана господина Боже. Съ нимъ сѣло на корабль въ Рошфортѣ двѣсти восемьдесятъ пять человѣкъ, тритцать волонтеровъ (*), нѣсколько дворянъ и нѣкоторое число работниковъ и дѣвокъ. Господинъ де ла Саль ѣхалъ на кораблѣ господина Боже, къ коему онъ не оказывалъ никакой довѣренности. На всѣ предложенія сего офицера онъ

(*) *Между сими находилися три духовныя особы святаго Сулпиція, изъ коихъ одинъ былъ братъ господина де ла Саля, Шедевиль, его сродникъ, и Мажуль; сверьхъ того четыре Францисканца для проповѣдованія дикимъ Евангелія; также два его племянника: Моранжетъ и Кавеліе которому было четырнатцать лѣтъ.*

онъ отвѣчалъ съ гордымъ видомъ говоря: *что не въ томъ состоитъ Королевское намѣреніе.* Онъ въ самомъ дѣлѣ не старался склонить на свою сторону въ семъ предпріятія такого человѣка, въ коемъ онъ имѣлъ нужду для произведенія въ дѣйство своего намѣренія, да и ни одного человѣка не было, которой бы не началъ худо предсказывать о семъ походѣ, въ коемъ начальники совсѣмъ противныя намѣренія имѣли. Время по несчастію слишкомъ сіе подтвердило.

26 Декабря, 1685 года, открыли съ эскадры твердую землю Флориды. Говорятъ, что господинъ де ла Саль не сомнѣвался, что устье рѣки Мисисипи не весьма было далеко къ западу. Сія ошибка была причиною всѣхъ его несчастій. И такъ поворотилъ къ западу, но онъ мало ѣхалъ впередъ; ибо отъ времени до времени онъ приближался къ землѣ и ѣхалъ въ ея виду

для

для разсмотренія, не найдетъ ли того, чего искалъ.

2 Генваря, 1685 года, по догадкамъ эскадра находилась весьма близко устья рѣки Мисисипи; а 10 Генваря она проѣхала мимо, не примѣтя онаго. Господинъ де ла Саль, будучи увѣренъ, что она текла чрезъ Апалахскія горы, продолжалъ путь свой, не пославъ шлюпки на берегъ.

Сказываютъ, что ему и показывали сіе устье, но онъ не хотѣлъ взять на себя трудъ тому повѣрить, вложа себѣ въ голову то, что оно не могло въ томъ мѣстѣ быть, въ которомъ ему оное показывали. Онъ такъ былъ упрямъ, что никакъ не можно было его убѣдить.

Безъ сомнѣнія ему неизвѣстно было, или онъ не разсуждалъ о томъ, что самые первые на свѣтѣ люди по большой части были обязаны величайшими своими успѣхами людямъ, меньшимъ ихъ въ достоинствѣ, и что разумнѣйшіе суть тѣ, кои пользуются знаніемъ и совѣтами

тѣхъ,

тѣхъ, кои не такъ просвѣщены, какъ они.

Чрезъ нѣсколько времени потомъ, по нѣкоторымъ идеямъ, кои ему дали дикіе, онъ хотѣлъ возвратиться назадъ, но господинъ Боже отказалъ ему въ сей милости. И такъ продолжали тотъ же путь къ западу, и эскадра чрезъ нѣсколько дней находилася въ заливѣ Св. Бернарда, но не примѣтивъ онаго. Сей заливъ находится во стѣ миляхъ къ западу отъ устья рѣки Миссипи; тамо стали на якорь. Посланы были шлюпки для открытія мѣста, въ которомъ они были. Они увидѣли прекрасную рѣку, при вступленіи въ которую находится порогъ, неимѣющій болѣе 10, или 12 футовъ воды. Сіе открытіе сдѣлалось по учиненіи многихъ совѣтовъ, въ коихъ ничего не опредѣлили; для того что лишь только одинъ изъ двухъ начальниковъ открывалъ свое мнѣніе, то другой тому противился.

Господинъ де ла Саль, думая, что недалеко находится отъ Мисисипи, и считая присутствіе господина Боже болѣе тягостнымъ, нежели нужнымъ, вознамѣрился высадить въ семъ мѣстѣ всѣхъ своихъ людей. По принятіи сего намѣренія онъ послалъ въ Февралѣ мѣсяцѣ повелѣніе къ начальнику судна, чтобъ онъ выгрузилъ изъ него все тяжелое и въѣхалъ въ рѣку. Онъ и самъ хотѣлъ быть при семъ выгруженіи; но какъ Маркизъ де ла Салблоніеръ и шесть Французовъ были уведены дикими во время прогуливанія ихъ въ лѣсу, то онъ поспѣшилъ туда для освобожденія ихъ.

Онъ недалеко еще былъ отъ берега, какъ взглянувъ на море, увидѣлъ, что его корабль былъ въ опасности разбиться о камень, и злая его судьбина, говоритъ господинъ Жутель въ своемъ повѣствованіи, воспрепятствовала ему возвратиться назадъ для отвращенія сего несчастія. Онъ, не смотря на сіе, про-

должалъ путь свой къ деревнѣ, въ которую отведены были его люди. Пріѣхавши туда, услышалъ пушечной выстрѣлъ. Онъ думалъ, что то было знакомъ того, что корабль его сѣлъ на мѣль; догадка его была справедлива.

Всѣ бывшіе при семъ приключеніи говорили, что Сентъ Эгронъ, командующій симъ судномъ, умышленно оный навелъ на мѣль. Сія потеря имѣла бѣдственныя слѣдствія тѣмъ наиболѣе, что въ немъ находилися военные припасы, все принадлежащее до кухни, и вообще все нужное къ новому заведенію. Господинъ де ла Саль спѣшилъ туда, гдѣ его корабль сѣлъ на мѣль; и пришедши увидѣлъ, что никто ничего не дѣлалъ. Онъ тотчасъ попросилъ у господина Боже шлюпки и каноеса, что получилъ безъ затрудненія.

Онъ началъ сперва спасать людей, потомъ старался о порохѣ и о мукѣ, а потомъ о водкѣ и

винѣ,

винѣ, коего вытаскали на землю до тритцати боченковъ. Естьли бы шлюпка сего судна могла помочь шлюпкѣ корабля Жоли, то все бы почти было спасено; но ее нарочно потопили. Какъ наступила ночь, то и надлежало ожидать слѣдующаго дня для окончанія выгруженія. Чрезъ нѣсколько часовъ вѣтеръ, усилившись и умноживъ волны, ударилъ корабль о камень, о которой онъ и разшибся. Множество вещей поплыло и разсѣялось по волнамъ. Сіе примѣтили не прежде разсвѣту; еще спасли съ онаго тритцать бочекъ вина и водки, съ нѣсколькими боченками муки, мяса и овощей, прочее же все пропало.

Къ совершенному несчастію начали ихъ окружать дикіе. Какъ ни старалися они воспрепятствовать имъ воспользоваться замѣшательствомъ, въ коемъ они находились, однакожъ дикіе унесли многія вещи, спасенныя отъ кораблекрушенія. Да и не прежде примѣтили то, какъ когда уже они

они ушли съ своею добычею. Дикіе оставили на берегу многіе каноесы, кои были взяты, но они стоили больше, нежели чего были достойны; ибо, возвратяся опять ночью для взятія своихъ лодокъ, они напали на тѣхъ, кои ихъ отняли, и нашедъ ихъ спящими, убили двухъ Волонтеровъ, о коихъ господинъ де ла Саль весьма сожалѣлъ, ранили его племянника и еще другаго солдата.

Столько несчастій, приключившихся одно за другимъ, отвратили многихъ отъ сей экспедиціи, между прочими двухъ инженеровъ господина Деньмавиля и господина Мине, кои захотѣли возвратиться во Францію, къ чему немало служили рѣчи непріятелей господина де ла Саля, кои не переставали охуждать его поведеніе, и почитать его предпріятіе глупымъ и дерзкимъ. Что касается до него самаго, то онъ никогда не оказывалъ толикой твердости духа и рѣшительности: онъ

построилЪ магазеинЪ, окружилЪ его шанцами, и будучи вЪ томЪ мнѣніи, что рѣка, вЪ которую онЪ вЪѣхалЪ, есть рукавЪ рѣки Мисисипи, разположился ѣхать вверьхЪ по ней.

ТотчасЪ начали строить крѣпость. Лишь только работа получила нѣкоторый успѣхЪ, то господинЪ де ла Саль положилЪ на Жутеля окончаніе оной: сдѣлалЪ его КомендантомЪ, и оставилЪ ему около ста человѣкЪ. ВзявЪ сЪ собою остатокЪ своего войска, простиравшагося до шестидесяти человѣкЪ, отправился водянымЪ путемЪ вЪ намѣреніи ѣхать вверьхЪ по рѣкѣ, какЪ можно далѣе. Дикіе приходили всякую ночь грабить вЪ окружностяхЪ сей крѣпости. Французы, приведенные вЪ замѣшательство, защищалися противЪ нихЪ сЪ урономЪ, который ихЪ приводилЪ вЪ безсиліе. 14 Іюля Жутель получилЪ повелѣніе отЪ господина де ла Саля притти кЪ нему со всѣми своими солдатами.

Мно-

Многіе лучшіе солдаты были побиты и взяты въ плѣнъ дикими; нѣкоторые же померли отъ бѣдности и работы. Число больныхъ умножалося всякой день; однимъ словомъ, ничто не могло быть нещастнѣе того состоянія, въ коемъ находился господинъ де ла Саль. Снѣдаемъ будучи печалію, онъ скрывалъ оную, что перемѣнялося въ упорное ожесточеніе. Какъ скоро онъ увидѣлъ собравшихся всѣхъ своихъ подчиненныхъ, то началъ заводиться и укрѣпляться. Онъ самъ былъ архитекторомъ своея крѣпости; и какъ онъ всегда первый начиналъ работать, то всякой, слѣдуя его примѣру, работалъ какъ можно лучше.

Надлежало бы только ободрить сію охоту, но господинъ де ла Саль не умѣлъ повелѣвать своимъ нравомъ. Когда его подчиненные истощевалися отъ труда, и едва имѣли нужное къ своему пропитанію, онъ не могъ ни мало оставить своей строгости и своего упрямаго нрава, кото-

рой всегда вреденъ, а особливо въ такомъ случаѣ.

Для успѣха въ предпріятіяхъ не довольно одного мужества, здоровья и прилѣжности, многія еще другія дарованія къ тому нужны, какъ-то умѣренность, терпѣливость и безкорыстіе; полезно притвориться и не имѣть иногда глазъ, дабы не раздражать зла. Тихость есть надежнѣйшее средство къ управленію войскъ.

Господинъ де ла Саль наказывалъ за малѣйшіе проступки съ неслыханною жестокостію; рѣдко выходило изъ устъ его ласковое слово для терпѣвшихъ съ большимъ постоянствомъ.

Но онъ за то имѣлъ досаду видѣть всѣхъ почти своихъ подчиненныхъ, приведенныхъ въ безсиліе, которое было болѣе дѣйствіемъ ихъ отчаянія, нежели чрезмѣрной работы и недостатка въ хорошей пищѣ.

Отдавши послѣднія повелѣнія въ своей крѣпости, онъ вознамѣрился

ся далѣе итти въ сію страну, и отправился въ путь 1687 года, 12 Января, взявъ съ собою господина Кавеліе, своего брата, своихъ племянниковъ, Моранжета и молодаго Кавеліе, отца Анастасія, Францисканца, Жутеля, Дюго, Ларшевека, де Марля, одного Нѣмца, называемаго Гіенсъ, лѣкаря, называемаго Ліешо, кормщика Тесіе, Саже и одного дикаго, хорошаго охотника. Я упоминаю именно о всѣхъ отправившихся съ нимъ для того, что обѣ нихъ будетъ говорено въ продолженіи сего письма.

Чѣмъ далѣе они шли внутрь сея земли, тѣмъ болѣе находили оную населенною; и отдалены будучи отъ Ценисовъ на 40 верстъ, узнали, что между сими дикими жилъ одинъ Французъ. Онъ былъ Бретанской матросъ, пропадшій тогда, какъ господинъ де ла Саль въ первой разъ сошелъ на берегъ Мисисипи. Сей несчастный жилъ у Ценисовъ съ 1682 года; они его усыно-

вили, и онъ уже не надѣялся увидѣть опять Европу. Жутель пошелъ искать его между Индѣйцами; онъ оставилъ ихъ только для того, чтобъ быть свидѣтелемъ злодѣйства.

17 Мая Моранжетъ, будучи на охотѣ, обидѣлъ словами Дюго, Гіенса и лѣкаря Ліето. Сіи три человѣка вознамѣрилися какъ можно скорѣе его сбыть съ рукъ, и начать съ лакея господина де ла Саля и его дикаго охотника, называемаго Ника, которой провожалъ Моранжета и которой можетъ бы за него вступился. Они сообщили свое намѣреніе Ларшевеку и кормщику Тесіе, кои одобрили оное и хотѣли имѣть участіе въ семъ дѣлѣ; но господину де Марлю, бывшему тамъ съ ними, о томъ не сказали, и весьма желали его удалить. Въ слѣдующую ночь, когда три несчастныя жертвы ихъ мщенія спокойно спали, Ліето далъ каждому изъ нихъ по нѣскольку ударовъ топоромъ въ голову.

лову. Дикой и лакей господина де ла Саля тотчасъ умерли. Моранжетъ приподнялся, но не могъ выговорить ни слова, убiйцы принудили господина де Марля докончить жизнь его, угрожая, естьли онъ откажется, и съ нимъ тоже сдѣлать; они надѣялися, что учинившись участникомъ ихъ злодѣянiя, онъ на нихъ не донесетъ.

Первое злодѣянiе всегда преслѣдуемо бываетъ безпокойствами и мученiями, и самымъ великимъ злодѣямъ не безъ труда удается оныя утишить. Убiйцы, видя, что имъ не легко будетъ избавиться отъ справедливаго мщенiя господина де ла Саля, естьли того не предупредятъ, и подумавъ вмѣстѣ о средствахъ, какъ бы въ томъ успѣть, почли надежнѣйшимъ итти къ нему, и убивъ всѣхъ его провождавшихъ, лишить его самаго жизни.

Столь странное намѣренiе не инымъ чѣмъ могло быть внушено, какъ слѣпымъ отчаянiемъ, ввергающимъ пре-

преступниковъ въ пропасть, ими изрытую: неожидаемой случай имъ благопріятствовалъ и предалъ въ ихъ руки желанную ими добычу. Рѣка, отдѣлявшая ихъ отъ лагеря, весьма умножившаяся послѣ того времени, какъ они чрезъ нее перешли, удержала ихъ два дни. Сіе замедленіе, показавшееся имъ сперва препятствіемъ къ ихъ намѣренію, облегчило имъ исполненіе онаго. Господинъ де ла Саль, удивяся, что не возвратился его племянникъ и два провожавшіе его человѣка, пошелъ самъ за ними.

При отправленіи его въ путь многіе примѣтили, что онъ смущался и имѣлъ нѣкоторой родъ необыкновеннаго ему безпокойства, спрашивая, не имѣлъ ли Моранжетъ съ кѣмъ ссоры.

Потомъ призвалъ Жушеля, вѣрилъ ему караулъ своего лагеря, наказывая ѣздить тамъ иногда дозоромъ, и не позволять никому отлучаться, и зажигать чаще огонь,

дабы

дабы по дыму онъ могъ найти дорогу, естьли онъ при возвращеніи заблудится. 20 числа онъ отправился въ путь съ отцомъ Анастасіемъ и дикимъ. Приближась къ тому мѣсту, гдѣ остановилися убійцы, онъ увидѣлъ орловъ, весьма близко онаго летающихъ, что подало ему случай думать, что въ семъ мѣстѣ находилися какія нибудь мертвыя тѣла. Онъ выстрѣлилъ изъ ружья; заговорщики, не видавъ еще его, не думали, чтобъ шелъ онъ, однакожъ приготовили свои оружія. Рѣка раздѣляла ихъ. Дюго и Ларшевекъ перешли чрезъ оную, и увидѣвъ господина де ла Саля, которой шелъ тихо, остановилися. Дюго спрятался въ траву съ заряженнымъ ружьемъ, Ларшевекъ подошелъ ближе къ господину де ла Салю, которой тотчасъ, узнавши его, спросилъ, гдѣ его племянникъ? Онъ отвѣчалъ, что его племянникъ на другой сторонѣ рѣки. Въ самое то время Дюго вы-

выспрѢлилЪ. Де ла Саль былЪ раненЪ вЪ голову, и палЪ мертвЪ.

О вы, что вЪ сей землѢ издревле обитая,
Скитаетесь вЪ лѢсахЪ, вЪ пещерахЪ заблуждая,
На кои лютости и на жестокій нравЪ
СЪ презрѢньемЪ гордымЪ зритЪ Европа средь забавЪ!
Скажите, солнце вЪ васЪ ужель когда воззрѢло
На толь жестокое и толь преступно дѢло?

Поэма Жюмонвиль, сочиненная Г. ТомасомЪ.

Сіе убивство учинено было 20 Мая, 1687 года, у Ценискаго народа. ОтецЪ Анастасій, увидя господина де ла Саля, поверженнаго у ногЪ своихЪ, думалЪ, что убійцы, дабы избавиться отЪ свидѢтеля сего преступленія, его не пощадятЪ. Но Дюго, подошедши кЪ нему, для ободренія его сказалЪ ему, что учиненное ими злодѢйство было дѢйствіемЪ отчаянія, и что они давно думали обЪ отмщеніи Моранжету, который хотѢлЪ ихЪ погубить. ОтецЪ Анастасій увѢдомилЪ господина Кавеліе о смерти его брата. Оный

Оный сказалъ заговорщикамъ, что естьли они хотятъ также и его убить, то онъ ихъ заранѣе прощаетъ за свою смерть, и проситъ у нихъ токмо милости на одну четверть часа для приготовленія себя къ оной; но они отвѣчали ему, что ему нечего опасаться, для того что имъ всѣ довольны.

Жутеля не было тогда въ лагерѣ. Ларшевекъ, другъ его, побѣжалъ его увѣдомить, что его непремѣнно убьютъ, естьли онъ хоть малое окажетъ негодованіе о приключившемся, или естьли вздумаетъ онъ возвыситься властію, данною ему господиномъ де ла Салемъ; но что ежели онъ будетъ спокоенъ, то ему нечего опасаться. Жутель, будучи весьма тихаго свойства, отвѣчалъ, что его поведеніемъ будутъ довольны, и потомъ возвратился въ лагерь.

Лишь только Дюго увидѣлъ Жутеля, то кричалъ ему, что всѣмъ должно командовать по че-

редѣ. Онъ присвоилъ ужъ себѣ всю власть, и сперва употребилъ оную на завладѣніе магазеина, потомъ раздѣлилъ его съ Ларшевекомъ, говоря, что все ему принадлежало. Въ магазеинѣ находилося на 30000 ливровъ разныхъ вещей и около 25000 ливровъ наличными деньгами.

Убійцы, будучи сильны и смѣлы, оказали себя способными къ величайшимъ преступленіямъ; да они и не находили сперва никакого себѣ сопротивленія. Но въ скоромъ времени произошла между ими ссора въ раздѣлѣ казны. Дѣло дошло до драки: Гіенсъ выстрѣлилъ изъ пистолета въ лобъ Дюго, которой палъ мертвъ въ четырехъ шагахъ отъ того мѣста, на которомъ стоялъ. Въ самое то время Рютель, Бретанской матросъ, котораго Жутель вывелъ изъ Ценской земли, выстрѣлилъ въ Ліето. Хотя сей нещастный имѣлъ въ себѣ три пули, однако прожилъ еще нѣсколько часовъ; и такъ два убійцы, одинъ

госпо-

господина де ла Саля, а другой Моранжета, его племянника, сами были жертвами той злобы, которую они произвели въ семъ нещастномъ селеніи.

Дикіе не знали, что думать о сихъ убійствахъ, и приведены тѣмъ были въ великое изумленіе. Они имѣли справедливѣйшую причину почитать сихъ Французовъ варварами, нежели какую мы имѣемъ называть ихъ такими.

Таковъ былъ плачевный конецъ господина де ла Саля. Сей человѣкъ имѣлъ отмѣнныя дарованія, пространный разумъ, храбрость и твердость духа. Онъ бы могъ съ сими качествами сдѣлать что нибудь великое, естьли бы при нихъ умѣлъ повелѣвать печальнымъ и угрюмымъ своимъ нравомъ, утишить строгость, или лучше сказать, жестокость своего свойства, и удержать высокомѣріе своихъ поступокъ не только въ разсужденіи подчиненныхъ своихъ, но и равныхъ себѣ.

Но

Но всего горестнѣе то, что никто о немъ не сожалѣлъ, что его почли по худому успѣху въ его предпріятіяхъ бродягою всѣ тѣ, кои судятъ только по наружности. Къ несчастію весьма многіе такъ разсуждаютъ, да и самая публика. Его также по справедливости упрекаютъ въ томъ, что онъ никогда ни отъ кого не принималъ совѣтовъ и портилъ собственныя свои дѣла упрямствомъ своимъ (*).

Такимъ образомъ кончилось сіе нещастное предпріятіе. Многимъ при-

---

(*) *Дабы уменьшить мерзость преступленія Дюго, не преминули сказать, что господинъ де ла Саль убилъ собственными своими руками молодаго Дюго, учинилъ тоже со многими другими, и что отчаяніе и мщеніе побудили къ тому заговорщиковъ, которые опасались, чтобы сами не погибли отъ его несправедливости и жестокости. Тѣмъ болѣе не должно вѣрить симъ поноснымъ рѣчамъ, что обыкновенно умножаютъ пороки несчастныхъ и приписываютъ имъ такіе, которыхъ они совсѣмъ не имѣли.*

причинамъ приписывается неудача онаго. Оно бы имѣло по крайней мѣрѣ часть желаемаго успѣха, естьли бы желали токмо имѣть селеніе на устьѣ рѣки Мисисипи. Извѣстно, что господинъ де ла Саль, будучи оставленъ господиномъ Боже въ заливѣ Св. Бернарда, скоро узналъ, что онъ былъ на западѣ той рѣки, которую онъ искалъ. Естьли бы онъ имѣлъ одно только намѣреніе найти оную, то онъ бы въ томъ успѣлъ, выпросивъ у Ценисовъ себѣ проводниковъ; ибо они послѣ давали оныхъ Жутелю (*); но господину де ла Салю хотѣлося при-

(*) *Жутель нашелъ рѣку Мисисипи помощію дикихъ, кои проводили его къ Акансасамъ, а оттуда въ Канаду, въ которую онъ пріѣхалъ съ священникомъ, Францисканцомъ, солдатомъ, матросомъ, крестьяниномъ и дикимъ, кои составляли весьма странный караванъ. Остатокъ сего нещастнаго селенія раззоренъ отчасти дикими, отчасти же Испанцами, кои, полоня поселянъ, сослали ихъ на рудокопные заводы.*

приближиться къ Испанцамъ, дабы отъ нихъ узнать о рудахъ Св. Варвары и искать золотой горы. Желая сдѣлать много, онъ не только совсѣмъ ничего не сдѣлалъ, но и потерялъ всѣхъ своихъ солдатъ и самъ погибъ, не возбудивъ ни въ комъ ни малаго о себѣ сожалѣнія.

Позвольте мнѣ, государь мой, прежде окончанія сего письма учинить нѣкоторыя разсужденія о человѣческой глупости.

Жадность Испанскихъ Капитановъ должна быть слишкомъ велика, когда она возбуждала ихъ искать золотой горы, или химерическаго *Дорадо*, когда обитаемая ими земля со всѣхъ сторонъ извергала золото. Сіе доказываетъ, что сокровища всего свѣта не въ состояніи удоволствовать человѣка, когда скупость овладѣетъ его сердцемъ.

Испанцы не довольны были Перуанскими богатствами; имъ надобно было открыть *Дорадо*, такую

кую землю, въ которой бы горы и камни были золотые. Индѣйцы, лаская скупости своихъ непріятелей и стараясь удалить ихъ отъ своихъ земель, не преставали хвалить имъ золото, серебро, жемчугъ и алмазы, раждающіяся въ великомъ изобиліи въ сей странѣ. Желая освободиться отъ сихъ неспокойныхъ гостей, они ничего не оставили для увѣренія ихъ о бытіи сей мнимой страны. Испанцы повѣрили симъ пріятнымъ для нихъ разсказамъ: многіе утверждаютъ, что сіе самое есть происхожденіе того славнаго *Дорадо*, который надѣлалъ въ свѣтѣ столько шуму.

Слухъ тогда носился, что по выходѣ изъ долгой цѣпи горъ, покрытыхъ снѣгомъ, входили въ пространную и чрезвычайно населенную долину, въ которой находился *Дорадо*.

Квесада, услышавъ о семъ, тотчасъ отправился съ двумя тысячами храбрыхъ солдатъ для сыска-

нія онаго. Въ день Св. Іякова они примѣтили съ вершины одной горы пространныя долины, издали походящія на море. Сошедши къ подошвѣ горы, они построили тамо городъ, которой назвали *Санъ-Іаго* въ память сего святаго, въ день котораго они открыли сію долину, и дали оному еще другое имя *Касъ Аталаіасъ* (*), для показанія цѣли своего путешествія сыскать *Дорадо*. Санъ-Іаго еще и по нынѣ стоитъ на томъ мѣстѣ, на которомъ онъ означенъ на ландкартѣ, какъ монументъ, служащій къ возбужденію потомства искать сего неизвѣстнаго сокровища. Квесада прошелъ съ великимъ трудомъ чрезъ Айрикскіе лѣса, и пришелъ въ 1543 году въ Тиману, потерявши почти всѣхъ своихъ солдатъ.

Орелана предпріялъ въ семъ году сіе же путешествіе. Онъ, отправившися

(*) *Аталаіасъ значитъ на Испанскомъ языкѣ открыть, усмотрѣть.*

вившися изъ Перу, поѣхалъ внизъ Маранона, или Амазонской рѣки, вышелъ на берегъ оныя и всячески старался прибыть къ золотой горѣ; но всѣ труды его были тщетны: онъ не получилъ иной чести отъ своего предпріятія, кромѣ той, что онъ совершилъ такія ужасныя путешествія, о какихъ никогда не слыхано было. Въ сіе самое время Филиппъ де Юръ, опасаясь, чтобы Квесада не воспользовался одинъ симъ открытіемъ, отправился изъ Коро въ провинцію Венуезуела съ Аквито, Порутчикомъ Белалькázаромъ и сто дватцатьми человѣками; но услыша отъ одного Кацика, что большая часть Квесадовыхъ солдатъ погибла въ семъ предпріятіи, принялъ путь свой къ югу вдоль рѣки Гуабари, и пріѣхалъ по увѣреніямъ отца Симона и Піедрагата къ первому селенію Омагнасовъ въ весьма худомъ состояніи. Но чего не дѣлаютъ для злата? *Auri sacra fames quid non mortalia pectora cogis?*

 „Спро-

„Спросимъ, говоритъ одинъ „Испанской авторъ, первыхъ на„шихъ Генераловъ, Агличанина „Кеймиза (*) и другихъ предводи„телей сего государства, для ка„кой причины предпринимали они „таковыя путешествія? На что „они столько разъ подвергали опас„ности свою жизнь на морѣ? Почто „они жертвовали своими кораблями „и подвергали себя такимъ бѣдстві„ямъ? Спросимъ Квито, обоихъ Пизар„ровъ, Санта фе-де Багота, Кве„садовъ, на рѣкѣ Маранонѣ, Оре„лана, Мета, Барріо и многихъ „другихъ славныхъ полководцевъ, „для чего они такъ себя утруж„даютъ? Къ чему сіи наборы „войскъ, сіи путешествія въ такія „трудныя страны? Мы ищемъ тамъ, „скажутъ они, славнаго и бога„таго *Дорадо*; и такъ не удив„ляйтесь нашему намѣренію. Не

„свой

(*) *Еще тому не минуло ста лѣтъ, какъ Кеймизъ предпринималъ открыть золотую землю.*

„ свойственно ли принимать безпокой-„ ства для пріобрѣтенія величайшихъ „ въ свѣтѣ богатствъ? Но какую „ нужду имѣла Перу погубить „ столько народу для найденія ея? „

Теперь не трудно разсудить, какъ должно почитать такое предпріятіе, коего цѣль была искать въ отдаленныхъ странахъ съ такими опасностями и издержками сокровищъ, коими въ безопасности у себя владѣли.

Но къ чему столько разсуждать о сей матеріи? Пребываніе мое здѣсь подастъ мнѣ случай написать къ вамъ новое письмо о томъ, что я узнаю лучшаго о политикѣ и формѣ правленія народовъ сея страны.

Остаюсь, государь мой, и проч.

У Акансасовъ, 29 Октября, 1751.

Письмо V.

К томуже.

Описаніе нравовъ Акансасскаго народа, ихъ законовъ обыкновенія въ произведеніи войны, доброты и плодородія земли.

Государь мой!

Описаніе, которое я намѣренъ вамъ сдѣлать о семъ дикомъ народѣ, привлекая вниманіе ваше на особенное его свойство, подастъ вамъ, какъ я надѣюсь, общее понятіе о свойствѣ всѣхъ народовъ сѣверной Америки. Въ самомъ дѣлѣ немного разности между ими въ нравахъ и мнѣніяхъ, а особливо о Вышнемъ Существѣ, которое они называютъ на своемъ языкѣ *Коiокопшиѣъ*, что значитъ *великой духъ*, или *Господь живота*.

Акансасы живутъ на берегу рѣки того же имени; она вытекаетъ изъ новой Мексики и впадаетъ въ рѣку

рѣку Мисисипи. Сіи дикіе ростомъ велики, статны, храбры, искусны въ плаваніи, весьма хорошіе охотники къ рыбной и звѣриной ловлѣ, и очень вѣрны Французамъ; они во многихъ случаяхъ оказали знаки своей преданности.

Я писалъ къ вамъ въ предъидущемъ моемъ письмѣ объ одномъ старикѣ сего народа, которой мнѣ сказалъ, что онъ видѣлъ господина де ла Саля. Сей старичекъ говорилъ мнѣ, что онъ возъимѣлъ съ тѣхъ поръ великое почтеніе къ Французамъ, и что онъ первыхъ ихъ видѣлъ изъ бѣлыхъ людей, и что всегда наказывалъ своему народу, коего онъ былъ начальникъ, никого изъ Европейцевъ не признавать союзниками, кромѣ Французовъ, кои тотчасъ и были признаны таковыми по его одобренію. Въ самомъ дѣлѣ сіи народы никакъ не хотѣли участвовать въ заговорѣ Натшезовъ противъ Французовъ. Я долженъ отдать справедливость симъ добрымъ дикимъ,

кои имѣютъ непрестанную войну съ Шикашасами, которые дали у себя убѣжище Натшезамъ.

Акансасская страна есть изъ прекраснѣйшихъ въ свѣтѣ. Земли тамъ такъ плодоносны, что онѣ приносятъ почти сами собою Европейской хлѣбъ, всякаго роду овощи и изрядные во Франціи неизвѣстные плоды; тамъ великое изобиліе всякаго рода птицъ и звѣрей, какъ то: дикихъ быковъ, оленей, дикихъ козъ, медвѣдей, тигровъ, барсовъ, лисицъ, дикихъ кошекъ, кроликовъ, Индѣйскихъ куръ, рябчиковъ, фазановъ, куропатокъ, перепелокъ, горлицъ, голубей, лебедей, гусей, драхвъ, крякушъ, нырковъ, водяныхъ куръ, гагаръ, бекасовъ, дроздовъ, скворцовъ и другихъ птицъ, коихъ нѣтъ въ Европѣ.

По прибытіи моемъ къ Акансасамъ молодые воины встрѣтили меня пляскою калюмета. У сихъ народовъ бываетъ пляска при всякихъ

дѣлахъ: у нихъ есть пляска закона, врачеванія, увеселенія, церемоніи, войны, мира, свадьбы, смерти, игры, охоты и безстыдства; сія послѣдняя уничтожена по пріѣздѣ нашемъ въ Америку. Она отправлялася втайнѣ и ночью при великомъ огнѣ. Всѣ допущенные въ сіе безстыдное собраніе должны были ударять по столбу (*), то есть клясться никогда не открывать того, что они дѣлали или видѣли въ семъ развращенномъ балѣ. Плясуны обоего пола были тамъ совсѣмъ наги, ломались и пѣли непристойныя пѣсни, отъ переводу коихъ вы меня уволите,

 хотя

(*) *Когда дикіе клянутся въ чемъ, или присягаютъ, то они берутъ дубину, коею ударяютъ по столбу, воспоминая храбрыя дѣла, учиненныя ими на войнѣ, и обѣщая свято держать свое слово. Клятва, учиненная такимъ образомъ для нихъ невозвратна. Касикъ присягаетъ хорошо управлять своимъ народомъ, когда будетъ начальникомъ онаго и ударяетъ въ столбъ. Онъ не можетъ быть принятъ въ сіе достоинство, не учинивъ сей клятвы.*

хотя онѣ на ихъ языкѣ не такъ неблагопристойны.

Между Акансасами находятся такіе искусные люди, коибы удивили можетъ быть нашихъ ташеншпилеровъ. Я видѣлъ, какъ одинъ обаятель сдѣлалъ при мнѣ такую штуку, которая покажется вамъ невѣроятною: онъ проглотилъ оленье ребро въ семнатцать дюймовъ длиною, и вынялъ его потомъ у себя изъ брюха. Сей Акансасъ пошелъ въ новой Орлеанъ для показанія своего искусства Губернатору и всѣмъ гарнизоннымъ офицерамъ. Сіе дикіе называютъ дѣлать лѣкарство.

Вотъ какъ, государь мой, объявляютъ войну у Акансасовъ: дѣлаютъ пиръ въ шалашѣ начальника, на которомъ ѣдятъ собакъ, которыя составляютъ главное кушанье воиновъ, для того что, говорятъ они, какъ собака, толь храбра, что защищаетъ своего господина, допуская себя разорвать на части, то и мясо ея производитъ храб-

храбрость. Тотъ, кто у непріятелей убьетъ собаку, тотчасъ принимается въ число воиновъ; но ему должно принесть кожу съ головы убитой имъ собаки, безъ чего другіе тому не повѣрятъ. Дикіе много имѣютъ собакъ какъ для охоты, такъ и для защищенія себя отъ нечаянныхъ непріятельскихъ нападеній.

Послѣ упомянутаго мною пира главный начальникъ созываетъ военныхъ людей и воиновъ.

Сіе собраніе бываетъ посреди деревни въ большомъ нарочно для того сдѣланномъ шалашѣ, которой называютъ *шалашемъ совѣта*. Начальникъ и знатнѣйшіе садятся каждый по своему чину на цѣновкахъ, или на тигровыхъ кожахъ. Когда всѣ усядутся, то ораторъ, сѣвши посреди собранія, говоритъ во весь голосъ рѣчь, въ которой онъ представляетъ своему народу, что ему бы было поносно оставить безъ отмщенія обиду, полученную отъ

та-

такого-то народа, и что естьли не отмстятъ, то почтутъ ихъ женщинами (*). Въ сіе время все собраніе дѣлаетъ рукоплесканія, крича: *гeу! гeу!*

Потомъ начальникъ беретъ пучекъ палочекъ, и представляетъ оной собранію. Всѣ, хотящіе итти на войну, берутъ каждой по одной палочкѣ; такимъ образомъ производятъ они рекрутскіе наборы.

На другой день поутру женщины ходятъ по деревнѣ, крича: „Молодые люди и воины, получившіе „палочки! отправляйтеся, ступайте „на войну, отмстите смерть нашихъ отцовъ, нашихъ союзниковъ „и нашихъ друзей; не возвращайтеся, „не обагривъ рукъ своихъ кровію нашихъ непріятелей и не принесши „ихъ

(*) *Дикаго назвать женщиною, или старухою, почитается за брань, которая значитъ, что онъ слабый человѣкъ, или трусъ.*

„ ихъ кожъ. „ (*) Тогда всѣ, получившіе палочки, собираются на общее мѣсто.

Гдѣ одинъ молодой дикой намазываетъ красною краскою дубину, которую носятъ на границы непріятельской земли; тамъ вырѣзываютъ на деревѣ двѣ летящія стрѣлы, расписываютъ оныя киноварью, что у нихъ есть знакъ войны. Красное значитъ, что народъ жаждетъ мщенія и не удовольствуется, не проливъ крови своихъ непріятелей.

Прежде отправленія на войну начальникъ народа созываетъ новое собраніе, послѣ котораго обыкновенно бываетъ военный пиръ, къ коему

(*) *Дикіе имѣютъ обыкновеніе сдирать кожу съ головы непріятелей, убитыхъ ими на войнѣ. Они считаютъ число оныхъ по симъ кожамъ, которые они приносятъ домой въ торжествѣ, воткнувъ на большой шестъ. Мы обыкновенно имъ платимъ товарами на шесть рублей за каждую кожу съ головы нашихъ непріятелей.*

коему онъ приглашаетъ своихъ союзниковъ и даетъ имъ палочки для обязанія ихъ итти съ нимъ на войну вспомогательными войсками. По окончаніи обѣда поютъ и пляшутъ *войну*; (*) всѣ молодые люди при семъ случаѣ вымазаны красною краскою. Тотъ, которой пляшетъ начатіе войны, или нападеніе, примѣчаетъ своего непріятеля сгорбившися, и вдругъ нападаетъ на него съ дубиною въ рукахъ, производя ужасный крикъ, какъ будто бы въ самомъ дѣлѣ сражался. Товарищъ его вдругъ упадаетъ, какъ бы пораженъ былъ громовымъ ударомъ.

Послѣ

(*) *Пѣсня войны заключается въ сихъ словахъ: „ Я иду на войну отмстить „ за смерть моихъ братьевъ; я побью, „ истреблю, раззорю, сожгу непрія„ телей, приведу ихъ невольниками, „ съѣмъ ихъ сердце, выкопчу ихъ „ мясо, буду пить ихъ кровь и при„ несу ихъ волосы и черепы для сдѣ„ ланія чашекъ; „ и въ подобныхъ сему словахъ, наполненныхъ мщеніемъ, жестокостію и кровопролитіемъ.*

Послѣ чего другой представляетъ съ пляскою, какъ сдирать у мертваго кожу съ головы. Сіе дѣйствіе производится съ ножемъ въ рукахъ: онъ обводитъ ножемъ окола лба и около шеи непріятеля, хватаетъ оные своими ногтями, кои бываютъ очень долги, и оперошися обоими своими колѣнами объ плеча плѣнника, потомъ ударивъ его оными и дернувъ руками, онъ снимаетъ головную кожу съ волосами. Все сіе представляется съ пѣніемъ и пляскою при барабанномъ боѣ.

Дикіе никогда не ходятъ на войну, не истребовавъ совѣта отъ своего Маниту. (*) Они ему приписываютъ всѣ свои щастія и нещастія. Естьли Маниту къ нимъ немилостивъ, то они его безъ всякой церемоніи оставляютъ и принимаютъ

(*) *Такъ называютъ своихъ Боговъ; они иногда обожаютъ высушеннаго ворона, или змѣя, также и четвероногихъ животныхъ.*

ютъ на его мѣсто другаго. Начальникъ прежде отправленія на войну наблюдаетъ весьма строгой постъ, и въ сіе время мажетъ тѣло черною краскою. Послѣ поста стираетъ черную краску и мажетъ тѣло и лице красною. Онъ говоритъ рѣчь къ своимъ воинамъ въ присутствіи ихъ Бога; послѣ чего всякой собираетъ свой багажъ для отъѣзду. Они производятъ иногда войну за 400 и за 500 миль отъ своихъ земель.

Военный ихъ багажъ состоитъ изъ медвѣжьей кожи, служащей имъ вмѣсто постели, изъ бычачьей кожи, служащей имъ вмѣсто одѣяла, и изъ тигровой кожи, служащей имъ вмѣсто мѣшка, въ которой они кладутъ калюметъ, или курительную трубку, небольшой топоръ, которымъ въ лѣсахъ строятъ себѣ хижины.

Вооруженіе ихъ состоитъ изъ ружья, бычачьяго рога съ порохомъ, кожанаго мѣшечка, въ которомъ лежатъ ихъ пули, кремни и пыжи,

изъ лука и колчана, наполненнаго стрѣлами, которыя имъ весьма нужны для ловли; ибо они не стрѣляютъ въ звѣрей изъ ружья, когда идутъ противъ непріятелей, дабы оные по выстрѣлу не узнали о ихъ приходѣ. Дикіе сходны между собою въ нападеніи на непріятеля; ибо они поставляютъ всю свою славу и науку въ томъ родѣ войны, которой почти всегда бываетъ пагубенъ тѣмъ, съ коими они производятъ оную.

Что касается до ихъ съѣстныхъ припасовъ, они мало о нихъ стараются: каждый запасается маленькимъ мѣшечкомъ муки Индѣйскаго хлѣба, которой приготовляютъ почти также, какъ кофе. Когда они бываютъ угнѣтаемы голодомъ, то глотаютъ по ложкѣ воды, разведенной сею мукою, которую они берегутъ до приближенія непріятеля.

Хотя дикіе иногда по три, или по четыре дни ничего не ѣдятъ, однако сіе имъ не причиняетъ ни малаго вреда и не препятствуетъ

продолжать обыкновенной свой путь. Они стягивают себѣ живот поясом так, чтобы он вдавился; одним словом, они в трудах неутомимы.

Когда дадут непріятелю удар, так сказать по их обыкновенію, то молодые воины отправляются тотчас в свою деревню для принесенія туда извѣстія о побѣдѣ. Они дают о себѣ знать нѣкоторым криком, показывающим число плѣнников, мертвых и число кож. Женщины приготовляются встрѣтить палочными ударами плѣнников; онѣ имѣют право рѣшить смерть, или жизнь плѣнников, которых приводят связанных и вымазанных красною, или черною краскою. (*) Лишившіеся своих мужей, или дѣтей, могут взять плѣнника для заступ-

(*) *Вымазанные краскою назначены к сожженію посреди деревни, естьли их не возьмут к себѣ женщины.*

заступленія ихъ мѣста. Естьли онѣ его примутъ вмѣсто мужа, или сына, то онъ получаетъ вольность; неусыновленныхъ же сожигаютъ живыхъ тихимъ огнемъ. Для сего сдираютъ у нихъ съ головы кожу и привязываютъ къ пяльцамъ. (*) Тогда всѣ молодые воины отмщаютъ за себя симъ нещастнымъ, которые сносятъ ужаснѣйшія мученія, не токмо не произнося ни малой жалобы, но напротивъ того до самой смерти поютъ, говоря, что они настоящіе мущины, и что они не боятся ни смерти, ни огня. Они иногда и надъ палачами смѣются, говоря, что они не довольно ихъ мучатъ; что естьли бы они къ нимъ попалися, то они бы ихъ гораздо болѣе стали мучить; что такія-то части тѣла должно жечь, и что въ такихъ-то мѣстахъ имъ больнѣе.

(*) *Пяльцами называютъ два столба, воткнутые въ землю, на верьху коихъ положена перекладина. Плѣнниковъ заставляютъ пѣть и плясать около сихъ столбовъ.*

Дикіе, отправляяся въ походъ, красятъ себѣ красною краскою все тѣло и лице, такъ что при нападеніи на непріятеля, производя вопли, подобные бѣснующимся, они походятъ на толпу діяволовъ, вышедшихъ (*) изъ ада. Они благосклонны къ друзьямъ, но крайнѣ жестоки къ своимъ непріятелямъ.

Что касается до ихъ закона, они вѣрятъ бытію Великаго Духа, котораго обожаютъ въ видѣ змѣи, или крокодила, и дѣлаютъ ему богослуженіе. Діявола они боятся и называютъ его злымъ духомъ. Они обожаютъ также солнце и луну. Когда громъ гремитъ, то они думаютъ, что Господь живота говоритъ имъ въ гнѣвѣ.

Я не окончу своего письма, не увѣдомивъ васъ о небольшомъ произше-

---

(*) *Дикіе вообще, какъ женщины, такъ и мущины, совсѣмъ не имѣютъ волосъ на тѣлѣ, кромѣ головы. Они говорятъ что мы въ семъ походимъ на звѣрей, особливо когда увидятъ, что мы ѣдимъ травы и салатъ.*

извѣстіи, которое покажется вамъ чуднымъ. Хотя оно и не важно, однако можетъ мнѣ быть полезнымъ во время пребыванія моего въ Америкѣ. Акансасы меня усыновили; они признали меня воиномъ и начальникомъ и дали знакъ сего усыновленія, то есть дикую козу, изображенную у меня на лядвеѣ; я съ охотою согласился на сію жестокую операцію. Вотъ какимъ образомъ сіе происходило: меня посадили на тигровую кожу; одинъ дикой, нажегши соломы, развелъ пепелъ водою и нарисовалъ онымъ у меня на лядвеѣ дикую козу, потомъ кололъ тѣло по сему изображенію толстою иглою. Кровь, смѣшавшись съ соломеннымъ пепломъ, составила изображеніе, которое никогда не сойдетъ. Послѣ сего я курилъ калюметъ; передъ мною разослали бѣлыя кожи, по коимъ я шелъ; они плясали около меня, производя радостные вопли; потомъ сказали мнѣ, что когда я пойду къ союзникамъ ихъ,

представлю имѣ калюметѣ и покажу свой знакѣ, то всѣми ими буду хорошо принятѣ, что я ихѣ братѣ и что естьли кто меня убьетѣ, то они сами того убьютѣ. И такѣ я теперь благородной Акансасѣ. Сіи народы думаютѣ, что они оказали мнѣ чрезѣ сіе усыновленіе всю честь, должную защитнику ихѣ отечества; я же почитаю сію честь равную той, которую получилѣ Фельдмаршалѣ Ришеліе, будучи вписанѣ вѣ золотую книгу Генуэзской республики вѣ число благородныхѣ Генуэзцовѣ, хотя есть нѣкоторое различіе между вписаніемѣ и производимою надо мною операціею. Я не могу вамѣ довольно изобразить, какую она причиняла мнѣ боль; однакожѣ я всѣ свои силы употреблялѣ не оказывать того и шутилѣ сѣ находившимися тутѣ женщинами. Зрители, приведенные вѣ изумленіе моею нечувствительностію, производили радостные вопли и плясали около меня, говоря, что я настоя-

стоящій мужчина. ОднакожЪ боль была толь велика, что я занемогЪ горячкою, которая продолжалася около осьми дней. Вы не можете повѢрить, какЪ сіи народы сЪ сего времени привязаны ко мнѢ.

Я не могу вамЪ ничего болѢе сказать о сихЪ народахЪ. Мы надѢемся отправиться вЪ первыхЪ числахЪ Ноября для продолженія нашего путешествія вЪ Иллинесскую землю. КакЪ становится уже холодно и намЪ остается еще проѢхать три ста миль для прибытія туда, то мы опасаемся, чтобы насЪ не остановили льды и не принудили перезимовать на дорогѢ. Мы должны еще пробыть нѢсколько времени здѢсь для запасенія себя сухарями, нужными для такого продолжительнаго путешествія; ибо намЪ должно противиться вЪ сіе время приливамЪ и сѢвернымЪ вѢтрамЪ, кои намЪ противны. По видимому я не могу кЪ вамЪ писать прежде будущаго года. Сіе письмо

 по-

посылаю на суднѣ, которое пріѣдетъ съ Королевскимъ кораблемъ во Францію и желаю, чтобъ оно нашло васъ тамъ въ добромъ здравіи. Пожалуйте пишите ко мнѣ о себѣ, вы чрезъ то мнѣ учините великое удовольствіе.

Въ Акансасахъ, 6 *Ноября*, 1751.

P. S. Я нашелъ у Акансасовъ одного полудикаго. Извѣдывая о его про исхожденіи, я узналъ, что онъ былъ сынъ Рютеля, Бретонскаго матроса, который пропалъ тогда, какъ господинъ де ла Саль сошелъ внизъ рѣки Мисисипи въ 1682 году, и о которомъ я имѣлъ честь прежде сего писать къ вамъ. Сей полудикой увѣдомилъ меня, что помянутой Рютель, его отецъ, попался къ Ценисамъ, дикимъ народамъ, которые его усыновили, дали ему жену и пожаловали его воиномъ; ибо онъ въ одномъ сраженіи, которое имѣли Ценисы

нисы съ своими непріятелями, употребленіемъ своего ружья, котораго дѣйствіе имъ тогда еще неизвѣстно было, устращивъ ихъ обратилъ въ бѣгство.

Сей Рютель, научивши потомъ сихъ дикихъ ѣздить въ ихъ каноесахъ на парусахъ и съ веслами, привелъ ихъ въ состояніе разбить малую непріятельскую морскую армію. Сей способъ мореплаванія, до тѣхъ поръ неизвѣстной сему народу, пріобрѣлъ отъ нихъ почтеніе и благодарность къ сему Бретонскому матросу; они считали его первымъ человѣкомъ въ свѣтѣ. Да и славный Рюитеръ, выслужившійся изъ матросовъ въ Адмиралы соединенныхъ Нидерландовъ, можетъ быть меньше былъ почитаемъ, нежели Рютель у Ценисовъ.

Письмо VI.

Къ тому же.

Повѣствованіе о томъ, что приключилося автору во время его путешествія отъ Акансасовъ къ Иллинесамъ. Разбитіе Королевскаго судна С Людовика, на которомъ онъ находился Онъ въѣжжаетъ въ Мисисипи. Одинъ Акансасъ спасаетъ его жизнь.

Государь мой!

Я, слава Богу, пріѣхалъ въ Шартресскую крѣпость, претерпѣвъ великія опасности во время сего дальняго и труднаго путешествія. Мы, отправяся изъ Акансасской земли 7 Ноября, проѣхали около трехъ сотъ верстъ, не встрѣтивъ ни одной деревни, ни селенія. Какъ сіе пространство земли совсѣмъ необитаемо, то тамъ попадаются стада дикихъ быковъ, оленей и дикихъ козъ, особливо же когда воды бываютъ низки. Сіи животныя ходятъ

дятъ къ рѣкѣ пить стадами; мы часто убивали оныхъ, также и медвѣдей Дикіе Акансасы нанимаются обыкновенно у Французовъ для прокормленія ихъ ловлею во время путешествія. Сіи охотники отъѣжжаютъ поутру въ лодкахъ, убиваютъ быковъ, попадающихся имъ на берегу рѣки сея, и ѣдущій за ними конвой принимаетъ въ суда убитыхъ ими животныхъ.

Дикіе стараются отрѣзывать языки у убитыхъ ими животныхъ для поднесенія оныхъ главному начальнику и офицерамъ. Потомъ сержантъ, или капралъ, раздѣляетъ мясо солдатамъ, у коихъ иногда бываетъ слишкомъ много онаго. Удовольствіе, получаемое отъ охоты, награждаетъ безпокойства, понесенныя въ путешествіи. Дичины такъ много въ окружностяхъ рѣки св. Франциска (*), что когда мы разкидывали палатки на берегахъ оныя, то

(*) *Сія рѣка вытекаетъ изъ земли Гото.*

то не можно было спать по причинѣ множества лебедей, журавлей, гусей, драхвъ и утокъ, которыя летали тамъ во всю ночь. Ближе къ Иллинесской землѣ днемъ бываетъ видно такое множество горлицъ, или дикихъ голубей, что они затмѣваютъ солнце. Пища ихъ состоитъ изъ однихъ дубовыхъ желудей. Они очень вкусны; ихъ убиваютъ иногда вдругъ по 80 однимъ ружейнымъ выстрѣломъ. Достойно сожалѣнія, что такая прекрасная страна необитаема.

Господинъ Макарти, начальникъ конвоя, природою Ирландецъ, будучи нѣсколько боленъ подагрою, и опасаяся перезимовать на дорогѣ, рѣшился отправиться напередъ насъ, какъ мы были еще за 30 миль отъ Иллинесовъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка Огіо стекается съ рѣкою Мисисипи. Сей начальникъ взялъ лучшихъ гребцовъ съ нашихъ судовъ для вооруженія своего. Не безпокояся о другихъ, пустился впередъ про-

противЪ повелѣнія Маркиза Водреля, и не взирая на то, что естественный законЪ повелѣваетЪ помогать другЪ другу какЪ вЪ случаѣ нападенія непріятелей, такЪ и вЪ другихЪ нещастіяхЪ, подобныхЪ тѣмЪ, которыя случилися сЪ кораблемЪ С. ЛюдовикомЪ, на которомЪ я ѣхалЪ. Оный сѣлЪ на мѣль; его должно было почти совсѣмЪ выгрузить, чтобы онЪ поплылЪ, отЪ чего я потерялЪ два дни, и не могЪ соединиться сЪ конвоемЪ.

КЪ довершенію моего нещастія, когда уже только 14 верстЪ до ИллинесовЪ осталося, судно мое чрезЪ три дни послѣ того, какЪ оно было на мѣли, разбилося и потонуло скорѣе, нежели вЪ часЪ. При семЪ случаѣ я потерялЪ все свое имѣніе и былЪ вЪ опасности утонуть. Я бросился вЪ лодку, но она такЪ нагружена была разными вещьми, спасенными отЪ кораблекрушенія, что опрокинулася. Нѣкоторые солдаты потонули, и я бы имѣлЪ такую

же участь, есть ли бы одинъ великодушный Акансасъ меня не вытащилъ.

Послѣ сихъ приключенїй прибылъ я въ Шартресскую крѣпость. Но въ недолгомъ моемъ тамъ пребыванїи я былъ свидѣтелемъ одного произшествїя, которое однакожъ не имѣло никакихъ бѣдственныхъ слѣдствїй. *Пегенгуишїасы* и *Уїатанонсы* сдѣлали заговоръ совсѣмъ истребить восемь Французскихъ деревень, поселенныхъ у Иллинесовъ.

Господинъ Макарти послалъ меня напередъ для приготовленїя квартиръ нѣкоторымъ войскамъ, пришедшимъ конвоемъ. Дикїе назначили время къ нападенїю и хотѣли предупредить сей конвой. Я находился въ сїе время у *Каскакїасовъ*, у коихъ Комендантомъ былъ господинъ Моншарво. Онъ не могъ подлинно знать намѣренїя сихъ дикихъ; они разсѣялися по домамъ жителей. Чрезмѣрная ласка и привязанность ихъ учинили подозрительными,

когда

когда воспомнили убивство Натшезовъ.

Въ сихъ случаяхъ начальникъ чувствуетъ всю тягость верховной власти. Господинъ Монтшарво не оробѣлъ; ему помогалъ господинъ Грюизъ, разумный и храбрый офицеръ. Онъ учинилъ тайный совѣтъ съ знатными и древними жителями сего мѣста; сдѣлалъ и мнѣ честь потребованіемъ у меня совѣта въ семъ обстоятельствѣ не такъ по нуждѣ, какъ по благосклонности; ибо я былъ новопріѣжжій, слѣдовательно мало свѣдомъ о семъ мѣстѣ. Однакоже я могу сказать, что какъ ни простъ совѣтъ мой, однакожъ не безполезенъ былъ. Мнѣніе мое было то, что для извѣдыванія намѣренія заговорщиковъ надлежало быть готову къ защищенію, не оказавъ ни малаго подозрѣнія; выслать нѣкоторыхъ жителей верьхомъ, вооруженныхъ ружьями такъ, какъ бы они шли на охоту, наказавъ имъ въѣхать

въ

вЪ предмѣстіе во всю скачь, такЪ какЪ будто бы что нибудь новое приключилося, отЪ сего сдѣлается ложная тревога. Тогда стоитЪ только примѣтить поступки дикихЪ, которые сами себѣ измѣнятЪ. Все учинено было по сему совѣту. Дикіе подумали, что Французы открыли ихЪ заговорЪ, которой они вознамѣрились произвести вЪ дѣйство вЪ день Рождества Христова при выходѣ изЪ церкви; они точно освѣдомилися о семЪ днѣ, спрашивая по своему, когда придетЪ тотЪ день, вЪ которой СынЪ великаго Духа пришелЪ вЪ мірЪ.

ПодумавЪ, что заговорЪ ихЪ открытЪ, они обратилися вЪ бѣгЪ. Мы выстрѣлили по нихЪ и двадцать двухЪ изЪ оныхЪ положили на мѣстѣ.

ОдинЪ сержантЪ, называемый Юность КреолЪ и хорошій охотникЪ, убилЪ изЪ нихЪ четверыхЪ при мнѣ. ГосподинЪ де ГрюизЪ сЪ своей стороны напалЪ на тѣхЪ, кои были

вЪ

въ Iезуитскихъ домахъ; многихъ изъ нихъ ранилъ и взялъ пятерыхъ въ полонъ, въ числѣ которыхъ былъ одинъ Иллинесъ. Ихъ сковали.

Господинъ Макарти немедленно послалъ курьеровъ въ новой Орлеанъ къ Маркизу Водреллю для увѣдомленія его о семъ происшествіи. Губернаторъ приказалъ возвратить плѣнниковъ ихъ соотечественникамъ, пришедшимъ плакать съ калюметомъ, говоря, что они невиноваты въ заговорѣ, и что сіи люди лишилися ума, которой отняли у нихъ Агличане. Они съ великою благодарностію приняли миръ. Теперь все спокойно, однакоже для предосторожности велѣно жителямъ брать съ собою ружья, когда они пойдутъ въ церьковь, и караульному офицеру ставить два караула у дверей оныя во время божественной службы.

Должно знать, что при всемъ ономъ происшествіи ни одного

 чело-

человѣка съ нашей стороны ни убито, ни ранено. Дикіе, дабы скорѣе убѣжать, оставили свои дубины и булавы. Сей заговоръ предупрежденъ прилѣжностію Коменданта господина Монтшарво и Маіора господина Грюизъ.

Я возвратился въ Шартрезскую крѣпость, въ которой мы живемъ теперь весьма спокойно. Не имѣя болѣе никакихъ важныхъ извѣстій вамъ сообщить, я напишу вамъ нѣсколько небольшихъ анекдотовъ, которые могутъ васъ увеселить и дадутъ вамъ понятіе о нравѣ нашихъ дикихъ.

Я нанялъ зимою охотника дикаго изъ деревни Митшигаміасовъ. Въ одинъ день, поимавши весьма много дичины, онъ вмѣсто того, чтобы принести оную ко мнѣ, промѣнялъ Французамъ на водку, которой онъ столько пилъ, что лишился разума. Какъ онъ взошелъ въ мой домъ въ семъ состояніи, то

я

я его весьма дурно принялъ: отнялъ у него свое ружье и выбилъ его вонъ; но онъ, не смотря на то, взошелъ въ мою кухню, легъ тамъ и не хотѣлъ оттуда выттти. Пришедши въ чувство, онъ разсудилъ, что сдѣлалъ великую вину; и хотя оную загладить, унесъ ружье, взялъ пороху и дроби и ушелъ. На другой день онъ возвратился, и взошелъ гордо, отягченъ будучи дичиною. Около нагаго его тѣла былъ поясъ, на которомъ навѣшаны были головы дичины; онъ отвязалъ его и кинулъ посереди горницы, и ничего не говоря, сѣлъ возлѣ огня, зажегъ онымъ свою трубку, далъ мнѣ оную курить и сказалъ слѣдующее: „Правда, что я вчера потерялъ разумъ, но я его опять нашелъ; я признаюсь въ своей винѣ, „прости меня. Признаюсь, я достоинъ былъ того, что ты меня выслалъ изъ палатки, но ты хорошо „сдѣлалъ, что впустилъ меня опять „въ оную, для того что другіе

 „дикіе,

„ дикіе, узнавши сіе, всегда бы мнѣ
„ попрекали при малѣйшей ссорѣ
„ тѣмъ, что меня прогнали изъ па-
„ лашки долгоносаго (*) начальника.

Многіе Европейцы не полагаютъ никакого различія между дикими и животными, думая, что они не имѣютъ ни разсудка, ни общаго смысла. По крайней мѣрѣ исторія, разсказанная теперь мною и множество другихъ, показываютъ, что они способны къ чувствованіямъ чести, умѣютъ удовольствовать себя, когда они обижены, и знаютъ, когда они дѣлаютъ худо. Находятся и въ Европѣ такіе народы, у которыхъ примѣчаются такіе же смѣшные и варварскіе поступки, какъ и у Американцевъ.

Но возвратимся къ моему охотнику. Вы знаете, что пьянство дѣла-

(*) *Прозванье, данное мнѣ отъ дикихъ для отличія меня отъ другихъ офицеровъ, изъ коихъ каждому даютъ по прозванью, относительно примѣченнымъ въ нихъ добрымъ и худымъ качествамъ.*

дѣлаетъ человѣка подобнымъ скоту, и что сей порокъ трудно и между самыми Французами исправить. Дикіе охотно имъ въ томъ подражаютъ; они говорятъ, что бѣлые люди научили ихъ пить огненную воду (*).

Однажды дикой мой, увидѣвъ, что дверь въ Королевскомъ магазеинѣ незаперта, закрался туда, бросился къ одному боченку съ водкою, и желая наполнить оною свою бутылку, пролилъ половину. Сіе принудило меня отпустить его отъ себя; а какъ онъ былъ хорошій охотникъ, и за нимъ не было другаго порока, кромѣ пьянства, то жена его просила меня вылечить его отъ онаго. Я охотно за сіе взялся, согласясь съ ней, его роднымъ отцемъ и матерью. Нѣкогда, будучи пьянъ, онъ еще хотѣлъ пить; я велѣлъ ему сказать, что у меня есть водка, но что я ее не даю никому. Тотчасъ

(*) *Они такъ называютъ водку.*

часъ пришелъ онъ ко мнѣ просить у меня оной, но я ему сказалъ, что я не даю оной даромъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ бѣденъ, и что естьли я хочу взять его жену, то онъ мнѣ дастъ ее на ночь. Я ему сказалъ, что начальники бѣлыхъ воиновъ не за тѣмъ пришли къ краснымъ людямъ, чтобы женами ихъ пользоваться; что же касается до его сына, то я бы его охотно принялъ въ невольники, естьли онъ хочетъ мнѣ его продать, и что за то я ему дамъ цѣлой боченокъ водки. Мы сторговалися при свидѣтеляхъ; онъ мнѣ отдалъ своего сына.

Я смѣялся сей шуткѣ, и далъ ему выпить водки, въ которую я положилъ дикаго перцу. Послѣ того, какъ онъ выпилъ оную, его связали и положили спать. Когда же проспался, то Касикъ деревни и родственники его пришли къ нему въ шалашъ, въ которомъ онъ лежалъ, растянувшись на соломѣ, и представили

ему

ему всю мерзость такого безчеловѣчнаго поступка, какой онъ учинилъ, продавъ собственную свою кровь. Сей дикой, обливаясь слезами, тотчасъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ: *индаге уе панисъ*, то есть я недостоинъ жить и нести пріятное имя отца. Онъ много ругалъ водку, которую я далъ ему, и которая сдѣлала пожаръ въ его тѣлѣ; онъ называлъ ее уриною адскаго начальника, то есть злаго духа.

Жена его, будучи съ природы весела, и привыкши забавляться на его счетъ, спросила съ холоднымъ духомъ, гдѣ сынъ? Онъ еще извинялся, говоря, что я, будучи добръ, отдамъ ему онаго, и что великій начальникъ Французовъ (*) и отецъ красныхъ людей, не имѣетъ невольниковъ въ своемъ государствѣ. Я сказалъ ему, что то правда; но принявъ его своимъ сыномъ, повезу во Францію, гдѣ я его окрещу, и

(*) *Они такъ называютъ Короля Французскаго.*

что всѣхъ мѣховъ на свѣтѣ недовольно для его выкупу.

Родственники пьянаго дикаго, притворясь, будто плачутъ, совѣтовали ему сходить за начальникомъ молитвы, или человѣкомъ, говорящимъ съ великимъ духомъ. Они такъ называютъ отправляющихъ святыя таинства. Я сказалъ ему, что естьли начальникъ молитвы на сіе согласится, то я его послушаюсь и отдамъ ему сына съ тѣмъ уговоромъ, чтобъ его окрестить и мнѣ быть крестнымъ отцемъ, и чтобы онъ самъ оставилъ пьянство, которое ему было столь бѣдственно. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что мое слово было сильно, и что онъ по смерть свою онаго не забудетъ. Онъ просилъ меня принять его братомъ (*), и сказалъ, что онъ ударитъ по столбу. Съ сего времени онъ не пилъ ни вина, ни другихъ крѣпкихъ напитковъ. Я ве-

(*) *Дикіе имѣютъ обыкновеніе усыновлять.*

велѣлъ ему поднести водки, но онъ не сталъ пить, говоря, что онъ ударилъ по столбу, что Господь живота прогнѣвается на него, естьли онъ то сдѣлаетъ; потому что я ему сказалъ, что его никакъ не льзя обмануть. Онъ помнилъ, что однажды я ему сказалъ, сколько стакановъ онъ выпилъ водки, чего однакоже я не видалъ; онъ отвѣчалъ мнѣ, что сїе справедливо, и что видно, что великїй духъ, видящїй все, мнѣ о томъ сказалъ. Вотъ какъ я узнавалъ, сколько когда дикой выпьетъ: я ставилъ возлѣ боченка вымытой стаканъ; дикой, будучи одинъ, покушался выпить стаканъ. Послѣ чего я приказывалъ опять вымывать оной въ теплой водѣ, и ставить на тоже мѣсто, и всякой разъ, какъ онъ пилъ, я тоже дѣлалъ. И такъ мнѣ легко было угадать, сколько онъ выпьетъ. Дикой дивился тому и думалъ, что я волшебникъ.

Я примѣтилъ, что дикіе очень любятъ, чтобы Французы ласкали малыхъ ихъ дѣтей; и такъ, чтобъ понравиться имъ и заставить себя бояться, я, будучи однажды недоволенъ ихъ глупостями, употребилъ сіе средство. Чѣмъ болѣе я казался быть оскорбленъ отцами, тѣмъ болѣе оказывалъ любви къ ихъ дѣтямъ; я осыпалъ ихъ ласками и давалъ имъ Европейскія игрушки. Дикіе, видя, что я, не будучи оскорбленъ ихъ женами и дѣтьми, не меньше отъ того ихъ любилъ, и что я сержуся только на тѣхъ, которые меня обманываютъ, не упушая своего гнѣва надъ ихъ семьею, были тѣмъ чувствительно тронуты. Они послѣ того пошли на охоту, принесли мнѣ дичины, кидая оную на полъ и говоря при томъ сіи слова: „ Вотъ для утушенія твоего гнѣва, не сердись болѣе на „ насъ. „ Я отвѣчалъ имъ, что я охотно позабываю прошедшее, видя ихъ возвратившихся съ умомъ, то есть не съ пустыми руками.

Оте-

Отеческія сердца повсюду одинаковы. Нѣтъ такихъ, кои бы не веселились любовію, оказываемою ихъ дѣтямъ, и кои бы не отвѣчали на то своими ласками.

Я почитаю себя обязаннымъ увѣдомить васъ о планѣ, которому я вознамѣрился слѣдовать въ своихъ письмахъ. Я буду разсматривать положеніе мѣстъ, въ коихъ буду жить, и между тѣмъ стану стараться познать свойство того народа, съ которымъ я долженъ жить. Сіе познаніе не недостойно путешественника. Вы, государь мой, воинъ и сверьхъ того философъ, то я думаю, что вамъ пріятно будетъ то, что я вамъ разскажу; ибо я ласкаюсь, что вы надѣетесь на вѣрность моего повѣствованія, потому что я ничего не скажу вамъ такого, чего я не видалъ своими глазами; я не умѣю ни выдумывать, ни прибавлять. Я есмь и проч.

Въ Шартрезской крѣпости Иллинесовъ, 28 Марта, 1752 года.

Письмо

Письмо VII.

Къ тому же.

Описаніе войны, производимой народомъ лисицъ съ Иллинессами, коея самъ сочинитель былъ свидѣтелемъ. Какъ Французы поселились между сими народами.

Государь мой!

Я увѣдомился, какимъ образомъ Французы здѣсь поселились. Иллинесская земля открыта была сперва охотниками; климатъ имъ показался очень хорошъ. Они тамъ остались жить и учинили союзъ съ природными оныя страны жителями. Многіе изъ нихъ поженилися на дикихъ дѣвкахъ, изъ коихъ большая часть окрестилася. По открытіи же Луизіанны Вестъ-Индская компанія послала туда многія семьи, которыя тамъ поселились и умножились. Нынѣ тамъ пять Французскихъ селеній (*). Знатнѣйшее мѣсто называется

(*) *Пять Французскихъ селеній суть слѣдующія: деревня Каскакіасовъ, Шарт-*

вается *Каскакіась*, которое имя происходитъ отъ колѣна Иллинесской деревни, находящейся не въ дальнемъ оттуда разстояніи. Господинъ Сосіеръ инженеръ начертилъ недавно планъ для построенія здѣсь новой крѣпости по намѣренію Двора. Она будетъ имѣть имя старой крѣпости, называемой *Шартрезскою крѣпостью*.

Иллинесская страна есть наипрекраснѣйшая въ свѣтѣ: она все селеніе снабдѣваетъ мукою, торговля ея состоитъ изъ рухляди, свинца и соли. Здѣсь много находится соляныхъ источниковъ привлекающихъ къ себѣ множество дикихъ быковъ и козъ, кои очень любятъ луга, находящіеся на самыхъ ихъ берегахъ и въ окружности оныхъ. Ихъ мясо и языки также солятъ и отправляютъ оными торгъ въ новомъ

Шартрезская крѣпость, крѣпость Св. Филиппа, Каокіасы и Лугъ Каменной Горы; еще есть шестое, называемое Св. Женевіева.

вомъ Орлеона. Плоды тамъ также хороши, какъ и во Франціи.

Иллинесы почти одинакихъ нравовъ съ тѣми народами, о коихъ я вамъ прежде сего сдѣлалъ описаніе; они различествуютъ отъ оныхъ только языкомъ. У нихъ непринужденно женятся и разводятся по возвращеніи съ охоты, что бываетъ безъ всякихъ обрядовъ съ обѣихъ сторонъ.

Свадьба у дикихъ производится по простой природѣ, и не имѣетъ никакой формы, кромѣ взаимнаго съ обѣихъ сторонъ согласія. Не имѣя гражданскаго контракта, и будучи недовольны другъ другомъ, они безъ обрядовъ разводятся и говорятъ, что супружество есть союзъ сердца, и что они женятся для любви и для взаимнаго вспоможенія другъ другу въ нуждахъ. Я видѣлъ между сими народами весьма согласныя супружества.

Дикой можетъ имѣть двѣ жены, естьли онъ хорошій охотникъ. Нѣкоторые женятся на двухъ сестрахъ,

говоря въ оправданіе, что они будутъ жить между собою согласнѣе, нежели неродные. Дикія женщины вообще весьма трудолюбивы, для того что имъ съ самаго младенчества твердятъ, что естьли онѣ будутъ лѣнивы, или непроворны, то у нихъ будетъ дурной мужъ. Сребролюбіе, честолюбіе и многія другія страсти, извѣстныя въ Европѣ, не погашаютъ въ ихъ отцахъ чувствія природы, и не заставляютъ ихъ принуждать дѣтей къ браку противъ ихъ склонности, но женятъ только любящихся.

Иллинесы были ужаснѣйшій народъ во всей Луизіанѣ; но непрестанныя ихъ войны съ сѣверными народами привели ихъ въ безсиліе и опустошили ихъ земли. Ненависть къ нимъ Канадцовъ происходитъ отъ набѣговъ, учиненныхъ ими на ихъ земли, и отъ того, что они какъ во время ихъ походовъ на войну, такъ и хожденія на охоту, переловили и побили самокъ и самцовъ бобровъ; что за под-

лостѣ

лость и преступленіе почитается сими народами, производящими знатную торговлю кожами сихъ звѣрей, кои они мѣняютъ у Европейцовъ на другіе товары.

Въ 1752 году дикіе изъ поколѣнія *Каокіасопь* встрѣтились на охотѣ съ шестью дикими изъ народа *лисицъ* (*), и хотя и не было между ими войны, однакожъ взяли ихъ въ полонъ. Положили между собою ихъ сжечь, дабы они не могли увѣдомить о семъ свой народъ. Одинъ изъ сихъ плѣнниковъ по щастію своему оторвался отъ столба, къ коему онъ былъ привязанъ; преслѣдуемъ будучи своими палачами, бросился въ озеро и избѣжалъ отъ ихъ поисковъ, нырнувъ въ воду. Онъ, спрятавшись въ тростникъ и высовывая только иногда голову для отдохновенія, имѣлъ терпѣніе пробыть въ семъ положеніи во все то время,

(*) *Настоящее имя сихъ народовъ Утагамиссы. Земля ихъ на западъ Мичиганскаго озера.*

время, какЪ жгли его товарищей. По наступлении ночи онЪ избѣжалЪ поисковЪ отЪ ИллинесовЪ; ибо они почитали его либо утопшимЪ, либо съѣденнымЪ вооруженными рыбами, кои весьма жестоки и перекусывают самое желѣзо.

Сей дикой, будучи нагЪ и безоруженЪ, долженЪ былЪ для прокормленія себя вЪ пути, какЪ скотЪ, ѣсть траву. Возвратившися кЪ своему народу, онЪ разсказалЪ о приключившемся сЪ нимЪ у ИллинесовЪ и о нещастной участи, постигшей его сопутешественниковЪ. ТотчасЪ начали родственники по обыкновенію плакать. НачальникЪ народа созвалЪ совѣтЪ; ибо они ничего не предпринимаютЪ безЪ совѣта. ВЪ ономЪ положено было послать пучки палочекЪ (*) кЪ начальникамЪ союзныхЪ колѣнЪ, изЪ

 числа

(*) *КакЪ дикіе писать не умѣютЪ, то сіи пучки показываютЪ у нихЪ число воиновЪ и день собранія для отправленія арміи.*

числа коихъ были *Сіуксы*, *Сакисы* и *Кикапоусы*, кои шли какъ вспомогательныя войска подъ знаменемъ *лисицъ*. Армію составляли тысяча воиновъ. По учрежденіи всего предводитель *лисицъ* отправился водою къ Иллинесамъ противъ деревни *Митшигаміасопъ*, давшихъ убѣжище *Коакіасамъ*.

Воины порядочно приплыли на 180 каноесахъ къ крѣпости *Коакіасопъ*, гдѣ командовалъ Кавалеръ Вользей, офицеръ моего деташемента. Передовое войско морской арміи *лисицъ* состояло изъ лучшихъ гонцовъ, кои должны были выступить на сухой путь для сдѣланія открытія. Вступленіе на сухой путь учинилось за четверть мили отъ непріятельской деревни.

Лисицы выбрали для сраженія праздничный день; ибо они знали, что дикіе ходили въ Шартрезскую крѣпость смотрѣть церемоніи, отправляемой Французами въ такіе дни. Сія крѣпость отдалена одною

токмо

токмо милею отъ деревни сихъ дикихъ.

По приуготовленіи всего къ нападенію предводитель *лисицъ* велѣлъ двенатцати человѣкамъ, легчайшимъ въ бѣгѣ, учинить нападеніе. Тотчасъ молодые люди бросились въ непріятельскую деревню, побили всѣхъ встрѣтившихся имъ, производя смертельной крикъ, и выстрѣливъ изъ ружей, убѣжали съ такимъ же проворствомъ, съ какимъ туда прибѣжали.

Иллинесы вооружася погналися за ними; но корпусъ арміи *лисицъ*, засѣдшій въ большихъ травахъ, сдѣлалъ общій выстрѣлъ, отъ котораго убито двадцать восемь человѣкъ, потомъ напалъ на деревню, побилъ мужей, женъ и дѣтей, деревню зажгли, оставшихся же связавши взяли въ полонъ.

Лисицы въ сей щастливой для нихъ день потеряли только четыре человѣка, изъ числа коихъ былъ начальникъ Сіукскаго народа, союзникъ ихъ.

Я былЪ зрителемЪ сего побоища, случившагося 6 Іюня, 1752 года. Я тогда стоялЪ на горѣ вЪ Мичиганской деревнѣ, и имѣлЪ случай спасти жизнь дѣвушки лѣтЪ пятнатцати; она несла тогда ко мнѣ землянику. КакЪ непріятели за ней гнались, то она бросилась ко мнѣ вЪ объятія. Сіи варвары не осмѣлились вЪ нее выстрѣлить, опасаясь, чтобы вЪ меня не попасть.

По сему вы можете судить, что нѣтЪ ничего опаснѣе нечаянныхЪ нападеній сихЪ народовЪ; одни только пришедшіе вЪ крѣпость смотрѣть церемоніи ФранцузовЪ избѣжали мщенія *лисицЪ*. Сіи, довольны будучи своею побѣдою, сѣли на малыя свои суда; связанныхЪ плѣнниковЪ посадили сЪ передовыми войсками, и проѣжжая опять мимо крѣпости КоакіасовЪ, учинили общій залпЪ изЪ ружья.

НачальникЪ, или адмиралЪ *лисицЪ* имѣлЪ вЪ своей лодкѣ Французское знамя, и такЪ надмѣвался

своею побѣдою, какъ будто бы покорилъ великую имперію.

Господинъ Макарти, нашъ Комендантъ, написалъ къ Канадскому Коменданту, чтобъ онъ постарался о выкупѣ Иллинесовъ, взятыхъ въ плѣнъ *лисицами*.

Сіи хитрые дикіе, опасаяся, чтобы мы не помирили ихъ съ Иллинесами, такъ какъ нашими друзьями и союзниками, что бы мы и не преминули учинить, такъ хитро произвели въ дѣйство свое намѣреніе, что прежде исполненія онаго мы объ ономъ ничего не знали; будучи обижены, они хотѣли удовольствовать свое мщеніе.

Деревня *Мичигаміасопъ* лишилась при семъ нещастномъ приключеніи около сорока человѣкъ, кои были убиты и полонены.

16 Іюня, 1752 года, Комендантъ Шартрезской крѣпости положилъ на меня собрать остатки побѣжденныхъ *Коасопъ* и *Мичигаміасопъ*. Я говорилъ къ нимъ слѣ-

дующую краткую рѣчь чрезъ Королевскаго толмача:

Я говорю вамъ, мои дѣти (*), отъ отца вашего господина Макартти, которой принимаетъ великое участіе въ вашемъ нещастіи; онъ хочетъ избавить васъ отъ недостатка, въ которомъ вы находитесь. Онъ вамъ даетъ нѣсколько Индѣйскаго хлѣба: его сердцу прискорбно видѣть васъ ослабѣвающихъ отъ глада. Онъ положилъ также на меня дать вамъ нѣсколько пороху, пуль и ружей. Мы не можемъ теперь сдѣлать лучше сего; для того что у насъ у самихъ война, и не знаемъ, когда придутъ сюда изъ большей деревни, (то есть новаго Орлеана). Отецъ вашъ совѣтуетъ вамъ сходить на охоту, повести съ собою свои семьи, дабы ихъ прокормить, и оставить только нѣкоторое число людей для смотренія за вашими по-

(*) *Дикіе имѣютъ обыкновеніе называть офицеровъ отцами.*

полями и для воспрепятствованія живошнымЪ повредить оныя. Вы можете посылать иногда нѣкоторыхЪ вашихЪ людей для провѣданія о томЪ, что здѣсь происходитЪ.

ОтвѣтЪ начальника обоихЪ колѣнЪ.

„Это хорошо, отецЪ мой, „что великій начальникЪ (*) о „насЪ сожалѣетЪ; вить немалаго „стоитЪ быть такЪ вдругЪ захваченными, какЪ мы были; ты и „самЪ былЪ очевиднымЪ тому свидѣтелемЪ; ибо ты спасЪ одну „нашу дѣвицу: мы были побиты „*лисицами* и ихЪ союзниками, кои „сожгли наши шалаши сЪ сЪѣстными припасами и унесли нашу „добычу, во время пребыванія „нашего у *КаскакіасовЪ*. И „такЪ разсуди, какЪ можно здѣсь „кого нибудь оставить, потому

 „что

(*) *ТакЪ они называютЪ главнаго офицера провинціи.*

„что они либо помрутъ съ голоду, или будутъ непрестанно „оплакивать смерть своихъ родственниковъ, погибшихъ при семъ „нещастномъ нападенiи. Но въ „знакъ нашей вѣрности къ нашему „отцу увѣдомь его говорящею бумагою, что мы иногда будемъ „присылать къ нему нѣкоторыхъ „своихъ людей съ дичиною, чтобъ „видѣть его и узнать, что здѣсь „происходитъ.

„Мы надѣемся, что Французскiй великiй начальникъ будетъ „насъ покровительствовать и поможетъ намъ привести себя въ „безопасность отъ непрiятеля. Мы „также просимъ тебя поговорить „ему, чтобъ онъ сдѣлалъ милость „велѣлъ сказать нашимъ людямъ, „оставшимся у *Каскакiасопъ*, чтобы они опять соединилися съ нами „для сдѣланiя къ общему защищенiю крѣпости, коей мы учинили „расположенiе на берегу Мисисипи.„

Рѣчь

Рѣчь Шикагу, начальника съ медалью.

„ Я прошу тебя, отецъ мой,
„ велѣть починить наши оружія, и
„ мы тотчасъ отправимся; а ты
„ скажешь великому начальнику,
„ чтобъ онъ не слушалъ худыхъ
„ словъ, какими не преминутъ наши
„ непріятели поносить народъ нашъ;
„ чтобъ онъ помнилъ данное ему
„ мною обѣщаніе, оно будетъ истин-
„ но, я сохраню его въ моемъ
„ сердцѣ. „

Отпѣтъ.

Естьли ты говоришь правду, то отецъ твой всегда къ тебѣ будетъ благосклоненъ, и всѣ другіе Французскіе начальники будутъ стараться тебѣ сдѣлать удовольствіе, естьли сердце твое согласно съ твоими устами. Также и то хорошо, что ты скоро отправишься; разсмотри, какой вредъ собаки твоей деревни дѣлаютъ скотинѣ Французскихъ жи-

телей (*), и съ какимъ терпѣнiемъ они то сносятъ. Они о томъ вамъ ничего не говорятъ, зная ваши нещастiя, кои для нихъ чувствительны; они съ сожалѣнiемъ видятъ васъ приведенныхъ въ такое печальное состоянiе. Но они начинаютъ скучать, и для того вамъ должно тому пособить. Отецъ вашъ будетъ доволенъ, узнавъ, что вы уѣхали на мѣсто ловли, для того что его сердцу прискорбно видѣть васъ, претерпѣвающихъ гладъ.

Отецъ вашъ писалъ къ господину Адамвилю, Комендапту у *Пеорiасопъ*, чтобъ онъ помирилъ васъ съ *лисицами* и старался о выкупѣ вашихъ женъ и дѣтей, полоненныхъ ими. Товары даны имъ будутъ на счетъ Короля, вашего отца

(*) *Дикiе имѣютъ множество собакъ, употребляемыхъ ими для ловли; но какъ дикимъ нечѣмъ было ихъ кормить, то собаки, будучи голодны, поѣдали у Французовъ скотъ. Онѣ половина собаки и половина волка.*

отца и великаго начальника бѣлыхъ и красныхъ людей.

Дикіе не наказываютъ тѣхъ, кои струсятъ, или убѣгутъ съ сраженія, въ которомъ дѣло идетъ о чести, или защищеніи отечества, но почитаютъ ихъ поношеніемъ человѣческаго рода. Всѣ бранятъ таковыхъ старухами; самыя женщины ихъ презираютъ, и самыя дурныя дѣвки нейдутъ за нихъ замужъ; и естьли бы какая и захотѣла то сдѣлать, но родители ея на то бы не согласилися, опасаясь, чтобъ не имѣть въ семьѣ трусливыхъ и безполезныхъ отечеству людей. Сіи люди должны распустить свои волосы и носить какъ женщины *альконанъ* (*).

Я видѣлъ одного, который, стыдясь ходить въ семъ нарядѣ, пошелъ одинъ воевать съ Шикашасами, которые не только имъ, но и намъ непріятели. Онъ приближился къ нимъ,

(*) *Малая юбка, которую носятъ дикія женщины для скрытія своей наготы.*

нимЪ, ползя на брюхѢ, какЪ змѢя, и пролежалЪ вЪ высокихЪ травахЪ цѢлые три, или четыре дни, ни пивЪ, ни ѣвЪ. КакЪ Агличане возятЪ туда товары караванами, то онЪ убилЪ изЪ онаго одного и отрубилЪ ему голову; послѢ чего взялЪ его лошадь, сѢлЪ на оную и уѢхалЪ. ОнЪ три мѢсяца употребилЪ на сей походЪ. По возвращенiи народЪ его переодѢлЪ и далЪ ему жену, чтобЪ имѢть воиновЪ. Надобно вамЪ сказать, что прежде отЪѢзда онЪ ѣлЪ собаку по обыкновенiю своего народа.

Великой начальникЪ ИллинесовЪ происходитЪ изЪ фамилiи Князей ТомароасовЪ, бывшихЪ прежде Государями всея сея страны. Сей КасикЪ есть сынЪ того, которой вЪ 1720 году былЪ во Францiи сЪ своею свитою. ОнЪ былЪ представленЪ Королю, которой далЪ ему медаль сЪ своимЪ портретомЪ; сынЪ егоноситЪ ее и по нынѢ на шеѢ. СЪ нимЪ тамЪ была Княгиня Мису-

рис-

рисская. Она разсказывала своимъ согражданамъ о великолѣпіи Французскаго Двора, при коемъ она была хорошо принята и одарена. Она между прочими имѣла хорошіе часы съ репетиціею, осыпанные алмазами. Дикіе называли сіи часы духомъ, по причинѣ ихъ движенія, которое имъ казалось чрезъестественнымъ.

Я говорилъ здѣсь съ однимъ старымъ дикимъ, бывшимъ въ свитѣ Князя Томароаса, и сдѣлавъ ему многіе вопросы о Франціи, спрашивалъ его, что ему всего лучше показалося въ Парижѣ. Онъ отвѣчалъ, что улица мясниковъ; для того что тамъ видѣлъ много мяса, а потомъ улица святаго Гонорія. Когда онъ разсказывалъ своимъ землякамъ, что онъ видѣлъ оперу, и что всѣ тѣ люди обаятели, или волшебники; что онъ также видѣлъ на новомъ мосту (Pont-neuf) маленькихъ говорящихъ и поющихъ людей (*), то они

(*) *Легко можно узнать, что онъ говоритъ о куклахъ* (Marionettes).

они тому не вѣрили. Когда онъ имъ также разсказывалъ, что онъ видѣлъ въ большей Французской деревнѣ (Парижѣ) столько людей, сколько листьевъ на деревьяхъ ихъ лѣсовъ, что у дикихъ показываетъ самое большее число; ибо они не умѣютъ счесть болѣе ста: то они отвѣчали, что Европейцы околдовали его глаза, что то невозможно, и что ему всегда одни предметы представлялися. Онъ присовокупилъ къ тому, что видѣлъ хижины великаго начальника Французовъ, то есть Версалію и Лувръ; что въ оныхъ болѣе народу, нежели во всей ихъ землѣ. Онъ сказалъ также, что видѣлъ хижину старыхъ воиновъ (Королевской инвалидной домъ). Когда сей старикъ отъ старости началъ заговариваться, то согласился съ другими дикими въ томъ, что Французы его обворожили. Другой Иллинесъ, также бывшій въ семъ путешествіи, сказывалъ своимъ землякамъ, что онъ видѣлъ

въ

въ Тюльери и на другихъ гуляньяхъ мущинъ, которые были половина женщины, и убраны въ шиньонъ и также носили серьги; что онъ подозрѣвалъ, не румянятся ли они, и что отъ нихъ пахнетъ крокодиломъ (*).

Сей Американецъ съ великимъ презрѣнiемъ говорилъ о родѣ людей, извѣстныхъ подъ именемъ *петиметровъ*, кои при самомъ рожденiи получили слабость, свойственную женщинамъ. Природа кажется, начавъ ихъ дѣлать женщинами, обманулась въ полѣ, которой имъ дала.

Сей дикой также примѣтилъ ужасную вышину уборки нашихъ женщинъ, и вышину ихъ каблуковъ; но чего бы онъ не сказалъ, увидѣвъ чрезвычайныя ихъ фижмы и тонкость

(*) *Крокодилъ, живущiй въ Мисисипи, имѣетъ мошонку въ мускусомъ, который крѣпче Остъ-Индскаго. Духъ его такъ силенъ, что оный можно чувствовать, еще не увидѣвъ звѣря.*

кость ихъ таліи, стянутой съ самаго малолѣтства превосходными латами, извѣстными подъ именемъ шнурованья. Сіи кокетки не меньше своихъ глупыхъ обожателей смѣшны своими нарядами. Вы, я думаю также, государь мой, примѣтили въ путешествіи своемъ по Европѣ, что иностранцы и провинціяльные люди, бывшіе въ Парижѣ, желая подражать нашимъ петиметрамъ и петиметресамъ, учинилися несносными своимъ соотечественникамъ своими поступками, толь противными природѣ? Въ самомъ дѣлѣ, говорилъ Американецъ, толь слабые поступки обезчещиваютъ почтенный народъ.

Прежде окончанія сего письма я вамъ скажу еще одно слово о Мисурисахъ, Баронъ Портневъ, знающій совершенно свойство сего народа, увѣрилъ меня, что они прежде были храбры и весьма добродушны; но Французы ихъ развратили какъ худымъ своимъ поведеніемъ, такъ и раздѣленіемъ между

жду собою. Нѣкоторые обманы въ торгу сдѣлали Французовъ презрительными: они также обманывали и похищали дикихъ женщинъ. Дикіе почитаютъ такія похищенія величайшимъ преступленіемъ и никогда не прощаютъ оныхъ. Развращенныя поступки Французовъ озлобили на нихъ Мисурисовъ; они въ правленіе господина Біенвиля побили гарнизонъ и офицера Дюбуа.

Повѣствованіе, которое я теперь намѣренъ вамъ учинить, довольно докажетъ, что сіи народы только по одному имени дикіе, и что Французы, хотѣвшіе ихъ обмануть, сами обманулися. За сорокъ лѣтъ прежде сего, когда сіи Американцы не знали еще Европейцевъ, одинъ путешественникъ пришелъ въ ихъ землю, и научивъ ихъ употребленію огнестрѣльныхъ оружій, онъ продалъ имъ нѣсколько ружей и пороху, помощію которыхъ дикіе получили на охотѣ весьма богатую добычу. Чрезъ нѣсколько времени послѣ того

другой путешественникЪ пришелЪ кЪ нимЪ сЪ порохомЪ; но какЪ у дикихЪ онаго еще нѣсколько было, то они не покупали у сего Француза, которой весьма странное принялЪ намѣреніе, не безпокоясь о слѣдствіяхЪ, могущихЪ отЪ того приключиться его соотечественникамЪ. ОнЪ думалЪ учинить доброе дѣло, обманувЪ сихЪ бѣдныхЪ людей.

Дикіе, будучи сЪ природы любопытны, очень желали знать, какЪ порохЪ, называемый ими сѣменемЪ, дѣлался во Франціи. ФранцузЪ увѣрилЪ ихЪ, что его сѣютЪ и жнутЪ, такЪ какЪ просо.

Мисурисы были весьма довольны симЪ открытіемЪ, и не преминули посѣять весь оставшійся у нихЪ порохЪ, что принудило ихЪ покупать онаго у сего Француза, которой за него получилЪ вЪ заплату бобровые и другіе дорогіе мѣха. Послѣ чего сей ФранцузЪ отправился кЪ ИллинесамЪ, гдѣ командовалЪ тогда господинЪ Тонти.

Мисурисы часто ходили смотрѣть, не выросЪ ли порохЪ, и при-

приставили сторожей, чтобъ птицы не поклевали посѣва; но они скоро узнали обманъ сего Француза. Надобно знать, что дикихъ не льзя обмануть больше одного раза, и что они никогда того не позабываютъ. И такъ они вознамѣрились отмстить первому изъ Французовъ, которой къ нимъ придетъ. Чрезъ нѣсколько времени послѣ сего корыстолюбіе побудило того обманщика послать туда съ товарами, нужными для Мисурисовъ, другаго Француза. Узнавъ, что сей Французъ товарищъ того, который ихъ обманулъ, и посланъ имъ, дикіе, скрывъ свою обиду, дали ему большую хижину, находившуюся посереди деревни для расположенія тамъ своихъ товаровъ; потомъ вошли туда толпою, и всѣ посѣявшіе порохъ взяли у него по нѣскольку товаровъ, такъ что бѣдный купецъ лишенъ былъ всѣхъ своихъ товаровъ безъ всякаго возвращенія со стороны дикихъ. Французъ негодовалъ

 про-

противъ таковаго поступка, жаловался о томъ главному начальнику того народа; но сей отвѣчалъ ему съ важнымъ видомъ, что для удовольствованія его должно ожидать жатвы пороха, посѣяннаго его подданными по совѣту его сотечественника, и что онъ послѣ сей жатвы велитъ ему отдать всѣ мѣхи дикихъ звѣрей, поиманныхъ на ловлѣ, въ награжденіе за важную тайну, открытую его товарищемъ.

Тщетно говорилъ Французъ въ оправданіе, что можетъ быть земля Мисуриская неспособна къ произращенію сего пороха; что подданные его ошиблися, ибо онъ растетъ только во Франціи. Всѣ сіи оправданія были тщетны: онъ съ пустыми руками оттуда возвратился, весьма стыдясь тѣмъ, что его исправили дикіе.

Сіе приключеніе не отвратило другихъ Французовъ пріѣхать къ Мисурисамъ. Одинъ вздумалъ произвесть тамъ въ дѣйство выдумку

изъ

изъ своей головы: онъ вооружилъ лодку, нагруженную бездѣлицами; наученъ будучи предслѣдующимъ случаемъ, онъ наполнилъ одинъ боченокъ золою и тертымъ углемъ, сверьхъ которыхъ посыпалъ немного пороху. Пріѣхавши туда, разложилъ всѣ свои бездѣлки въ большой хижинѣ въ намѣреніи побудить дикихъ похитить оныя; они и въ самомъ дѣлѣ его ограбили. Французъ дѣлалъ много шуму и ругалъ дикихъ, прибѣжалъ къ приготовленному имъ боченку съ порохомъ, выломилъ у онаго дно, взялъ свѣтильню и началъ кричать изо всей силы: я лишился разума, я подорву хижину, вы всѣ со мною полетите въ землю духовъ. Дикіе испугавшись не знали что дѣлать. Французы, бывшіе внѣ хижины, кричали, что братъ ихъ потерялъ умъ и не получитъ онаго до тѣхъ поръ, пока они не возвратятъ ему его товары, или не заплатятъ за оные. Начальники уговаривали народъ; имѣвшіе родственниковъ въ сей хижинѣ присоединились къ нимъ.

НародЪ сжалясь приносилЪ вЪ хижину всѣ свои мѣхи. Тогда ФранцузЪ сказалЪ, что разумЪ кЪ нему возвратился. НачальникЪ поднесЪ ему калюметЪ; онЪ покуривши налилЪ на порохЪ воды вЪ доказательство, что оный не будетЪ болѣе служить; а вЪ самомЪ дѣлѣ дабы скрыть отЪ дикихЪ свой обманЪ, за которой онЪ получилЪ близко тысячи червонныхЪ хорошими мѣхами. Дикіе сЪ того времени весьма его почитали и назвали *истиннымЪ, или храбрымЪ человѣкомЪ.*

Я окончу письмо сіе описаніемЪ какЪ чудной, такЪ и чрезвычайной церемоніи МисурисовЪ, пріѣхавшихЪ сюда вЪ посольствѣ во время правленія Кавалера Буабріанта. Сія плачевная исторія послужитЪ доказательствомЪ офицерамЪ, побуждаемымЪ благороднымЪ честолюбіемЪ быть начальниками вЪ военной службѣ, что теоретическое и практическое знаніе географіи имЪ непре-

непремѣнно нужно, и что они съ великимъ раченіемъ должны познавать внутренность и всѣ мѣста той земли, въ которой производится война, для избѣжанія нечаяннаго нападенія со стороны непріятелей и для сбереженія жизни ввѣренныхъ имъ людей. То, что я вамъ намѣренъ теперь разсказать, довольно ихъ въ томъ удостовѣритъ.

Испанія съ завистію взирала на селенія наши на берегахъ Мисисипи. Агличане же съ своей стороны не опускали ни хитростей, ни обмановъ для раззоренія сего заводящагося селенія, что они еще и по нынѣ продолжаютъ дѣлать на берегахъ рѣки *Оіо*, которую почитаютъ принадлежащею себѣ.

Въ 1720 году Испанцы вознамѣрились поселиться у Мисурисовъ, которое селеніе долженствовало быть очень близко Иллинесовъ, дабы болѣе стѣснить границы наши къ западу. Иллинесы очень отдалены отъ новой Мексики,

послѣдней Испанской провинціи съ сѣверной стороны.

Испанцы думали, что къ приведенію селенія своего въ безопасность надлежало совсѣмъ раззорить Мисурисовъ, но не имѣя способовъ къ исполненію сего предпріятія одними своими силами, они вознамѣрились вступить въ союзъ съ Озагами, сосѣдами и смертельными непріятелями Мисурисовъ. Въ семъ намѣреніи они собрали въ Санта - Фѣ караванъ мущинъ, женщинъ и солдатъ, взяли съ собою лошадей и другаго скота, нужнаго для селенія; предводителемъ былъ инженерный Капитанъ.

Караванъ, отправившись въ путь, ошибся въ дорогѣ: думая, что онъ прибылъ къ Озагамъ, пріѣхалъ къ Мисурисамъ. Тотчасъ начальникъ каравана сталъ говорить чрезъ толмача съ начальникомъ Мисурисовъ, почитая его начальникомъ Озаговъ, и сказалъ ему, что онъ прибылъ

вступу-

вступить съ нимъ въ союзъ для раззоренія соединенными силами Мисурисовъ, своихъ непріятелей.

Великой начальникъ Мисурисовъ, скрывъ свое мнѣніе о семъ намѣреніи, оказалъ свое о томъ удовольствіе и обѣщалъ исполнить съ ними сіе весьма пріятное для него предпріятіе. Онъ просилъ ихъ на нѣсколько дней успокоиться отъ труднаго своего путешествія, пока онъ между тѣмъ соберетъ своихъ воиновъ и учинитъ совѣтъ съ стариками. Въ семъ военномъ совѣтѣ положено было хорошенько угощать своихъ гостей и оказывать къ нимъ искреннѣйшую дружбу.

Они положили отправиться черезъ три дни. Испанской Капитанъ велѣлъ имъ раздать сто пятьдесятъ ружей и столько же пистолетовъ, саблей и топоровъ. Но въ положенный для отъѣзда день Мисурисы пришли на разсвѣтѣ въ лагерь къ Испанцамъ и побили ихъ всѣхъ, кромѣ одного Якобина, по причинѣ отмѣн-

наго его платья, которое не показывало того, чтобЪ онЪ былЪ воинЪ. Они назвали его благочестивымЪ, и забавлялись, заставляя его ѣздить на Испанской лошади вЪ праздничные дни

Хотя ЯкобинЪ былЪ ласково и хорошо содержанЪ, однако боялся, чтобы сіи игры не кончились принесеніемЪ его на жертву Маниту. Того ради, воспользуясь нѣкогда ихЪ довѣренностію, онЪ принялЪ предосторожность кЪ спасенію себя бѣгствомЪ. Все сіе мы узнали отЪ самыхЪ МисурисовЪ, когда они принесли сюда ризницу; они были тогда одѣты вЪ украшеніяхЪ, принадлежащихЪ кЪ оной: начальникЪ имѣлЪ на себѣ лучшія ризы сЪ покровомЪ отЪ потира, повѣшеннымЪ на шеѣ и проткнутымЪ гвоздемЪ, что служило ему вмѣсто офицерскаго знака. ОнЪ важно шелЪ напереди, имѣя на головѣ перяной колпакЪ сЪ двумя рогами. Слѣдовавшіе за нимЪ одѣты также были вЪ ризахЪ; за сими шли вЪ стихаряхЪ

харяхъ и оплечьяхъ, потомъ слѣдовали четверо молодыхъ дикихъ, одѣтыхъ въ рясы и другія духовныя одѣянія. Аколиты сверьхъ обыкновеннаго шли назади сей странной свиты, не видя себя никогда толь украшенными, несли, танцуя въ такту, подсвѣчникъ. Сіи народы, не зная почтенія, должнаго священнымъ сосудамъ, повѣшали оныя лошадямъ на шею вмѣсто колокольчика.

Вообразите себѣ, какое смѣшное зрѣлище чудный порядокъ сей процессіи представлялъ. Пріѣхавъ къ дому господина Буабріанта, Королевскаго Поручика, они шли въ такту съ большимъ калюметомъ мира, распущеннымъ по обыкновенію.

Первые Французы, увидя сей пріѣхавшій маскерадъ, смѣясь бѣжали о томъ сказать и господину Буабріанту, которой, будучи столь же благочестивъ, сколько храбръ, пораженъ былъ печалію отъ прибытія сихъ дикихъ; и не зная что думать о семъ произшествіи, онъ опасался,

не

не раззорили ли они какого нибудь Французскаго селенія. Увидѣвши же ихъ, печаль его миновалася; ему, такъ какъ и другимъ, трудно было удержаться отъ смѣха.

Мисурисы разсказали ему, какъ Испанцы хотѣли ихъ раззорить, и что принесли ему все надѣтое на нихъ для того, что оно имъ не годится, и что естьли онъ хочетъ, то можетъ имъ вмѣсто сего дать другихъ вещей, кои бы болѣе по вкусу имъ были, что онъ и сдѣлалъ. Потомъ онъ отослалъ ризницу къ господину Біенвилю, бывшему тогда Генераломъ Комендантомъ въ провинціи Луизіанѣ.

Мисуриской начальникъ, получивъ изъ Испанскаго каравана множество лошадей, подарилъ лучшихъ господину Буабріанту.

Они также принесли географическую карту, которая толь худо вела Испанцовъ, что они сами себя отдали непріятелямъ въ руки.

Я по позволенію Маркиза Водреля поѣду къ нему въ новой Орлеанъ, и можетъ буду имѣть удовольствіе получить отъ васъ письмо'

Остаюсь, государь мой, и проч.

У Иллинесовъ 15 Мая, 1753 года.

Письмо VIII.

Къ тому же.

Авторъ отправляется изъ Иллинесской страны въ новой Орлеанъ. Прибытіе господина Керлерека. Отъѣздъ Маркиза Водреля. Второе путешествіе автора къ Иллинесамъ. Героическое повѣствованіе объ отцѣ, избавившемъ отъ смерти сына своего пожертвованіемъ своея жизни.

Государь мой!

Я пріѣхалъ въ столицу Луизіаны и нашелъ Губернатора нашего уже отъѣжжающаго во Францію. Онъ рекомендовалъ меня господину Керлереку, его преемнику, но онъ, ни во что вмѣня его рекомендацію, удержалъ меня

меня въ новомъ Орлеанѣ, и не позволилъ ѣхать къ моему гарнизону прежде 1754 года.

И такъ я отправился изъ новаго Орлеана 17 Августа; но мы, принуждены будучи зимовать на дорогѣ, пріѣхали уже въ 1755 году въ крѣпость Шартрезскую. Я выпросилъ у господина Макарти позволеніе ѣхать для перемѣны воздуха къ Каокіасамъ.

Во время моего у нихъ пребыванія туда прибыли дикіе изъ народа Озаговъ. Ихъ Маниту есть чрезвычайной величины высушенная змѣя. Сіи народы сказывали мнѣ, что сіе ужасное животное учинило великое раззореніе въ ихъ землѣ, что оно проглатывало вдругъ по цѣлой кошкѣ, и что для того они объявили ему войну и напали на него. Они гналися за нимъ, но ни пули, ни стрѣлы, не могли пройти сквозь его кожу, покрытую крѣпкою чешуею, подобною крокодиловой. Однакожъ наконецъ они пулями

и

и стрѣлами лишивъ зрѣнія убили. Убившій его имѣлъ его изображеніе, нарисованное на своемъ тѣлѣ, но не такъ, какъ Акансасы нарисовали мнѣ дикую козу, о чемъ уже я къ вамъ писалъ: они нарисовываютъ на тѣлѣ углемъ, или порохомъ, фигуру того звѣря, котораго они хотятъ представить, послѣ чего колютъ иглами до крови, потомъ легко натираютъ оное изображеніе пепломъ, смѣшаннымъ съ размоченною солью, что смѣшивая кровь съ углемъ дѣлаетъ изображеніе несходимымъ. Сіе не безъ боли производится; но какъ есть родъ кавалерства, въ которое производятъ только за знатныя дѣла, то оное съ радостію терпятъ, дабы быть почитаему храбрымъ человѣкомъ. Сіи знаки отличности умножаются по мѣрѣ знатныхъ дѣлъ, производимыхъ на войнѣ.

Естьли кто вздумаетъ наколоть себя, не отличившись на сраже-

женіи, того разжалываютъ и почитаютъ подлымъ и недостойнымъ чести, принадлежащей подвергающимъ великодушно жизнь свою опасности для защищенія отечества. Они и самыхъ Касиковыхъ дѣтей тогда только почитаютъ, когда они храбры и добродѣтельны по примѣру отца и предковъ своихъ.

Я видѣлъ одного дикаго, которой, не отличившись защищеніемъ своего народа, вздумалъ наколоть себѣ сей почтенный знакъ. Онъ хотѣлъ, чтобъ его почитали храбрымъ человѣкомъ въ намѣреніи получить въ супружество самую лучшую дѣвушку изъ своего народа, которая хотя и дикая, однако была честолюбива. Какъ уже родители ея совсѣмъ готовы были на то согласиться, то воины, не стерпя, чтобы трусъ величался украшеніемъ, приличнымъ токмо храброму, учинили собраніе военныхъ начальниковъ для удержанія такой наглости. Совѣтъ опредѣлилъ для пред-

предупрежденія такихъ злоупотребленій, кои смѣшивали храбрыхъ людей съ трусами, сему недостойно украсившемуся симъ знакомъ, не сдѣлавъ никогда на войнѣ никакого храбраго дѣла, снять знакъ, то есть вырвать кожу и то же дѣлать со всѣми тѣми, кои повинны будутъ въ подобномъ преступленіи.

Какъ уже не было надежды къ помилованію, и осужденіе его объявлено указомъ Сената, которой былъ ревнителенъ къ утвержденію народной чести, то я изъ сожалѣнія къ сему нещастному обѣщался сдѣлать Французское лѣкарство и увѣрялъ, что сниму его кожу, и знакъ тотъ не причинитъ ни малой ему боли, и что силою моего лѣкарства кровь его перемѣнится въ воду. Дикіе, не зная моей тайны, думали, что я надъ ними шутилъ; но я, подражая ихъ обаятелямъ, далъ ему выпить кленоваго сыропу, въ которой я положилъ опіумъ.

Во время его сна я приложилЪ на знакЪ, имЪ носимой на груди, шпанскихЪ мухЪ, потомЪ попутниковыхЪ листовЪ, отЪ чего у него вздулись пузыри, кожа и знакЪ свалились, и оттуда вышла только вода. Сіе дѣйствіе весьма удивило обаятелей, кои не знали дѣйствія шпанскихЪ мухЪ, хотя онѣ весьма извѣстны вЪ сѣверной Америкѣ. Онѣ ночью подаютЪ свѣтЪ, и можно при нихЪ читать самое мѣлкое письмо, приближая ихЪ близко кЪ словамЪ.

Часто находятЪ вЪ нравахЪ ИндѣйцевЪ сходство сЪ Европейцами, какЪ ни кажутся они между собою противными. Слѣдующій примѣрЪ послужитЪ тому доказательствомЪ.

ВЪ 1749 году одинЪ офицерЪ изЪ полку Иль де Франса влюбился вЪ одну дѣвушку вЪ Парижѣ. Мать его любовницы говорила, что она прежде не выдастЪ за него своей дочери, пока онЪ не получитЪ креста Св. Людовика. Любовь побудила

дила ѐго для поспѣшенія своего супружества надѣть самимъ собою сей отличный знакъ, который одинъ токмо Король можетъ давать. Мать его любовницы почитала его уже своимъ зятемъ; но чрезъ нѣсколько дней послѣ сего ложный Кавалеръ встрѣтился нечаянно съ однимъ офицеромъ своего полку, которой, будучи старше его въ службѣ, весьма удивился, увидя на немъ крестъ прежде себя. Тотъ отвѣчалъ ему, что во всемъ можно успѣть чрезъ покровительство. Старый офицеръ, не зная сего обмана, тотчасъ пошелъ къ господину Даржансону и представилъ оному учиненную ему несправедливость, давъ крестъ Св. Людовика младшему его офицеру. Министръ сей говорилъ, что то не правда, и велѣлъ подать списокъ недавно пожалованныхъ. Какъ тамъ не упомянуто было о томъ офицерѣ, то велѣлъ его взять подъ арестъ и привести къ суду Французскихъ Маршаловъ. Учинили о семъ военный совѣтъ,

въ которомъ присутствовалъ Маршалъ Бельилъ. У ложнаго Кавалера крестъ сорвали, чины отняли и осудили его на заключеніе на двадцать лѣтъ въ цитадель.

Что касается до дикихъ женщинъ, онѣ безопасно могутъ дѣлать изображенія на всемъ тѣлѣ. Я многихъ изъ нихъ видалъ, у которыхъ и самыя груди исколоты были. Хотя сія часть тѣла очень нѣжна и мягка, но онѣ то съ крѣпостію сносятъ, такъ какъ и мущины, чтобы онымъ понравиться и казаться отъ того лучшими.

Но возвратимся къ Маниту Озаговъ. Я бы хотѣлъ его имѣть у себя, дабы украсить имъ вашъ кабинетъ натуральной исторіи; я говорилъ о томъ одному жрецу, сохранявшему онаго, предлагая ему въ обмѣнъ Европейскихъ товаровъ и представляя ему, что богопочтеніе, отдаваемое сему животному, есть злоупотребленіе; что имъ должно признать Великаго Духа, или

Твор-

Творца природы. Но сей хитрый служитель діявола, признаваясь, что грубые и суевѣрные его соотчичи обожають все чрезвычайное, сказалъ мнѣ, что онъ много получаетъ прибыли отъ своего Маниту, и что будучи лѣкарь и обаятель, онъ легко заставлялъ ихъ думать, что сей богъ ѣстъ ночью съ злымъ духомъ и что должно приносить ему съѣстныхъ припасовъ и хорошихъ мѣховъ въ его хижину для украшенія оной.

Такимъ-то образомъ сей обманщикъ своими хитрыми рѣчьми вкореняетъ заблужденіе и предразсужденіе въ сихъ бѣдныхъ невѣждахъ. Такіе духовные говорятъ имъ, будто они имѣютъ обхожденіе съ духомъ мрачности, коего дикіе очень боятся; потому что онъ можетъ имъ вредить. Что же касается до Великаго Духа, они говорятъ, что онъ, будучи добръ, не можетъ имъ вредить.

Я окончу сіе письмо повѣствованіемъ плачевной смерти одного дикаго изъ народа *Колописасовъ*, пожертвовавшаго своею жизнію за своего сына. Я удивляюся сему геройскому приключенію, приводящему въ совершенство человѣческое великодушіе. Одинъ *Хактасъ*, говоря очень худо о Французахъ, сказалъ, что *Колописасы* ихъ собаки, то есть невольники. Колописасъ разсердившись, слыша такія ругательныя слова, застрѣлилъ его. Народъ *Хактасовъ*, самой многочисленной и храброй въ сей странѣ, тотчасъ вооружился, и послалъ Депутатовъ въ новой Орлеанъ для требованія у Губернатора головы убійцы, отдавшагося въ покровительство Французамъ. Сіи предлагали подарки для примиренія сей ссоры, но раздраженные Хактасы, ничего не хотя принять, угрожали истребить деревню Колописасовъ. И такъ должно было для избѣжанія кровопролитія выдать имъ сего нещастнаго.

Дѣло положено было на господина Феранда.

Дикой, предаваемый на смерть, коею называли *Тишу Минго*, то есть слуга Касика, говорилъ рѣчь по обычаю сихъ народовъ : „ Я „ истинной человѣкъ, то есть не „ боюсь смерти, но мнѣ жалка „ участь моей жены и четверыхъ „ дѣтей, оставляемыхъ мною въ „ малолѣтствѣ. Сожалѣю объ отцѣ „ и матери, которые очень стары „ и коихъ я кормилъ своею ловлею. „ (*) Я препоручаю ихъ Францу-„ замъ, для того что я, заступясь „ за нихъ, умираю. „

Едва онъ кончилъ сїю краткую и жалостную рѣчь, какъ добрый и нѣжный его отецъ, тронутъ будучи сыновнею любовїю, вставши говорилъ слѣдующее: „ Мой сынъ умираетъ „ храбро (**); но будучи молодъ и „ си-

(*) *Онъ былъ лучшїй охотникъ изъ всего народа.*

(**) *Слово храбрость значитъ на ихъ языкѣ сильное и чрезвычайное.*

„ силенъ, онъ способнѣе меня про-
„ кормить мать свою, жену и ма-
„ лыхъ дѣтей; и такъ нужно ему
„ остаться на землѣ, дабы имѣть
„ объ нихъ попеченіе. Что касает-
„ ся до меня, я уже при концѣ мо-
„ ея жизни, я довольно жилъ и же-
„ лаю, чтобы сынъ мой дожилъ до
„ моихъ лѣтъ для воспитанія моихъ
„ внуковъ. Я болѣе ни къ чему не-
„ способенъ, мнѣ уже непріятна
„ жизнь; я жилъ такъ, какъ чело-
„ вѣкъ, и умереть хочу также; и
„ такъ я желаю заступить его
„ мѣсто (*). „

При сихъ словахъ, толь чув-ствительно изъявляющихъ отече-скую любовь, жена, сынъ, не-вѣстка его и внучаты обливалися слезами. Сей нѣжный и храбрый ста-

(*) *Сіи народы слѣдуютъ Таліонову закону: у нихъ смерть отмщается смертію, надобно только, чтобы кто нибудь изъ того народа умеръ, хотя и неродный; изъ сего изключаютъ только невольниковъ.*

старикъ, обнявъ ихъ въ послѣдній разъ, увѣщавалъ быть всегда вѣрными Французамъ, и скорѣе умереть, нежели измѣнить какою нибудь подлостью, недостойною его крови. Наконецъ онъ сказалъ, что смерть его есть нужная жертва сему народу, и что онъ съ удовольствіемъ и славою умретъ. Окончавъ сіи слова, онъ представилъ свою голову родителямъ убитаго, которые оную приняли. Послѣ сего онъ положилъ голову на бревно и тотчасъ оную отрубили топоромъ.

Все было успокоено сею смертію; но сынъ принужденъ былъ отдать имъ голову своего отца. (*) Подымая оную, сказалъ онъ слѣдующія слова: „ Прости мнѣ свою смерть, „ и помни о мнѣ въ царствѣ ду-„ ховъ. „ Всѣ Французы, находившіеся при семъ печальномъ зрѣлищѣ,

 пла-

(*) *Они воткнули ее на колъ и унесли съ торжествомъ въ свой народъ.*

плакали, удивляясь геройской твердости сего почтеннаго старца, подобнаго добродѣтелью своею тому славному Римскому оратору, которой во время своего тріумвиратства скрытъ былъ своимъ сыномъ; но когда сей былъ жестоко мучимъ, дабы показалъ, гдѣ его отецъ, то онъ, не стерпя мученій своего толь нѣжнаго и добродѣтельнаго сына, предсталъ предъ мучителей и просилъ солдатъ, чтобъ убили его и спасли жизнь его сына. Сынъ заклиналъ ихъ, чтобъ его убили и пощадили жизнь его отца; но солдаты, будучи жесточае дикихъ, убили обоихъ въ одно время.

Господинъ Ферандъ, товарищъ послѣдняго моего путешествія къ Иллинесамъ, ѣхалъ по Мисисипи въ жесточайшую бурю и въ самое то время, какъ быстрота рѣки влекла ихъ въ пучину; одинъ Акансасъ охотникъ избавилъ его отъ сей погибели. Сей офицеръ сказалъ ему, что онъ надѣется возпаградить его услу-

гу;

гу; но дикой отвѣчалъ ему, что онъ учинилъ только должность брата, долженствующаго помогать въ опасности нещастнымъ; что какъ Великой Духъ далъ ему искусство плавать, то онъ не можетъ онаго лучше употребить, какъ на избавленіе отъ смерти подобнаго себѣ.

Дикіе мущины и женщины учатся плавать съ самыхъ молодыхъ лѣтъ. Я часто видалъ матерей, кладущихъ своихъ дѣтей въ неглубокую рѣчку, и чувствовалъ чрезвычайное увеселеніе, смотря на сихъ малыхъ невинныхъ, плавающихъ природно. Такое воспитаніе не лучше ли всѣхъ Европейскихъ, толико нами уважаемыхъ? Вопросъ сей весьма важенъ, а особливо въ такой сторонѣ, гдѣ почти всѣ путешествія производятся водою. Я не остановлюся при сихъ подробностяхъ, кои наконецъ могутъ наскучить, а скажу только, что слѣдуя здравому разсудку, мы должны почитать пер-

вою вещію въ природѣ знать сохранять свое бытіе, и что желательно бы было, чтобы Европейскія женщины подражали Американскимъ въ томъ, чтобы самимъ кормить грудью своихъ дѣтей. Я имѣю здѣсь передъ глазами примѣръ нещастій, весьма часто причиняемыхъ наемными кормилицами: одинъ дворянинъ, офицеръ моего деташемента, долгое время пропадалъ, для того что лишь только онъ родился въ Парижѣ, то его послали въ Нормандію, и онъ нечаянно узнанъ былъ своими родителями уже на дватцать второмъ году, испытавъ въ сіе время всѣ роды нещастій и бѣдности.

Я помню, какъ въ 1749 году, ѣдучи изъ Парижа въ Арпаіонъ, я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ нещастія, приключившагося одному младенцу, удаленному родителями, дабы не быть обезпокоенными ихъ крикомъ. Кормилица, на которую положено было воспитаніе сего робенка, положила его въ свой фартукъ, и какъ

она

она садилась въ большую коляску, опредѣленную для сихъ путешествій, то фартукъ ея, привязанной сзади, отвязался и ребенокъ упалъ мертвъ на землю.

Да позволятъ мнѣ сказать, что въ семъ есть совершенное различіе между образомъ мыслей Европейцевъ и Индѣйцевъ.

Но груба правота, что въ васъ сердца питаетъ,
Законы первые природы наблюдаетъ.

Жюмоньвиль. Поэма Г. Томаса.

Онѣ почтутъ за безчестіе препоручить своихъ дѣтей женщинамъ, весьма отъ нихъ удаленнымъ. Онѣ не опасаются такъ, какъ Европеянки, чтобы любовь ихъ супруговъ уменьшилась отъ того, что онѣ носили въ своемъ чревѣ залогъ своей взаимной любви; но напротивъ того любовь отъ сего взаимно съ обѣихъ сторонъ умножается, притомъ же удовольствіе видѣть продолженіе своего рода и себя оживляющагося ежедневно въ ма-

маленькой твари, которой дали жизнь, облегчаетъ случающіяся съ ними нещастія.

Бѣлыя женщины, коихъ мы называемъ креолками, слѣдуютъ обыкновенію Европейскихъ женщинъ, и не кормятъ дѣтей своихъ своею грудью, но родивши отдаютъ ихъ черной, или красной невольницѣ, не разсуждая того, что кровь у нее можетъ быть испорченная. Многіе искусные лѣкари доказали физически, что молоко имѣетъ дѣйствіе надъ склонностями дѣтей, питающихся онымъ. Я часто видаю въ Америкѣ невинныхъ жертвъ развращенной жизни своихъ кормилицъ. Коль бѣдственно сіе для размноженія человѣческаго рода! Я оставляю о сей матеріи писать такимъ людямъ, которые въ томъ упражняются; они лучше меня въ томъ успѣютъ.

Я оканчиваю, увѣряя васъ, государь мой, и пр.

У Иллинесовъ, 21 Іюля, 1756.

P. S.

P. S. Одинъ дикой курьеръ, пріѣхавшій въ сію минуту сюда, принесъ намъ пріятное извѣстіе о взятіи *Хоагуена* и принадлежащихъ къ нему мѣстъ, находящихся на славномъ озерѣ Онтаріо.

Гарнизонъ сего мѣста, простирающійся до 1500 человѣкъ, сдался военноплѣннымъ и принялъ такую капитуляцію, какую господину Монткалму угодно было дать оному. Сей Генералъ послалъ тотчасъ въ Квебекъ пять знаменъ отъ полковъ, находившихся тамъ.

Господинъ Риго (*), предводительствующій Канадцами и дикими, овладѣлъ выгоднымъ мѣстомъ для недопущенія помощи къ непріятелю и для воспрепятствованія оному ретироваться.

Пѣхотныя войска, солдаты селенія, Канадцы и дикіе, равно отличалися. Мы еще не знаемъ числа

(*) *Братъ господина Маркиза де Водреля и Губернаторъ Канады и новой Франціи.*

числа людей, потерянныхъ непрiятелемъ, извѣстно только то, что Генералъ ихъ убитъ съ самаго начала нападенiя. Съ нашей же стороны потеряно въ семъ щастливомъ сраженiи только три солдата, господинъ де Бурламакъ, Полковникъ пѣхоты, и человѣкъ семь, или восемь солдатъ легко ранены; но по нещастiю господина Декомбль инженеръ убитъ изъ ружья нашимъ дикимъ, которой по отличному его отъ другихъ офицеровъ мундиру почелъ его Агличаниномъ.

Маркизъ де Монткальмъ старается раззорить крѣпость Хоагуевъ и переслать въ Фронтенакъ найденные тамъ съѣстные и военные припасы и сто пушекъ.

Письмо IX.

Къ томуже.

Отъѣздъ сочинителя отъ Коакіасовъ въ Шартрезскую крѣпость. Примѣчанія его о населеніи Америки. Описаніе слоновъ, пришедшихъ къ окружностямъ рѣки Оіо.

Государь мой!

По видимому сіе письмо будетъ послѣднее изъ Иллинесской земли, для того что я намѣренъ по совѣту лѣкарей ѣхать во Францію для принятія Бурбонскихъ бань, дабы предупредить печальныя слѣдствія раны, полученной мною еще при осадѣ замка Дофинъ (*).

(*) *Крѣпкое мѣсто въ Піемонтѣ на вершинѣ Алпійскихъ горъ, которое было взято 19 Іюля, 1744 года, подъ предводительствомъ Принца Конди. Бригада Пуату, предводительствуемая храбрымъ Дешевертомъ, отличалася на семъ сраженіи чрезвычайною своею храбростію, которая произвела удивленіе во всей Европѣ.* Смотри журналы того времени.

Вчера прїѣхалъ сюда нарочный, отправленной изъ крѣпости Квенъ къ нашему Комендашу, чрезъ котораго мы увѣдомились, что Агличане производятъ великія приготовленія къ нападенію на сію крѣпость. Господинъ де Макарти отправилъ конвой съ съѣстными припасами въ оную крѣпость. Кавалеръ де Виліеръ предводительствуетъ онымъ вмѣсто меня; ибо худое состоянїе моего здоровья не позволило мнѣ предпринять сіе путешествїе. Я бы могъ на пути разсмотрѣть то мѣсто, на которомъ одинъ дикой нашелъ слоновые зубы, изъ коихъ онъ мнѣ далъ десну, которая вѣсила $6\frac{1}{2}$ фунтовъ.

Въ 1725 году Канадцы, производивши войну съ *Тшикашасами*, нашли въ окружностяхъ рѣки Оіо скелеты семи слоновъ, что подаетъ мнѣ поводъ думать, что Луизіана граничитъ съ Остъ-Индіею, и что сіи слоны пришли туда изъ Азіи неизвѣстною еще намъ западною частію. Сіи животные можетъ быть заблу-

дившись

дившись вошли въ сію новую землю и ходили по лѣсамъ. Тогдашніе же дикіе, не зная еще употребленія огнестрѣльнаго оружія, не могли совсѣмъ ихъ истребить. Сіи слоны по видимому пришли къ болотистой землѣ, гдѣ ужасная тяжесть тѣла ихъ, погрузивъ по брюхо, принудила тамъ остаться.

Въ 1752 году Баронъ де Портнефъ, Комендантъ Французской крѣпости у Мисурисовъ, получилъ отъ дикихъ сего народа кожу съ звѣря, до сихъ поръ еще неизвѣстнаго въ Европѣ. Сей офицеръ послалъ оную въ подарокъ къ Маркизшѣ де Водрель, которая изъ оной сдѣлала себѣ муфту. Сей звѣрь величиною съ лисицу; шерсть его такъ тонка и мягка, какъ бархатъ, и испещрена черными и свѣтложелтыми пятнами.

Многіе писатели думаютъ, что можно чрезъ новую землю, или островъ Карамбисейской, лежащій къ сѣверу старой земли, пройти по льду

вЪ Гренландію; что по сей дороге ходили прежніе жители Америки, и что проливЪ, раздѣляющій оную отЪ твердой земли, имѣетЪ вЪ своей восточной части высокія ледяныя горы; но всѣ, покушавшіеся пройти сею сѣверною частію кЪ ИндѣйцамЪ, либо сЪѣдены были бѣлыми медвѣдями, или погибли посреди льда.

ВотЪ примѣчаніе мое о семЪ: естьли люди прошли оттуда для населенія Америки, то чаятельно они бы предпочли Канаду, новую Англію и Луизіану, коея самыя полуночныя страны сходны сЪ ихЪ землями; напротивЪ того извѣстно, что когда Французы и Агличане открыли сѣверную Америку, то тамЪ было весьма мало жителей, вмѣсто того, что Испанцы, завоевавшіе Мексику и Перу, нашли Королей и ИмператоровЪ, имѣвшихЪ многочисленныя арміи и приносившихЪ на жертву своимЪ богамЪ ежегодно по двадцати тысячь плѣнниковЪ. И такЪ сіе

сіе подаетъ поводъ догадываться, что люди прошли въ Америку западною стороною Мексики и Луизіаны (*). Слоны, пришедшіе туда, служатъ доказательствомъ моихъ примѣчаній. Сверхъ того, когда я спрашивалъ о семъ шатающихся народовъ, называемыхъ *Сіулугопъ*, то они отвѣчали мнѣ, что они слыхали отъ другихъ, что на западѣ ихъ земли живутъ искусные люди, кои плаваютъ на большихъ озерахъ соленой воды въ великихъ пирогахъ; (**) что они живутъ въ большихъ деревняхъ, въ коихъ домы построены изъ бѣлаго камня, и что жители повинуются великому самовластному начальнику, который имѣетъ ужасныя арміи.

(*) *Луизіана граничитъ сѣверо-востокомъ съ Канадою, востокомъ съ Флоридою и Аглинскими селеніями, а западомъ съ новою Мексикою. Границы ея сѣверо-запада не положены.*

(**) *Дикіе называютъ море великимъ озеромъ, а корабли великими пирогами.*

ПритомЪ же Мексиканцы, такЪ какЪ Индѣйцы, поклоняются идоламЪ. Натшезы также имѣютЪ храмЪ и богослуженіе. ВЪ ихЪ языкѣ примѣтны Китайскія слова. Нѣкоторые изЪ сихЪ дикихЪ стригутЪ, или вырываютЪ у себя на головѣ волосы и оставляютЪ только кружокЪ, кЪ которому они привязываютЪ разныхЪ цвѣтовЪ перья. Они никогда не стригутЪ себѣ ногтей; вЪ Китаѣ же почитается знакомЪ благородства имѣть на правой рукѣ весьма долгіе ногти.

Когда бы люди прошли изЪ нашей земли вЪ Америку, то бы поколѣніе бѣлыхЪ людей продолжилось; потому что мы видимЪ, что сЪ двухЪ вѣковЪ сЪ половиною, какЪ ХристофорЪ КолумбЪ открылЪ Америку, потомки ЕвропейцевЪ, поселившихся тогда тамЪ, сохраняютЪ бѣлизну своихЪ предковЪ. Животныя, найденныя тамЪ, совсѣмЪ отмѣнны отЪ нашихЪ, ни Плиній, ниже другіе испытатели естества совсѣмЪ объ нихЪ не упоминаютЪ. Но мы должны удовольствовать-

ся,

ся, удивляясь съ почтеніемъ творенію Всемогущаго, не желая проникнуть въ таинства онаго.

Я мимоходомъ прибавлю здѣсь, что Испанцы по открытіи острововъ Сен-Доминга и Кубы нашли въ нихъ множество дикихъ, коихъ побили подъ видомъ усердія къ закону, въ самомъ же дѣлѣ, дабы овладѣть ихъ золотомъ. Одинъ Касикъ, избавившись отъ жестокостей Испанцевъ, сказалъ своимъ подданнымъ, что злато есть богъ ихъ непріятелей; потому что изъ отдаленныя страны, подвергаяся такимъ опасностямъ, пріѣхали они для завладѣнія онымъ; что надлежало все оставить, чтобы не быть ими обезпокоену. Другой изъ Касиковъ, осужденъ будучи инквизиціею на сожженіе, увѣщаваемъ былъ однимъ Іезуитомъ принять Христіянскую вѣру, дабы имѣть наслѣдіе въ раю; но онъ кричалъ, что не хочетъ тамъ быть, когда тамъ будутъ Испанцы. Сіи нещастные дикіе

такое имѣли къ нимъ омерзѣніе, что не хотѣли жить вмѣстѣ съ своими женами, опасаясь произвесть на свѣтъ невольниковъ такимъ господамъ, и ѣли Испанцевъ не для вкуса къ ихъ мясу, но изъ мщенія; ибо они говорятъ что мясо Испанца никуда не годится.

Я позабылъ вамъ написать въ послѣднемъ своемъ письмѣ, что я былъ приглашенъ на военный пиръ, учиненный великимъ начальникомъ Иллинесовъ для набора воиновъ и походу съ Кавалеромъ де Виліеръ, который получилъ отъ Коменданта позволеніе набрать Французовъ и дикихъ для отмщенія за смерть господина Жюмонвиля, своего брата, убитаго Агличанами еще прежде войны.

Узкавъ въ лѣсахъ своихъ о грозномъ нападеньѣ,
Свирѣпы смертные, страны той порожденье,
Текутъ со всѣхъ сторонъ, чтобъ мщеньемъ ускорить
И съ громомъ Франціи дреколье сѣединить.

Жюмонвиль. Поэма Г. Томаса

Вели-

Великой начальникъ Иллинесовъ называется *Папапе-Шангутіасъ*. Онъ имѣетъ родство со многими знатными Французами, поселившимися у сихъ народовъ. Сей Касикъ заступилъ мѣсто Князя Тамароаса, прозваннаго Шикагу и умершаго въ 1754 году. Онъ надѣлъ на себя покойникову медаль, и показалъ Французамъ своею къ нимъ преданностію, что онъ достоинъ носить оную. Какъ деташементъ Кавалера де Виліеръ приготовился къ отъѣзду, то *Папапе-Шангутіасъ* хотѣлъ ему учинить вспоможеніе своими воинами. Они отправилися изъ Шартрезской крѣпости 1 Апрѣля, 1756 года, и пріѣхали въ концѣ Мая на границы Виргиніи, гдѣ Агличане имѣли крѣпостцу, окруженную толстыми и частыми сваями. Дикіе приближились при темнотѣ ночи, имѣя у себя по связкѣ прутьевъ, способныхъ къ зажиганію, и зажгли оными сваи у сей крѣпости. Какъ Аглинской офи-

церЪ, бывшій тамЪ КомендантомЪ, вышелЪ для утушенія сего пожара, то одинЪ дикой, примѣтивши его при ясности огня, застрѣлилЪ. Сей самой дикой кричалЪ на ихЪ языкѣ: „ Сдайтесь собаки Агличане; а есть„ ли не такЪ, мы васЪ сожжемЪ и „ сЪѣдимЪ. „ Солдаты, будучи приведены вЪ страхЪ сими угрозами и не имѣя болѣе начальника, сдались на другой день поутру. Дикіе ихЪ попарно перевязали какЪ плѣнниковЪ, выключая сержанта, котораго одинЪ дикой узналЪ; потому что онЪ его билЪ палкою во время мира. Сей нещастный сержантЪ былЪ жертвою гнѣва сихЪ варваровЪ, кои сожгли его безЪ всякаго милосердія. Я сказалЪ, что дикіе никогда не прощаютЪ, и почитаютЪ себя вольными и независимыми; того ради не должно ихЪ утѣснять; ибо рано, или поздно они наконецЪ за то отмщаютЪ.

Аглинскіе плѣнники, коихЪ было человѣкЪ сорокЪ, были раздѣлены между Французами и дикими,

кои

кои по своему обыкновенію вырвали у нихъ бороду и волосы, и по прозьбѣ Французовъ сдѣлали ихъ невольниками. Но Французскіе офицеры, будучи человѣколюбивѣе Иллинесовъ, сложилися между собою изъ сожалѣнія, и выкупили ихъ, сдѣлавъ подарокъ сему народу, поступавшему съ ними какъ съ собаками, для того только, что они наши непріятели, и чтобы чрезъ то намъ угодить.

Изъ деревни *Коакіасопъ* пріѣжжаютъ къ *Пеоріасамъ*, союзникамъ Иллинесовъ, чрезъ хорошій и большой лугъ простирающихся на двадцать пять верстъ длины. Провожавшіе меня дикіе убивали палками маленькихъ птичекъ. Сіи птицы, у коихъ перья испещрены разными цвѣтами, очень хороши. Дикіе сказывали мнѣ, что онѣ перелетаютъ съ мѣста на мѣсто, и всякой годъ собираются, такъ какъ воробьи, для клеванія земляники, растущей въ семъ лугу, которой бываетъ отъ оной весьма

кра-

красенъ. Деревня Пеоріасовъ находится на берегу малой рѣки, и укрѣплена по обыкновенію дикихъ, то есть окружена толстыми сваями.

Пріѣхавши туда, я спросилъ, гдѣ живетъ начальникъ? Меня повели въ большой шалашъ, въ которомъ былъ весь народъ собранъ, по причинѣ нѣкоторыхъ воиновъ, убитыхъ *лисицами*, ихъ смертельными непріятелями.

Я былъ принятъ весьма ласково Касикомъ и первыми его воинами, кои одинъ послѣ другаго пожимали мнѣ руку въ знакъ дружбы, говоря: *гау*, *гау*, то есть добро пожаловать. Послѣ того молодой дикой зажегъ калюметъ мира, а начальникъ подалъ мнѣ оной для куренія по ихъ обыкновенію.

Послѣ первыхъ учтивостей мнѣ принесли тыковную бутыль, наполненную кленовымъ сокомъ. Дикіе вынимаютъ оной въ Январѣ мѣсяцѣ, провертя буравомъ близъ корня скважину, къ коей они приста-

ставливаютЪ трубочку. При первой оттепели вытекаетЪ оттуда сЪ боченокЪ соку, которой они до тѣхЪ порЪ варятЪ, пока онЪ сдѣлается сыропомЪ; естьли еще переварить, то передѣлывается вЪ сахарЪ, которой бываетЪ нѣсколько краснѣе обыкновеннаго и похожЪ на манну Калабрскую. Аптекари справедливо предпочитаютЪ оной тростниковому сахару. Французы, поселенные у ИллинесовЪ, выучились у дикихЪ оной дѣлать. По выходѣ изЪ собранія принесли мнѣ Пліакминскаго хлѣба, медвѣжьихЪ лапЪ, бобровыхЪ хвостовЪ и собачины, которую я также ѣлЪ больше изЪ учтивости, нежели для вкуса. Ибо я за правило себѣ принялЪ, принаравливаться ко нравамЪ и поступать по обыкновенію того народа, сЪ которымЪ принужденЪ жить, дабы тѣмЪ ихЪ привлечь кЪ себѣ. ПотомЪ принесли мнѣ полную чашу похлебки, сдѣланной изЪ травы, *сагамите* называемой, приготовленной

ленной съ кленовымъ сокомъ, что составляло довольно хорошее и прохладное кушанье. По окончанiи стола подали мнѣ вмѣсто закусокъ нѣкотораго рода высушеныхъ плодовъ, которые также вкусны, какъ Коринеской виноградъ, котораго весьма много въ Иллинесской землѣ.

Въ слѣдующiй день я примѣтилъ множество народа, разсѣявшагося по полю. Сiе было по причинѣ собранiя для пляски закона въ честь новому Маниту; странной уборъ жрецовъ меня поразилъ: на тѣлѣ ихъ намараны были глиной смѣшныя изображенiя, лице выкрашено было краснымъ, синимъ, бѣлымъ, желтымъ, зеленымъ и чернымъ цвѣтами. Главной жрецъ имѣлъ на головѣ изъ перьевъ сдѣланную шапку на подобiе короны, и для прикрасы пару роговъ дикихъ козъ (*). Я вамъ признаюсь, что уборъ сего свя-

(*) *Сiи животныя находятся у Мисурисовъ; рога ихъ черные изогнутые.*

священнослужителя приводилЪ меня вЪ смѣхЪ; но какЪ таковые обряды у нихЪ важны, то надлежало остерегаться отЪ смѣха; ибо они почли бы сіе неблагопристойностію и беззаконіемЪ. СверьхЪ же сего сами дикіе никогда не мѣшаютЪ КатоликамЪ вЪ отправленіи ихЪ службы, приносимой истинному Богу. Но какое зрѣлище представилося очамЪ моимЪ! я увидѣлЪ живое чудовище, почитаемое БожествомЪ. Я стоялЪ у дверей храма, посвященнаго сему ложному богу; начальникЪ церемоніи просилЪ меня вЪ оный войти (*). Не зная еще ихЪ обрядовЪ, я на то не соглашался; но одинЪ изЪ бывшихЪ со мною дикихЪ, примѣтивЪ сіе, сказалЪ мнѣ, что ежели я не войду, то сей народЪ приметЪ мой

(*) *ЖрецЪ, приставленный кЪ храму, прежде начатія жертвоприношенія мажетЪ свое тѣло смолою, потомЪ посыпаетЪ оное лебединымЪ пухомЪ, или бобровою шерстью, и вЪ семЪ смѣшномЪ нарядѣ онЪ танцуетЪ вЪ честь ложнаго Бога.*

мой откаЗЪ за обиду, или презрѣнiе. Сiи слова рѣшили мое сомнѣнiе: вошедши туда я вдругЪ увидѣлЪ Маниту, коего изображенiе было слѣдующее: голова его наклонилась кЪ желудку и походила на козлиную, уши походили на рыси и имѣли такуюже шерсть; ноги, руки, лядвѣи и колѣна были покрыты кожею и походили на человѣческiя. Сiе ложное божество было не старѣе шести мѣсяцовЪ. Дикiе нашли его вЪ лѣсу при подошвѣ горЪ Святыя Варвары, соединяющихся сЪ богатыми рудокопными заводами вЪ Мексикѣ. СозывЪ общенароднаго собранiя учиненЪ былЪ для испрошенiя его покровительства противЪ ихЪ непрiятелей.

Я говорилЪ симЪ сожалѣнiя достойнымЪ невѣждамЪ, что ихЪ Маниту былЪ не что иное, какЪ злой духЪ; а вЪ доказательство тому я привелЪ то, что онЪ допустилЪ *лисицамЪ*, лютѣйшимЪ

тѣйшимъ ихъ непріятелямъ, одержать верхъ надъ ихъ единоземцами, и что они должны скорѣе его оставить и отмстить сему злому духу. Они мнѣ отвѣтствовали: *тикалабе гуенатуе*, то есть мы тебѣ вѣримъ, ты говоришь правду. По собраніи голосовъ опредѣлили его живаго сжечь. Великой жрецъ, или жертвоприноситель, сдѣлалъ ему приговоръ въ такой силѣ: „ Чудовище, родившееся отъ нечистаго духа къ „ несчастію нашего народа, которой „ по неосторожности своей принялъ „ тебя за Маниту! ты ни за что „ почелъ приносимыя тебѣ имъ „ жертвы и допустилъ, чтобъ часть „ нашихъ единоземцевъ погибла и „ была взята въ полонъ нашими „ непріятелями, которыхъ ты явно „ покровительствуешь. Всѣ собравшіеся старшины единогласно „ опредѣлили съ согласія начальника бѣлыхъ воиновъ для „ возмездія твоей въ разсужденіи „ насъ неблагодарности тебя жи-

„ваго сжечь.„ Конецъ приговора къ смерти сего ложнаго ихъ бога былъ окончанъ восклицаніями присутствующихъ, которые кричали: гу, гу, гу, гу!

Не могши получить того чудовища, о которомъ я вамъ прежде писалъ, и желая получить сіе чудовище, я поступилъ слѣдующимъ образомъ: подошедши къ жрецу сдѣлалъ ему небольшій подарокъ и велѣлъ ему увѣрить своихъ единоземцевъ, что естьли они сожгутъ сего злаго духа, то изъ пепла его можетъ родиться другое чудовище, которое имъ будетъ пагубно, и что я нарочно поѣду съ нимъ чрезъ большее озеро для избавленія ихъ отъ онаго. Онъ благосклонно принялъ мои представленія, и посредствомъ небольшей щедрости, оказанной ему мною для подкрѣпленія моей прозьбы, предложеніе было принято и сожженіе перемѣнено было на убіеніе его палками, или на проломаніе головы. Но я притомъ еще ска-

сказалъ, что надлежало его предать на удавленіе моимъ людямъ; ежелижъ кто изъ нихъ его убьетъ, то можетъ съ нимъ случиться какое нибудь несчастіе. Они вторично одобрили мои представленія и назвали ихъ справедливыми. Наконецъ они его оставили съ тѣмъ условіемъ, что я его удалю отъ ихъ земель. И такъ онъ былъ удавленъ; но не имѣвъ спирта, ни крѣпкой водки, для сохраненія его, я принужденъ былъ его разрубить для удобнѣйшаго перевоза во Францію и удовольствованія вашего любопытства (*).

Я окончу сіе письмо другимъ описаніемъ суевѣрія сихъ народовъ и почтенія, отдаваемаго ими страшнымъ звѣрямъ. Въ 1756 году было въ Шартрезскую крѣпость посольство

 отъ

(*) *Скелетъ сего чудовища, или ложнаго бога, находится нынѣ въ кабинетѣ натуральной исторіи господина Фаіоля.*

отъ дикихъ, называемыхъ Мисурисами (*). Между ими находилася старуха, которую почитали волшебницею; она носила около нагаго тѣла своего живую змѣю съ колокольчиками, которой жало смертельно, ежели не употреблено будетъ въ тужъ минуту излеченіе.

Сія служительница сатаны разговаривала съ змѣемъ, которой казался разумѣющимъ ея слова. Я довольно вижу, сказала она ему однажды, что тебѣ здѣсь скучно, поди обратно въ свое жилище, гдѣ по моемъ возвращеніи я тебя опять найду. Тотчасъ змѣй удалился въ лѣсъ, и поползъ по дорогѣ, ведущей къ Мисурисамъ. Ежелибъ я хотѣлъ сдѣлаться суевѣрнымъ, или почитателемъ ложныхъ чудесъ, тобъ описалъ вамъ, что видѣлъ діявола, явившагося симъ народамъ подъ видомъ змѣя. Многіе миссіонеры, при-

(*) *Народъ, живущій на западѣ отъ Луизіаны при рѣкѣ того же имени, впадающей въ Миси;ипи.*

приводившіе сей дикой народъ къ закону Божію, насъ увѣряли въ своихъ извѣстіяхъ и письмахъ, что онъ явился сему народу съ тѣмъ, чтобъ они его обожали. Но нетрудно видѣть, что въ семъ ничего нѣтъ чрезъестественнаго, и что сіе не иное что, какъ чистой обманъ.

Къ томужъ вы знаете, что всѣ звѣри, даже и самые дикіе, привыкаютъ къ человѣку. Я не могу вамъ сказать, возвратился ли въ свою землю змѣй мнимой волшебницы; но могу васъ только въ томъ увѣрить, что я всегда имѣлъ великое отвращеніе къ симъ животнымъ и поставлю себѣ за удовольствіе при случаѣ давить имъ головы.

Я помню, что въ деревнѣ *Пеангишіасопъ*, которой народъ въ союзѣ съ Иллинесами, едва не послѣдовало ужаснаго приключенія одному изъ нашихъ солдатъ, которой, вошедши въ шалашъ, нашелъ тамъ живую змѣю, которую убилъ то-

поромъ, не вѣдавъ того, что хозяинъ сдѣлалъ се своимъ Маниту. Дикой, пришедъ въ сіе время, дрожалъ отъ ярости, не нашедъ своего бога. Онъ увѣрялъ, что въ сей змѣѣ заключена была душа отца его, которой съ годъ тому, какъ умеръ, убивъ къ несчастію своему изъ ружья двухъ извивавшихся на вершинѣ горы змѣй; отъ чего занемогши, онъ скоро послѣ того умеръ.

Воображеніе сего старика, будучи помѣшано горячкою, представляло ему двухъ змѣй, упрекающихъ его убійствомъ ихъ, что его принудило умираючи дать сыну наставленіе, чтобъ никогда не дѣлать зла симъ животнымъ, опасаясь, дабы не получить отъ нихъ вреда (*). Зная нравъ сего народа, я совѣтовалъ солдату, котораго ди-

(*) *Я видѣлъ во Франціи одного мужика, которой убилъ сову на кровлѣ своего сосѣда, а какъ онъ умеръ въ скоромъ послѣ сего времени то онъ думалъ, что сему причиною была сія птица.*

дикой почиталЪ богоубійцемЪ, притвориться пьянымЪ, или сумасшедшимЪ и показывать, будто онЪ хочетЪ меня и товарищей своихЪ убить. Дикіе, не знавЪ, что это было нарочно, тотчасЪ закричали, что бѣлой воинЪ (*) потерялЪ умЪ. Я у нихЪ просилЪ веревокЪ, дабы его связать; и какЪ я казался весьма сердитымЪ, то начальники и воины пришли меня просить о помилованіи его, представляя, что сей человѣкЪ отЪ излишняго употребленія вина лишился разума, и что сіе равно случается и сЪ красными людьми. Дабы прикрасить дѣло, я заставилЪ себя просить жену Касика, на прозьбу которой по отличности ея пола, много мною почитаемаго, я притворился соглашающимся. Я подарилЪ господину того змѣя, котораго убилЪ солдатЪ, для утоленія печали бутылку водки. Дикіе имѣютЪ чрезвычайную страсть кЪ сему напитку,

(*) *ТакЪ называютЪ нашихЪ солдатЪ.*

питку, и приходятъ въ бѣшенство, когда слишкомъ много онаго пьютъ. А когда пройдетъ хмѣль, то говорятъ, что не они тогда говорили и дѣйствовали, и приписываютъ всѣ свои дурачества водкѣ, и думаютъ оправдатся, признавшись, что они потеряли разумъ. Ежели одинъ пьяной убьетъ другаго пьянаго, то ему за то не мстятъ. Но сіи народы стараются никогда не пить вдругъ; и такъ трезвые удерживаютъ пьяныхъ, а женщины прячутъ всѣ оружія. Также и водка можетъ быть положена въ число величайшихъ золъ, причинившихъ великія опустошенія въ сѣверной Америкѣ. Пьянство дѣлаетъ человѣка подобнымъ скоту, и часто предускоряетъ его кончину. Я видѣлъ иногда пьяныхъ дикихъ, до смерти дубинами и топорами другъ друга убивающихъ.

Наконецъ мой отъѣздъ отъ Иллинесовъ приближился. Я считаю быть въ новомъ Орлеанѣ въ течені-

нїи Января, 1757 году. Сїе письмо посылаю я на маломъ суднѣ, отправляемомъ отъ господина де Макарти съ письмами къ Губернатору. Я есмь и проч.

У Иллинесовъ, 10 Сентября, 1756 года.

Письмо X.

Къ томуже.

Авторъ оставляетъ Иллинесовъ. Путешествїе его внизъ по Мисисипи. Онъ располагается на островѣ, окруженномъ сею рѣкою. Солдаты его поздравляютъ Губернаторомъ сего острова.

Государь мой!

Вы спрашиваете, имѣютъ ли дикїе надъ собою начальниковъ и Государей, которые бы ими повелѣвали? Долговременное мое у нихъ пребыванїе подаетъ мнѣ случай удовольствовать ваше любопытство. Они раздѣлены на колѣна, которыхъ всякое

кое колѣно, или народъ управляется Касикомъ, или маленькимъ Королемъ, которой зависитъ токмо отъ Вышняго Существа. Сіи Касики, царствуя самовластно, имѣютъ таинство привлекать къ себѣ любовь и почтеніе, не дѣлая чрезъ то власть свою ненавистною. Для того они и имѣютъ удовольствіе быть почитаемыми отъ подданныхъ своихъ полубогами, родившимися на сей свѣтъ для ихъ счастія; ибо они къ своему народу имѣютъ отеческую любовь, что для нихъ пріятнѣе всѣхъ прочихъ титуловъ и всей пышности Турецкаго Султана, или великаго Могола. Сіи Азіатскіе Императоры дѣйствительно часто бываютъ въ пространныхъ своихъ владѣніяхъ подвержены такимъ перемѣнамъ, отъ которыхъ самая ихъ жизнь въ небезопасности; ибо видали нѣкоторыхъ платившихъ имъ прежде дань, возставшихъ противъ нихъ и истребляющихъ

ляющихъ весь ихъ родъ. Американцы не знаютъ оскорбленія величества. Начальники, или Касики, ходятъ вездѣ безъ всякой опасности. Ежели кто осмѣлится посягнуть на ихъ жизнь, то тотъ наказанъ будетъ, какъ ужасное чудовище, и весь его родъ безъ милосердія истребится.

Должность предводителей, или военоначальниковъ, долженствующихъ предводительствовать арміею противъ непріятелей, токмо тѣми отправляется, которые во многихъ сраженіяхъ оказали отличные знаки своего мужества и храбрости при защищеніи отечества; и какъ сіи полководцы ходятъ нагіе, такъ какъ и прочіе, то раны, находящіяся на ихъ тѣлѣ, служатъ имъ вмѣсто знаковъ, отличающихъ ихъ отъ прочихъ, и служатъ имъ вмѣсто орденовъ, или награжденій.

Старики, кои на войнѣ быть не могутъ, не остаются по сему безполезными народу. Они наставляютъ

вляютъ его подобно оракуламъ: все дѣлается по ихъ совѣтамъ. Молодые люди говорятъ, что они, долѣе ихъ жившие, больше должны имѣть опыта и знанія. Какъ я удивлялся удовольствію, коимъ сіи старики наслаждаются, то они мнѣ говорили, что не могши сражаться за свое отечество, по крайней мѣрѣ учатъ защищать оное. Также воины всегда по возвращеніи своемъ изъ походовъ удѣляютъ часть своей добычи старикамъ, которые своимъ витійствомъ возбудили ихъ мужество, и отдаютъ плѣнниковъ старѣйшимъ изъ народа, коихъ они дѣлаютъ своими невольниками. Старые воины, которые не могутъ болѣе служить, говорятъ рѣчи къ войску. Ораторъ начинаетъ бить по столбу толстою палкою, и считаетъ всѣ свои дѣла, учиненныя имъ на войнѣ, то есть множество волосъ, снятыхъ съ головъ различныхъ народовъ. Присутствующіе отвѣчаютъ: *гау*

гау,

тау, то есть это правда. Дикіе имѣютъ ложь въ омерзѣніи и говорятъ, что человѣкъ, которой лжетъ, не есть истинной человѣкъ.

Потомъ престарѣлый риторъ говоритъ рѣчь слѣдующаго содержанія: „Ежелибъ я былъ моложе и сильнѣе и могъ бы васъ вести противъ непріятелей, какъ прежде „сего бывало, то вы бы меня увидѣли напереди идущаго. Отправляйтесь мои друзья, имѣйте львиное сердце, не затворяйте никогда ушей вашихъ, спите какъ „зайцы, ходите какъ козы, не „страшитесь холоду и безъ страху „въ случаѣ нужды бросайтеся въ „воду, какъ селезни. Естьли вы „будете преслѣдуемы, старайтесь „скрывать отступленіе свое; наиболѣе всего не страшитесь стрѣлъ „непріятельскихъ, окажите себя „истинными воинами и прямыми „мужами; въ случаѣ необходимости не щадите стрѣлъ своихъ

„про-

„ противъ непріятеля, а потомъ „ сражайтесь съ нимъ дубинами и ис„ требляйте его; ибо гораздо лучше „ умереть на сраженіи, нежели от„ дать себя въ плѣнъ и быть сож„ женнымъ.„

Окончавъ рѣчь старой воинъ подноситъ предводителю, или *Ташаминго*, то есть начальнику войны, калюметъ и всѣмъ его офицерамъ, которые курятъ всякой по своему чину, также и всѣ тѣ, которые на войнѣ еще не бывали, приходятъ курить, какъ будто чрезъ сіе записываются въ службу; послѣ же сихъ церемоній раздѣляютъ собачье мясо, которое, какъ уже я сказалъ, лучшимъ у нихъ кушаньемъ почитается.

Господинъ Тиссинетъ разсказалъ мнѣ исторію, приключившуюся его отцу, которой былъ первымъ офицеромъ, присланнымъ въ Луизіану съ господиномъ де Біенвилемъ: когда господинъ Тиссинетъ былъ у нѣкотораго дикаго народа съ купцами, то

(*) то природные жители той земли хотѣли у него съ головы содрать волосы; но господинъ Тиссинетъ, выучившися на дорогѣ ихъ языку, разумѣлъ всѣ ихъ разговоры, и какъ онъ носилъ парикъ, то, сорвавъ оный съ головы, бросилъ на землю, говоря при томъ на ихъ языкѣ слѣдующія слова: „ Тебѣ по „ этому нужны мои волосы, подними „ ихъ, ежели осмѣлишься. „ Удивленіе сего народа было неописанно; они изумились; ибо господинъ Тиссинетъ на канунѣ выбрилъ себѣ голову. Къ сему онъ присовокупилъ, что они напрасно стараются ему сдѣлать зло, и что онъ пріѣхалъ съ ними учинить союзъ; что ежели они хотятъ, то онъ выжжетъ ихъ лѣса, воду, рѣки и озера, дабы воспрепятствовать имъ плавать по онымъ, и чтобъ ихъ въ томъ увѣрить, велѣлъ себѣ принести чашку и налилъ въ нее водки,

(*) *Кои торгуютъ мѣхами и мѣняютъ оные на Европейскіе товары.*

водки, которую имѣлъ у себя въ боченкѣ, и зажегъ оную. Дикіе, не зная еще водки, весьма тому удивилися. Потомъ, вынувъ изъ кармана зажигательное стекло, онъ помощію солнца зажегъ сухое дерево. Сей народъ не сомнѣвался болѣе, что сей офицеръ имѣлъ власть зажигать рѣки и лѣса, и давъ ему великіе подарки, отпустили съ нимъ хорошихъ провожатыхъ, чтобъ ему на дорогѣ не сдѣлали какого зла. Послѣ сего времени господинъ де Біенвиль употреблялъ господина Тиссинета во многихъ союзныхъ договорахъ съ дикими.

Приключеніе господина Тиссинета приводитъ мнѣ на память исторію одного Италіянца изъ свиты господина Тонти, бывшаго тогда Комендантомъ въ одной Иллинесской крѣпости. Сей Италіянецъ поѣхалъ изъ сего мѣста сухимъ путемъ, дабы соединиться съ господиномъ де ла Салемъ. Онъ бы ему былъ весьма полезенъ въ указаніи

до-

дороги, по которой онъ долженъ былъ ѣхать для достиженія рѣки Мисисипи, естьли бы нѣсколько поранѣе къ нему прибылъ. Сей Италіянецъ также спасся чуднымъ образомъ: дикіе поставляли себѣ за долгъ его убить, но онъ сказалъ, что напрасно хотятъ они убить такого человѣка, которой всѣхъ ихъ въ сердцѣ носитъ. Сіи слова привели ихъ въ изумленіе; но онъ ихъ увѣрялъ, что ежели они отсрочатъ его смерть до другаго дня, то имъ докажетъ истинну своихъ словъ, и прибавилъ къ тому, что ежели онъ ихъ обманетъ, то онъ имъ позволитъ поступить съ нимъ такъ, какъ они захотятъ. Онъ, безъ труда получивъ требуемую имъ отсрочку, прикрѣпилъ къ груди зеркальцо, и пошелъ къ дикимъ, которые чрезвычайно удивились, увидѣвъ себя по своему мнѣнію въ сердцѣ сего человѣка, и даровали ему жизнь

Какъ я предводительствовалъ, плывучи внизъ рѣки, конвоемъ, при-

веденнымЪ сюда господиномЪ Обри, и какЪ господинЪ де Макарти положилЪ на меня отвезти вЪ новой ОрлеанЪ АгличанЪ, полоненныхЪ КавалеромЪ де ВиллiерЪ и *Папане-Шангугiемъ*, то я поспѣшилЪ прибыть вЪ столицу прежде прохожденiя льдинЪ, отрывающихся отЪ сѣверныхЪ рѣкЪ и слѣдующихЪ теченiю рѣки. Я могЪ бы быть остановленЪ сими льдинами, естьли бы не употребилЪ противЪ нихЪ силу гребли: я заставилЪ гребсти и АглинскихЪ плѣнниковЪ, чтобы тѣмЪ облегчить своихЪ солдатЪ; а какЪ вЪ сихЪ случаяхЪ всякой имѣетЪ равное право вЪ жизни, то и самые офицеры помогаютЪ для ободренiя матросовЪ.

Проѣхавши горы (*) вЪ ПрюдОмѣ, нѣтЪ больше камней вЪ Мисисипи; а когда много судовЪ сходя-

---

(*) *Сiи горы суть берега Мисисипи, кои такЪ круты, какЪ стѣны, и вышиною болѣе 500 футовЪ. Прежде сего вЪ семЪ мѣстѣ была крѣпость ПрюдОмЪ,*

дятся, то ихъ счаливаютъ вмѣстѣ и плывутъ день и ночь. На всякомъ суднѣ одинъ управляетъ рулемъ, а другой стоитъ напереди на караулѣ. Весьма весело плыть внизъ по сей прекрасной рѣкѣ; путь оканчевается въ десять, или двенатцать дней при великихъ приливахъ воды.

Я не долженъ умолчать, что солдаты имѣютъ въ путешествіяхъ обыкновеніе на разсвѣтѣ перваго числа Января поздравлять начальника команды и прочихъ офицеровъ съ новымъ годомъ, которые обыкновенно на то отвѣчаютъ малымъ количествомъ водки. Я тогда расположенъ былъ лагеремъ на островѣ, имѣющемъ около двухъ миль въ окружности и лежащемъ на одномъ рукавѣ Мисисипи. Сей островъ покрытъ

Омъ, называемая такъ по одномъ сопутешественникѣ господина Кавалера де ла Саля. Какъ сей Прюд-Омъ умеръ въ томъ самомъ мѣстѣ, то симъ именемъ и назвали крѣпость.

крытЪ высокими и густыми деревьями. ОдинЪ солдатЪ ГасконецЪ, будучи весьма шутливЪ, каковыми обыкновенно бываютЪ и всѣ его соотечественники, увѣрилЪ своихЪ товарищей, что они могутЪ имѣть лучшій противЪ обыкновеннаго подарокЪ, ежели они сдѣлаютЪ меня ГубернаторомЪ сего острова. СержантЪ согласился на сію шутку и отдалЪ нужныя для того повелѣнія. ОнЪ началЪ вырѣзывать на деревѣ мое имя, и велѣлЪ солдатамЪ, взявЪ ружья, стать вЪ строй. БарабанЪ ударилЪ маршЪ, сержантЪ, начальникЪ сей церемоніи, скинувЪ свою шляпу, сказалЪ: „ По указу Королев„ скому медвѣди, тигры, волки, олени, „ козы, буйволы и другія живот„ ныя, вЪ семЪ островѣ находящія„ ся, примите нашего предводителя „ ГубернаторомЪ, и во всемЪ пови„ нуйтесь ему.„ ПотомЪ одинЪ изЪ солдатЪ зажегЪ порохомЪ начиненные вензелы, при чемЪ вЪ одно время учинили залфЪ изЪ всѣхЪ ружей.

жей. Дикіе быки, испугавшись пальбы, бросились въ рѣку, дабы ее переплыть и уйти на другой берегъ; солдаты же, сѣвши на лодки, поплыли за ними и убили изъ нихъ четырехъ, притомъ двухъ козъ, которыхъ мнѣ поднесли, какъ новопріѣхавшему владѣльцу, что меня принудило въ семъ мѣстѣ пробыть цѣлой день для провѣшиванія мяса для употребленія онаго во время нашего путешествія. Для соотвѣтствованія шуткѣ своихъ солдатъ, за которую я довольно щедро заплатилъ, я хотѣлъ узнать внутренность своей земли; но не прошелъ я еще полмили, какъ попался мнѣ медвѣдь, которой, спокойно сидя подъ толстымъ дубомъ, ѣлъ желуди. Я по немъ выстрѣлилъ, однакожъ пуля великаго вреда ему не сдѣлала по причинѣ чрезвычайнаго его жиру, въ которомъ она остановилась. Какъ скоро онъ почувствовалъ, что раненъ, то хотѣлъ бѣжать на выстрѣлъ; но будучи очень тяжелъ, не могъ того

учинить. Тогда я, притворясь, будто хотѣлъ отъ него уйти, привелъ его къ солдатскимъ палаткамъ, гдѣ онъ былъ наказанъ, яко измѣнникъ и бунтовщикъ. Они имѣли военной совѣтъ, въ которомъ Президентомъ былъ сержантъ. Мнѣніе капрала, которой отправлялъ тутъ должность Генералъ-Прокурора, было такое: чтобы не испортить прекрасной кожи сего медвѣдя, возставшаго противъ своего Государя, надлежало оному отрубить голову, что все и было исполнено въ точности

Кожу съ него содрали и отдали оную мнѣ. Она очень черна и я ее никогда не покину, слѣдуя Геркулесу, которой не покидалъ никогда кожу побѣжденнаго имъ Немейскаго льва.

Солдаты растопили жиръ и изъ него вышло болѣе ста двантцати

кри-

кринокъ сала (*). Вы знаете, государь мой, что медвѣдь выходитъ тогда изъ берлоги, какъ плоды начинаютъ созрѣвать, а входитъ назадъ въ оную, когда они уже сойдутъ, и живетъ тамъ, пока новые поспѣютъ, а между тѣмъ онъ сосетъ лапу. Весьма опасно съ нимъ встрѣчаться одному, когда онъ не жиренъ. Дикіе производятъ великой торгъ его кожею; ноги и копченые языки его они раздариваютъ. Они часто меня дарили оными во время путешествія и они мнѣ показались весьма вкусны.

Сіе письмо я посылаю въ Камешъ къ господину Аррагори, Агенту морской Французской силы, а онъ отошлетъ его въ Кадиксъ и оттуда оно вамъ вѣрнѣе доставлено

 быть

(*) *Медвѣжье сало весьма вкусно; его употребляютъ въ Луизіанѣ для обжариванія, для соусовъ и для салата, и предпочитаютъ всякому маслу.*

быть можетъ, нежели чрезъ наши корабли; потому что Испанія войны съ Англіею не имѣетъ. Я вамъ не пишу на двое. Впрочемъ я надѣюсь отправиться въ Европу въ будущемъ Апрѣлѣ мѣсяцѣ. Остаюсь, государь мой, и пр.

Въ новомъ Орлеанѣ, 25 Февраля, 1757.

Письмо XI.

Сочинитель отправляется въ Европу; на дорогѣ сражается съ Аглинскимъ каперомъ; садится въ Капъ-Франсѣ на корабль изъ флота, состоящаго изъ 26 купеческихъ кораблей, которые почти всѣ при его глазахъ взяты каперами; взятіе небольшаго непріятельскаго корабля, и прибытіе сочинителя въ Брестъ.

Государь мой!

Не нашедъ никакого корабля для отправленія во Францію, я принужденъ былъ сѣсть на одну вооруженную бригантину, состоящую подъ командою Капитана Гожана, извѣ-

вѣстнаго по взятію пяти Аглинскихъ кораблей во время сей войны въ путешествіи своемъ изъ Франціи въ Луизіану.

Мы отправилися изъ Бализы 1 Апрѣля, 1757 года, въ Капъ-Франсе. Мая 20 мы увидѣли Турецкой островъ, и усмотрѣли корабль, которой почли за непріятельской. Онъ всю ночь за нами гнался; будучи очень легокъ, онъ черезъ три часа насъ догналъ, и поздравилъ выстрѣломъ изъ пушки, говоря притомъ, чтобъ мы сдались Аглинскому Королю. На что мы всѣ отвѣчали выстрѣломъ изъ ружей; потомъ я ему кричалъ, чтобъ отдалъ свое знамя Французскому Королю; ежелижъ того не сдѣлаетъ, то его затопятъ. Аглинской каперъ, примѣтя, что имѣетъ дѣло съ военнымъ судномъ, поворотилъ назадъ къ камнямъ, которые находятся около Турецкаго острова, дабы заманить насъ туда;

 ибо

ибо тамЪ наше судно могло разбиться о камни; но КапитанЪ, будучи осторожен и притомЪ хорошій мореплаватель, предусмотрЂлЪ поставленныя ему сЂти, и вмЂсто того, чтобы слЂдовать за каперомЪ, продолжалЪ свой путь, и такЪ мы щастливо прибыли и стали на якорь вЪ КапЪ-ФрансЂ, гдЂ мы застали эскадру господина де Боффремонта, опредЂленную итти на вспоможеніе вЪ Канаду. На ней пріЂхалЪ господинЪ де БартЪ, Его Величествомъ пожалованный ГенералЪ-ПоручикомЪ и ГубернаторомЪ острова СентЪ-Доминга. По прибытіи моемЪ первое мое стараніе было отдать ему должное почтеніе. Сей ГенералЪ, всегда готовый кЪ услугамЪ нещастныхЪ офицеровЪ, предупредилЪ мои нужды: отпустивЪ меня за четыре дня прежде для уменьшенія расходовЪ, которые бы я принужденЪ былЪ дЂлать, живучи вЪ семЪ островЂ, онЪ мнЂ сыскалЪ во флотЂ мЂсто для отправленія во Францію на КоролевскомЪ коштЂ. ФлотЪ

сей

сей состоялъ изъ двашцати шести купеческихъ кораблей, отправлявшихся во Францію подъ охраненіемъ господина де Бофремонта, которой ихъ проводилъ до Каикскихъ острововъ, гдѣ ихъ оставилъ для возвращенія въ опредѣленное ему по государственному повелѣнію мѣсто.

Я вамъ скажу, государь мой, что я по своей волѣ выбралъ себѣ корабль изъ Бурдо, называемой Солель, подъ предводительствомъ Капитана Одуара. Приключившееся со мною произшествіе показало мнѣ, что я хорошо сдѣлалъ, предпочедъ его прочимъ кораблямъ; ибо всѣ почти двацать шесть купеческихъ кораблей, составлявшіе сей флотъ, при моихъ глазахъ были взяты въ плѣнъ. Изъ нихъ только четыре возвратились во Францію, изъ которыхъ Солель былъ первой. Онъ чрезъ сорокъ пять дней пріѣхалъ въ Брестъ и взялъ одинъ Аглинской корабль на высотѣ Терраневы. Сошедъ съ корабля въ Брестѣ 15 Іюня,

Іюня, 1757 года, я тотчасъ пошелъ отдать свое почтеніе господину Графу дю Ге, морскому начальнику сей гавани; потомъ ходилъ къ господину Гокарту, Статскому Совѣтнику и морскому Интенданту. Я объявилъ ему о смерти господина д'Обервиля, которой заступалъ мѣсто господина де ла Рувиліеръ. Господинъ Гокартъ извѣстенъ былъ по своей честности и человѣколюбію, въ то время, какъ онъ былъ Интендантомъ въ новой Франціи. Онъ выѣхалъ оттуда, имѣя на себѣ 40000 ливровъ долгу, которой Его Величество, будучи доволенъ его услугами, заплатилъ изъ казны. Хорошій примѣръ для господина Виго, его преемника; ибо хотя онъ оттуда не вывезъ чрезмѣрнаго богатства, но имѣлъ удовольствіе называться честнѣйшимъ человѣкомъ изъ всѣхъ, отправляющихъ подобныя ему должности, и всѣ Канадцы, даже и самые дикіе, которые, какъ я вамъ сказалъ, умѣютъ от-

отличать добродѣтель, сожалѣли о его отъѣздѣ. Когда я его увѣдомилъ, что не имѣю довольно денегъ возвратиться ко Двору, то онъ ссудилъ меня оными чрезъ господина Гошера, главнаго казначея селенiй, и просилъ меня у него обѣдать во все время моего въ семъ городѣ пребыванiя, изъ котораго я надѣюсь выѣхать 22 числа сего мѣсяца.

Вы, можетъ быть, удивитесь, государь мой, узнавъ, что я въ теченiе осьми мѣсяцевъ видѣлъ двѣ зимы, два лѣта и двѣ весны: я вамъ писалъ, что выѣхалъ изъ Иллинесской страны въ концѣ Декабря, 1756 года, когда Мисисипи начинала покрываться льдомъ, и что проѣхавъ сiю рѣку, прiѣхалъ въ Январѣ 1757 года въ Орлеанъ, гдѣ тогда была весна. Я отправился изъ Луизiаны 1 Апрѣля, 1757 года, въ Капъ-Франсе, куда я прiѣхалъ 1 Мая, тутъ нашелъ лѣто. Сѣвъ тамо на корабль,

рабль, отправился 'л числа въ Европу, и по выѣздѣ изъ Багамскаго канала нашелъ весну. По дорогѣ къ большей мѣли *Терранепы* 22 числа мы примѣтили при солнечномъ восходѣ плавающую ледяную гору, которую сперва почли за парусъ, но по холодности воздуха догадались, что то былъ кусокъ льду, оторвавшагося отъ Ледянаго моря. 15 Іюня, 1757 года, мы пріѣхали опять въ Брестъ, гдѣ нашли лѣто. Сіе приключеніе чрезвычайно. Остаюсь, государь мой, и пр.

Въ Брестѣ, 18 Іюня, 1757 года.

Конецъ первой части.

